

МЫ
ЖИЗНЬ
В ЭПОХУ
БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Лилия Шевцова

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Московский Центр Карнеги

МЫ ЖИЗНЬ В ЭПОХУ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

/ Лилия Шевцова

РОССПЭН

Москва

2014

УДК 323(470+571)+327(470+571)

ББК 66.2(2Рос)

ШЗ7

“WE. Our Time Outside Time”

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Шевцова, Лилия

ШЗ7

Мы: жизнь в эпоху безвременья / Лилия Шевцова ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Политическая энциклопедия, 2014. — 315 с.

ISBN 978-5-8243-1853-1

Книга представляет собой полемические заметки о внутренней и внешней политике России в 2011—2013 гг., о сложившейся в России политической системе и взаимоотношениях власти и общества, о российском векторе развития и его осмыслении в либеральном сообществе.

УДК 323(470+571)+327(470+571)

ББК 66.2(2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе

9

О чем этот разговор?

11

1. О роли интеллектуалов: служить власти
или служить обществу?

13

2. Что думала интеллигенция о власти
в период медведевской паузы

19

3. Так участвовать или нет?

27

4. Спор продолжается

31

5. Еще раз о ручном гражданском обществе:
слабость либо привычка?

48

6. Как сохранить лицо,
когда лицо сохранить нельзя

57

7. Неужели мы столь безнадежны?

66

8. О том, что думали и как себя вели
интеллектуалы в других странах

72

9. «Медведевщина»

82

10. Моя короткая «Медведиана»

89

11. Как трудно избавляться от иллюзий

93

12. Конец тандема	101
13. «Медведевщина» как состояние умов	106
14. Накануне: власть перед тем, как ее встряхнули	109
15. Протест 2011–2012 гг.: против власти или против системы?	121
16. Размежеваться, чтобы объединиться?	133
17. Победа или поражение?	142
18. Согласны, что все плохо	150
19. Лидер прежний, а режим власти новый	154
20. Имморальное общество?	163
21. Ищем выход	168
22. Как долго устоит система?	174
23. Критерии развития и критерии упадка: немного теории	178
24. О самом главном	183
25. И снова спор продолжается	193
26. О радикализме и умеренности	202
27. О коалициях и участии в выборах	216
28. Фактор Навального: что он говорит о власти, обществе и оппозиции	227
29. Чему нас учит мировой опыт	235

30. Внешняя политика — зачем она нам?
245
31. Спорим о внешней политике
257
32. Как мы смотрим на внешнюю политику
261
33. А теперь о том, как на Россию смотрит Запад
и чего Запад хочет от России
270
34. Германия и ее Ostpolitik
288
35. Как заставить внешнюю политику работать на Россию?
297
36. Триумф Кремля: надолго ли?
301
37. И напоследок...
310
- Благодарность
313
- Московский Центр Карнеги
315

ОБ АВТОРЕ

Лилия Федоровна Шевцова — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир. Автор книг о политической России, среди них, *Yeltsin's Russia. Myths and Reality*; *Putin's Russia*; *Russia: Lost in Transition*; *Yeltsin and Putin Legacies*; *Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом*; *Change or Decay: Russia's Dilemma and the West's Response* (with Andrew Wood), *Crisis: Russia and the West in the Time of Troubles* (with David J. Kramer).

О ЧЕМ ЭТОТ РАЗГОВОР?

Нет, это не вариации на замятинскую антиутопию. Я заимствовала у Евгения Замятина только название его романа «Мы». В своей антиутопии Замятин описывал общество, тотально контролируемое вознесшейся над ним властью — «Благодетелем». Я же предлагаю читателю не вымысел и не разговор о будущем, а заметки о нашей реальности — о недавно прошедшем времени. О времени, которое, судя по всему, имеет шансы продлить себя в неопределенное будущее. Реальность, описываемая мной, далека (пока что) от тотального подчинения общества нынешнему «Благодетелю». Но то здесь, то там мы видим знаки, символы и тенденции, угрозу которых Замятин ощутил в далеком 1920 году.

Я рассказываю, как мы реагируем на тревожную реальность и ощущаем ли мы серьезность тех знаков, что должны быть предостережением. «Мы» в моих заметках — это либеральный круг, к которому я себя причисляю. Я рассказываю об отношении либерально настроенных интеллектуалов к самодержавию и их отношениях с самодержавием, об их роли в общественных протестах 2011–2012 гг. Об их метаниях в попытках вырваться из самодержавных тисков и о попытках некоторых сохранить спокойное место под мышкой у власти. Наконец, я говорю о нашем понимании внешней политики. Эта тема, к сожалению, вообще не звучит в российских дебатах.

Заметки сделаны пунктиром. Я акцентировала только то, что считала важным для российского вектора и его осмысления в либеральном сообществе.

Вы увидите здесь несколько моих статей, опубликованных в 2011–2013 гг., в частности в «Новой газете» и «Газете.Ru». Прочтете и отрывки из дискуссий, которые мы с коллегами вели на страницах журнала «Америкэн интерес» («The American Interest») и «Ежедневного журнала», а также в Фонде «Либеральная миссия».

Я много цитирую — и единомышленников, и оппонентов. Моя цель — показать, как либеральное сообщество воспринимает государство, в котором оно живет, и как это восприятие эволюционировало в последние годы.

Период в российской жизни, который я описываю, можно назвать безвременьем. Развитие общества и всех форм его организации остановилось. Наступила пауза. Политическая и общественная материя начала разлагаться. Именно о таком времени писал когда-то Антонио Грамши: «Прошлое умирает, но будущее еще не оформилось».

Трудно жить в эпоху безвременья. Одних засасывает болото. А те, кто хочет двигаться и дышать, оказываются в одиночестве либо в изоляции. Пока не понятно, на каком отрезке безвременья мы оказались... Продолжаются ли сумерки? Или вот-вот начнется политический рассвет? Безвременье может длиться долго по человеческим меркам, но все же оно преходящее. Уже есть ощущение, что оно может закончиться в ближайшем будущем либо, во всяком случае, при жизни нынешнего поколения. Я имею в виду постепенное накопление признаков кризиса — в политике, экономике, социальной жизни. Речь идет о том, что старые формы жизни, включая и политические институты, и все, что их обрамляет, не просто не работают. Они вступили в конфликт с новыми интересами и новой реальностью. Мы приближаемся к переломному состоянию, которое всегда и везде обнажает себя через кризис. А кризис предшествует новому оживлению. Если, конечно, общество не утратило тягу к жизни. Сам факт, что российская власть отчаянно ищет способ продлить себя в бесконечность, — признак того, что система дряхлеет и теряет устойчивость.

Это заметки о давно отжившей системе, выживающей за счет деградации общества. О власти, которая не хочет добровольно освободить нас от нее. О тех, кто боится альтернативы больше, чем возврата в прошлое.

Возможно, эти заметки станут для нас напоминанием о том, что мы упустили. Возможно, позволят понять, чего мы не поняли. Либо просто послужат поводом для продолжения спора о том, почему все произошло так, как произошло, а не по-другому, и куда идти дальше.

О РОЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: СЛУЖИТЬ ВЛАСТИ ИЛИ СЛУЖИТЬ ОБЩЕСТВУ?

Этот разговор я начинаю статьей о роли интеллектуалов в политике, которая была опубликована в «Новой газете». По инициативе Людмилы Телень радио «Свобода» провело интервью о власти и интеллигенции с рядом известных людей, которых можно считать публичными фигурами, в частности с Евгением Ясиным, Дмитрием Муратовым, Николаем Сванидзе, Эллой Памфиловой, Ольгой Крыштановской. Я привожу цитаты из этих интервью, а также из разговора Юрия Васильева с Михаилом Федотовым, ставшим новым председателем Совета по содействию развитию гражданского общества и правам человека при президенте. Они помогают понять ход мыслей о власти и о себе российских интеллектуалов, позиционирующих себя как либералов, накануне протестного движения в 2011 году.

А дальше я рассказываю о том, как развивались споры в либеральном мейнстриме на протяжении 2012–2013 гг. Самым дискуссионным был вопрос: участвовать ли в созданных при власти структурах либо их нужно бойкотировать? Словом, сотрудничать или не сотрудничать? В центре дискуссии оказались Совет по правам при президенте и Общественная палата. Вспомним, какие были у некоторых из нас иллюзии относительно сотрудничества с властью и чем эти иллюзии закончились.

Итак, давайте по порядку. Вначале моя статья.

ПРО СЛОЙКИ

Смогут ли российские интеллектуалы отказаться от кремлевских
«пряников». И что еще должна сделать власть,
чтобы служить ей стало совсем неприлично

Великие умы не столь уж и далекого прошлого — от Макса Вебера до Карла Поппера, от Юргена Хабермаса до Альбера Камю — мучительно думали о призвании интеллектуалов. Их размышления в 1990-е годы суммировал Ральф Дарендорф, мысль которого

можно свести к такой вот аксиоме: интеллектуалы несут ответственность перед обществом. Там, где они молчат, общество утрачивает свою будущность.

Опыт «бархатных революций» Восточной Европы позволяет сформулировать еще одну аксиому: прорыв к свободе может быть бескровным, лишь если интеллигенции удастся сохранить в обществе не только роль морального арбитра, но и способность к формированию повестки дня.

Если эти аксиомы верны, то будущее России печально.

Понять, какую роль прослойка, чья профессия — думать, играет сегодня в России, не составляет труда. Нужно взглянуть на механизм, который обеспечивает выживание российской системы. Этот механизм на удивление прост и пока эффективен в осуществлении интересов власти. Российской правящей корпорации удастся сохранять систему, давно пережившую свое время, благодаря игре в противоположности. Эта игра позволяет системе менять окраску и имитировать движение в разных направлениях. Фокус в следующем: нужно одновременно апеллировать к разным слоям, нейтрализуя их недовольство, и создавать видимость развития, в то время как стоишь на месте. С одной стороны, Кремль подкармливает националистическую волну, с другой — не забывает о подпитке имперских настроений. С одной — власть пропагандирует антизападничество для внутреннего пользования, с другой — обнимается с западными лидерами, а кое с кем имеет свой частный бизнес. С одной стороны, власть не скрывает своей антилиберальной сущности, с другой — опирается на «системный либерализм», т. е. на либеральную риторику и людей, которые позиционируют себя как либералов. И здесь — внимание: это балансирование на канате было бы невозможным без участия самых разных групп «думающего» сословия — от националистов до империалистов, от левых до правых. Все они с разной степенью воображения имитируют свои проекты, облегчая жизнь системы-хамелеона.

Правда, в декабре 2010-го балансирование национализма и «имперскости» дало сбой. На улицу вышла молодежь с ксенофобскими лозунгами, которая, видно, не на шутку напугала кремлевских кукловодов. Взбунтовалось путинское поколение, выросшее в период «вставания с колен» и интуитивно почувствовавшее безнадежность будущего. Путин, обычно державший паузу в моменты прежних испытаний и в этой паузе видевший способ продемонстрировать свои силу и выдержку, на сей раз среагировал молниеносно. Это подтверждает осознание властью

угрозы выпадения важного элемента, помогающего удерживать равновесие. Но сможет ли Кремль приручить выползающего из бутылки джинна? Скорее всего, произойдет то, что произошло с игрой в «имперскость» — именно она дала толчок к распаду России. Этот процесс нашел отражение в формировании де-факто самостоятельных северокавказских режимов, диктующих свои требования монополии (уникальный случай в мировой истории!). В данной ситуации рост русского национализма только подстегнет дезинтеграцию.

Власти до сих пор удавалось сочетать антизападничество и «перезагрузку» с Западом. Но надолго ли? И здесь накапливаются проблемы. Постоянно подпитываемое телевидением и национальным лидером антизападничество, и прежде всего антиамериканизм, стало способом самовыражения нового поколения. Хоккеисты молодежной сборной, матом костерившие американцев и своих канадских соперников в Буффало, выражали то, что ощущают многие россияне в отношении Запада, и то, как они разрешают свои комплексы. Рано или поздно антизападничество, ставшее для части россиян национальной идеей, заставит общество обратить внимание на космополитизм правящего класса, ставшего частью западного мира.

А вот третья опора системы — «системный либерализм» — уже зашаталась. Если эта опора рухнет, тогда и начнется обвал всей конструкции. Ведь только включенность людей, позиционирующих себя как либералов, в обслуживание власти позволяет и власти, и системе в целом выглядеть цивилизованно. Только имитация либерализма позволяет классу раньше лично интегрироваться в западное общество. «Системный либерализм» включает разные уровни поддержки власти: либералы в исполнительных органах, участие либерально мыслящих либо либерально выглядящих людей в Общественной палате, в Совете по правам человека при президенте и различных советах при других органах власти или правоохранительных структурах, либералы в «телеящике». Вот далеко не полный перечень проявлений прирученного либерализма, который с успехом конкурирует с ручными национализмом, империализмом и коммунизмом.

Все группы интеллигенции, от «государственников» до левых (от Проханова до Зюганова), строят «потемкинские деревни». Но основную нагрузку в поддержке статус-кво несут системные либералы. Потому что именно они дискредитируют единственно возможный выход из российского единовластия.

Почему российские интеллектуалы всех идеологических ориентаций идут в услужение к власти? Для некоторых конформизм по традиции является формой жизни, и они им даже бравируют. Символом конформизма как жизненного кредо стал Никита Михалков. Страх маргинализации и потери комфорта жизни заставил других (и таких большинство) выбрать молчаливый конформизм, который они неуклюже пытаются скрыть под осторожным брюзжанием. Для третьих сотрудничество с властью основано на вере в «реформы сверху», в результативность «малых дел», в надежде на реформаторство «сверху» либо, напротив, в способность Путина укрепить государство. Но можно ли надеяться на реформы «сверху» после двадцати лет их отсутствия? Сколько «добрых дел» сделала власть под влиянием интеллектуалов при власти?

...В ситуации, когда система исчерпывает средства выживания, можно ожидать лишь ужесточения режима, не собирающегося покидать сцену. Это оставляет интеллектуалам «при власти» только один вид конформизма — михалковский, не претендующий на сохранение достоинства.

Раздражение в среде конформистов выбором, который сделали Шевчук, Улицкая, Акунин, Прилепин, Фатеева, Ахеджакова, Угаров и его «Театр.doc» и драматурги, объединившиеся вокруг него, вполне понятно. Ведь эти люди, выйдя в оппозирующее власти поле, заставили оставшихся «там» — при власти — чувствовать себя неудобно, а возможно, и отвратительно. Ведь у многих «там» сохранилось, пусть на уровне атавизма, ощущение репутационного ущерба. Об этом свидетельствует стыдливое письмо президенту представителей «системного» рока, подписанное Гребенщиковым, Макаревичем, Скляр, Кинчевым и Шахриным, с просьбой «справедливо разобраться» с Ходорковским и Лебедевым. Видно, все-таки что-то у них там скребет внутри...

Коль скоро с этой системой и с этой властью все стало ясно, решится ли интеллигентское сословие снять с себя лакейский сюртук? Выйдут ли приличные люди из многочисленных загончиков при власти? Причем все вместе и окончательно? Откажутся ли они от участия в фарсах на телевидении, где из них делают жалких шутов? Пока мы видим признаки иного движения, во всяком случае среди системных либералов. «Зазор между дуумвирами расширится», — заверяет нас популярный комментатор. «К заявлениям Медведева стоит отнестись серьезно», — призывает другой. «Главным остается вопрос, какое место видит для себя Медведев после 2012 года», — надеется третий. «Важно уметь пользоваться процес-

суальными возможностями (!)», — убеждает четвертый. И все это говорят признанные гуру нашей либеральной публицистики!

Другие собираются жаловаться президенту на власть и ее правоохранительные органы. И все они ищут обоснование, почему им нужно дружить с властью. «Чтобы влиять на власть», — говорят одни. Как будто они на нее влияют. «Чтобы информировать власть», — говорят другие. Как будто власть не знает, что происходит вокруг. Есть и новый аргумент: «Мне власть не нравится. Но оппозиция тоже». Что мешает создавать оппозицию, которая понравится?

Интересно, что еще должна сделать власть, чтобы убедить коллег-интеллектуалов и коллег-либералов, что дальше служить имитацией неприлично? Правда, власть далеко не глупа. Она пытается не перебарщивать с насилием — пока, во всяком случае.

Обращу ваше внимание на любопытный феномен: логика системы ведет к ужесточению режима, но логика выживания правящего класса требует сохранения пристойного лица, без чего лично интегрироваться «в Запад» невозможно. Поэтому демонстрация кнута не мешает помахиванию «пряником». Власть продолжит приглашать «на чай» с лидерами тщательно отобранных интеллектуалов (но больше никаких Шевчуков!). А избранные будут преданно и с восторгом ловить взгляд лидера, как продемонстрировал нам Ярмольник. Либо с обожанием восклицать: «Вы хороший мужик!» — как это сделала великая актриса, встретившись с «национальным лидером» (и великие, увы, оказываются слабы, очутившись рядом с властью). Объятия власти с избранными будут лишь подчеркивать репрессивную тенденцию — и чем жестче будет кнут в отношении нелояльных, тем больше «пряников» власть будет предлагать лояльным. Боюсь, что немало последних с радостью воспримут подмигивание власти как индульгенцию и как повод остаться в тени власти. Впрочем, может быть, я ошибаюсь?

...Как вы думаете, смогут ли российские интеллектуалы отказать от кремлевских «пряников» в массовом порядке? Кто из них откажется «от чая» с лидером? Скажут ли они «нет», когда их будут приглашать на телевизионные клинчи и ток-шоу? Откажутся ли от орденов и премий, которые рассматриваются властью как плата за лояльность? И когда это будут делать одиночки, последуют ли за ними остальные?

Феномен интеллигенции «при власти» имеет два последствия. Во-первых, в обществе самоликвидируется сила, призвание которой в том, чтобы сохранять моральное и этическое измерение. Никакая другая прослойка: ни бизнес, ни технократы,

ни менеджеры — в данном качестве интеллигенцию не заменят. Во-вторых, сужается возможность для деятельности по проектированию выхода из нынешней системы. Пока нет признаков, что другие социальные группы способны этим заняться. В скобках замечу: интеллектуалы, как правило, плохие управленцы, и не в этом их функция. Но без них невозможен общественный прорыв.

У нас же интеллигенции сломали позвоночник. Власть ее слишком долго насильовала, причем при добровольном согласии многих ее представителей. Может ли задавленное и затравленное «думающее сообщество» попытаться сыграть ту роль, которую сыграли интеллектуалы в других странах? Думаю, что по крайней мере оно сможет возродить понятие «репутация» и вернуть в обиход понятие «стыд». В России уже есть критическая масса антисистемных интеллектуалов, способных это сделать. Как именно? Это уже вопрос для обсуждения.

«Новая газета», 12 января 2011

ЧТО ДУМАЛА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ О ВЛАСТИ В ПЕРИОД МЕДВЕДЕВСКОЙ ПАУЗЫ

Медведевское «правление» стало апофеозом фальши и двусмысленности. Все было ненастоящим — не только правитель, но и институты, и обещания власти, и ее планы, и ее стратегия. Медведевское президентство превратилось в гигантскую бутафорию. «Модернизационная» говорильня в верхах порождала среди думающего сословия иллюзии, которые позволяли ему ничего не делать, ни о чем не думать, надеясь на добрую волю правителя. Это был период коллективного самообмана, нередко осознанного. Присутствие Медведева в Кремле позволяло либеральной аудитории сотрудничать с властью, надеясь при этом сохранить репутацию. Либо видимость репутации. Блаженное время для конформистов...

Аморфность, неопределенность, двойственность, словесный блуд — все это позволяло уходить от позиционирования. Можно было играть несколько ролей и носить несколько шляп, изящно передвигаясь во властном либо окол властном пространстве и одновременно состоя в либеральной и полуоппозиционной тусовке.

Давайте посмотрим, что в то время говорили представители интеллектуальной прослойки. Как я обещала вначале, приведу цитаты из разговора с интеллектуалами, который провела на радио «Свобода» Мария Морозова. Его участники предоставляют возможность увидеть тогдашнее состояние умов внутри либерального круга. Напомню, что разговор имел место незадолго до того, как поднялась первая в путинский период волна недовольства. Вот что говорила о миссии интеллектуалов Элла Памфилова, чуть ранее покинувшая пост председателя Совета по содействию развитию гражданского общества и правам человека при президенте, бывший депутат и министр соцзащиты.

Объясняя причины, которые побудили ее согласиться на роль руководителя совета, Памфилова сказала:

«В 2001 году мы вместе с правозащитниками и региональными общественными организациями, при явной заинтересованности администрации президента, провели первый Гражданский форум с участием Путина. У людей возник определенный энтузиазм. Нам показалось, что страну можно вытянуть из хаоса. И я поверила, что наконец-то налаживается диалог между властью и гражданскими организациями. Поэтому, когда мне предложили возглавить полуживую Комиссию по правам человека при президенте, я уже четко понимала, чего хочу».

Но потом, вспоминала Памфилова, ситуация начала меняться:

«Первым звонком стал арест Ходорковского в 2003 году. Мы все вместе и каждый по отдельности протестовали. Но безрезультатно. Потом был теракт в Беслане, после которого власть стала закручивать гайки. За этим последовали драконовские поправки в закон об НКО. И снова мы бились до последнего. Но проиграли».

И вот что любопытно: Памфилова утверждает (а ей можно верить — честный человек), что именно при Медведеве все стало окончательно плохо. Послушаем ее дальше:

«Я регулярно встречалась с Медведевым. Все острые вопросы передавала ему лично. И получалось: я приношу, он соглашается, дает поручения, подписывает резолюции, а дальше все уходит в песок. Ничего не происходит. Парадокс в том, что с приходом Медведева наших предложений, принятых президентом, становилось все больше, а реакций на них со стороны ведомств и конкретного результата — все меньше».

Памфилова ушла со своего поста. Не было сил выносить, как она сама образно сказала, «погружение в песок». На ее место пришел Михаил Федотов, и вот что Памфилова сочла нужным сказать о своем преемнике:

«В моем представлении председатель-чиновник — это потеря всего смысла существования совета в том виде, как мы его задумывали. Фрондирующей, практически оппозиционной власти общественной структуры, выразителя мнения меньшинства. Теперь совет подконтролен администрации президента, точнее, управлению внутренней политики. Потому что статус советника президента исключает возможность выражать альтернативное мнение. Есть ведь дисциплина госслужащего, чиновничья этика. Совет встроили в систему, как и прочие ему подобные организации... Осознание того, что система

окончательно сложилась в железобетонный кукиш — всем нам. Этот кукиш бесполезно украшать золотыми колечками в виде гражданских инициатив. На вопрос, почему я решила окончательно уйти из политики, я отвечаю встречным вопросом: разве можно уйти из того, чего нет?»

Сотрудничество с властью, особенно при президенте Медведеве, оставило у Эллы Памфиловой, как видим, неприятные воспоминания. Но и общение интеллигенции и представителей гражданского общества с властью в рамках совета не вызвало у нее позитивных чувств. Памфилова говорила об этом откровенно:

«Я никого не осуждаю... Я полагаю, что интеллигенция может сотрудничать с властью лишь тогда, когда в результате этого взаимодействия политическая система хоть и постепенно, но все же меняется в направлении, соответствующем принципам, декларируемым этой интеллигенцией. Другое дело, когда либеральная или иная интеллигенция цинично обслуживает власть и зарабатывает на этом».

На другом фланге от Эллы Памфиловой в интервью «Свободе» оказалась социолог Ольга Крыштановская. Ее высказывания примечательны, ибо демонстрируют попытку человека, понимающего, что он вышел за пределы экспертной роли, найти обоснование для своего конформизма. Но не только. Ну, мало ли у нас конформистов, которые сидят тихо, не выпячивают свою позицию и не говорят о ней публично. Крыштановская же пытается оправдать систему, подавляющую общество. Причем, обратите внимание: либо Крыштановская не смогла найти убедительное обоснование для своей позиции, либо ей было все равно, насколько оно убедительно. Ибо ее аргументы губительны для репутации человека, который хотел бы сохранить уважение в экспертном сообществе. Впрочем, судите сами.

Крыштановская утверждала, что и президентский совет по правам и Общественная палата способствуют «развитию демократии в России». Ни одного доказательства этого «способствования» она так и не смогла привести. Зато поделилась с нами своими теоретическими выводами относительно прогресса демократии в России. Читаем:

«Государство... все чаще отказывается от контроля, отпускает вожжи. Оно демократизируется... В каком-то смысле можно сказать, что государство своими действиями ускоряет процесс развития гражданского общества, так же как оно

ускоряет процесс развития партий... Государство в настоящее время формирует демократический дискурс. Элита шаг за шагом движется к демократии... (!!!! — это я так восклицаю. — Л. Ш.)».

Запомним — социолог говорит о том, как наше государство развивает демократию и гражданское общество. Но уже через секунду Крыштановская признает, что создание властью общественных комитетов и советов — это вовсе не демократия, это лишь ее «имитация». Короче, нечто фальшивое. Однако имитация, оказывается, есть способ развития российской демократии! Слушайте:

«Дело в том, что, имитируя улыбку, мы начинаем действительно улыбаться. А имитируя демократию, мы волей-неволей демократизируемся. Пусть государство способствует созданию политических партий. Но, когда они существуют, они неизбежно начинают конкурировать, спорить. Они создают поле плюрализма. И это воздействует на людей. Люди привыкают к многоголосию».

Чем не прорыв в политологии?! Но если имитация ведет к возникновению того, что имитируешь, то непонятно, почему «имитация улыбки» в нашей стране превратилась в устрашающий оскал власти? Почему имитация демократии, которой столько лет занимались Путин с Медведевым, завершилась не так, как нам обещала Крыштановская, а переходом власти к удушению общества?

Впрочем, возможно, Крыштановская все же права: государство и власть способствуют развитию демократии и гражданского общества, но только в том случае, если они понимаются так, как их понимает эксперт по имитациям:

«Гражданское общество не обязательно должно контролировать власть. Оно может выращивать георгины, заниматься хоровым пением. Чем угодно, кроме политики. Если вы хотите контролировать власть, вы уже не совсем гражданское общество. Вы — субъект политики».

Короче, гражданское общество должно выращивать георгины. А демократия, видно, должна состоять в том, что общество может получить от власти право самому выбирать их сорт.

Еще одно удивительное по самообнажению откровение «от Крыштановской»:

«Мы все используем друг друга... Да, я использую партию, а партия использует меня. Таким образом мы и дружим».

Все стало ясно. Понятно, как теоретик имитации позволяет «партии» использовать себя: она пропагандирует идеи, которые должны защищать «партию» (имеется в виду, конечно, «партия власти» — «Единая Россия»). Но как она использует «партию» и что ей «партия» дает взамен для компенсации репутационного ущерба? Хотя это не столь уж для нас важно...

Между этими полюсами — Памфилова и Крыштановская — можно увидеть людей, которые, несомненно, искренне пытались повлиять на правящий класс, сделать его более цивилизованным. В конце концов, некоторые из них были вынуждены признать: ничего не получается. Так, Евгений Ясин согласился войти в Общественную палату. Хотя, видимо, Евгений Григорьевич имел немало внутренних сомнений по данному поводу, которые в конечном итоге оказались обоснованными. Вот что он говорил, побывав там и решив выйти из этой структуры:

«Я не могу сказать, что оказывается прямое давление. Вы вправе написать, сказать все, что вы хотите. Но потом как-то так получится, что ваши тексты на выходе отредактируют другие. Вас потихонечку отстранят. И ваш голос как члена Общественной палаты не будет услышан. Ваш самостоятельный голос... Я пошел и убедился в том, что многого сделать нельзя... Наверное, я ошибся, когда пошел в Общественную палату. Но у меня много таких ошибок. Не все всегда удавалось».

Честно сказал Евгений Ясин. Другие интеллектуалы, по крайней мере в тот медведевский период, еще не разочаровались в сотрудничестве с властью. Думаю, что их умонастроения отразил Николай Сванидзе. Речь идет о людях, которые полагали, что они могут принести пользу, работая с властью в том или ином качестве. В отличие от Ясина, Сванидзе не считал Общественную палату совсем бессмысленным образованием:

«Не могу сказать, что к концу третьего срока работы в Общественной палате я счастлив и радостно бью себя хвостом по бокам. Но в то же время мне не стыдно... Короче, Общественная палата никого не разочаровала, но мало кого очаровала. Надо просто реалистично к ней относиться. Бесполезно рассчитывать на то, что Общественная палата сможет заменить гражданское общество в России. А вот если надеяться, что она соберет достаточно независимых людей, желающих хоть что-то делать, пусть и в индивидуальном порядке, то результаты вполне обнадеживают».

К сожалению, у меня не осталось в памяти даже «индивидуальных действий» членов палаты, которые производили бы «обнадеживающее» впечатление. Или у меня плохо с памятью?!

Процитируем и еще одно замечание Н. Сванидзе:

«Выходить вообще ниоткуда не нужно. Пока этого настоятельно не требует ситуация. В нашем странном обществе, где так сыро выстроены общественные и государственные институты, никогда не известно, какой из них вдруг сработает».

Можно пожать плечами и улыбнуться наивности объяснения: неужели более двадцати лет существования нынешних институтов недостаточно для того, чтобы сделать вывод, как они могут «сработать»?

Однако ведь так считали многие представители думающей прослойки, кто в той или иной роли находился (и еще находится) на орбите власти. Многие из них свою задачу видели совсем не в том, чтобы использовать «партию» и дать себя использовать, как цитируемый выше социолог. Они, видимо, мечтали использовать власть для альтруистических целей, для того, чтобы «хоть что-то делать». «Бросьте, — скажет скептик, — никто давно уже не надеется, что на эту власть можно повлиять и добиться от нее чего-то хорошего! Просто у вас не хватает смелости сказать правду о людях из вашего либерального круга!»

А вот и нет! Я знаю людей, которые шли работать на власть либо советовать власти, надеясь быть услышанными властью. У этих людей теплилась надежда: а вдруг в будущем что-то получится? Вдруг там, «наверху», все же прислушаются и увидят обрыв, к которому толкают страну? Но, столкнувшись с равнодушием и цинизмом, они уходили, как Ясин и Памфилова. Как ушел еще раньше Андрей Илларионов, который пытался сделать из Путина реформатора.

Прочие остались, скорее всего, уже не из-за альтруизма — сколько можно надеяться? Понятно, что за ожидание созидательного импульса сверху приходится чем-то платить. Ведь, находясь на орбите власти, любой власти, начинаешь на нее работать даже фактом нахождения вблизи.

Сванидзе на вопрос «Что может заставить вас покинуть вашу организацию?» дал ответ, который могли дать и другие: «Если я почувствую, что со мной перестают здороваться за руку нормальные люди». Замечу с грустью: в нашем обществе

настолько снижен порог требований к репутации, что вопрос о «рукопожатности» давно перестал стоять.

Впрочем, и Сванидзе, подобно Крыштановской, признавал, что участвует в имитации. И он тоже пытался доказывать, что имитация все же ведет к чему-то позитивному. Послушайте сами:

«Да, это замена. И, как правило, более или менее неудачная... Просто созданы некие органы. Странные. Немного подвисшие в воздухе. Неизвестно на что опирающиеся. В Конституции никак не значащиеся. Но они есть. Что-то делают, на что-то влияют. Влияют скорее позитивно, чем негативно. Но других-то нет! Значит, надо пользоваться теми, что есть. Потому что реальные, настоящие, сильные неизвестно когда появятся... А что вы предлагаете? Сказать: “Все! Никаких палат!” А дальше — сесть дома и ковыряться в носу? Что ж, такая установка тоже имеет право на существование. Но я с ней не согласен».

Действительно, сидеть дома и брюзжать на кухне — во все не выход. Особенно для людей с инициативой и драйвом. Но Сванидзе не упомянул еще об одном варианте позиционирования — пытаться доказывать, что обществу нужна не имитация, а реальное поле для самовыражения. Дихотомия: сотрудничать с властью в «имитациях» либо сидеть дома и брюзжать — не является единственно возможным вариантом поведения. А сведение всех вариантов к упомянутому «или — или» воспринимается как обоснование для конформизма.

Нет, я не исключаю, что в определенных ситуациях у критически мыслящего человека бывают основания попробовать вступить в диалог с властью и попытаться от нее добиться решения конкретного вопроса. Ведь даже для того, чтобы организовать общественный митинг, оппозиционеры вынуждены сотрудничать с властью. Поэтому я вполне понимала попытку Дмитрия Муратова, главного редактора «Новой газеты», сделать полезное дело, вступив в Общественный совет при ГУВД Москвы. Дмитрий Андреевич имел право говорить:

«Если можно помочь, почему бы этого не сделать? Я сталкиваюсь с таким количеством горя, несчастья и бед, что, если у меня есть возможность хоть каким-то образом ускорить наступление минимальной справедливости, я безоглядно ею пользуюсь. А за свою репутацию я не боюсь. Она настолько свирепа, что уже никто ее не испортит»

Муратов провел на себе эксперимент со вступлением в Общественный совет при ГУВД, и вот что он рассказывал об итогах своего в нем пребывания:

«...Я бы ни за что не отказался от работы в совете, если бы 31 декабря прошлого года не произошли абсолютно омерзительные события. В стране появились политические заключенные. Я написал письмо о том, что вынужден приостановить работу в общественном совете ГУВД Москвы до того момента, пока не будет создана комиссия по расследованию этой ситуации. А дальше собрался совет. Комиссию создали. Со мной встретились. Предложили участвовать. Я согласился. Я ж не мог сказать: “Ребята, я требовал расследования, но давайте я еще немного повыкобениваюсь, потому что умело это делаю”. В итоге состоялось первое заседание комиссии. Длилось дольше трех часов. Мы просмотрели две идентичных пленки. От Бориса Немцова и от ГУВД Москвы. Дали конкретные ответы на три вопроса: “Немцов матерится?” Нет! “Немцов сопротивляется сотрудникам милиции?” Нет! “Немцов призывает на альтернативный митинг?” Нет! А ведь именно эти три вещи Немцова и засунули в каталажку. Мы написали отчет. И вдруг в трех газетах выходят заметки о том, что совет признал действия милиции правомерными. Ни фиги себе! Вот это круто! Мы возмутились. Редактор “МК” Павел Гусев публично выступил по этому поводу. Теперь ждем второго заседания, после которого я определюсь — сваливать из совета или оставаться. Если решение комиссии будет честным, я и дальше буду работать в совете при ГУВД Москвы. Если нас, как вы совершенно справедливо говорите, начнут использовать как имитационную структуру, я в этом участвовать не стану».

Опровержения по данному поводу не последовало. Конечно, Муратов вышел из совета при ГУВД Москвы. Оказалось, что даже советы при ГУВД использовались властью исключительно для нужд власти. Что и было доказано муратовским экспериментом.

ТАК УЧАСТВОВАТЬ ИЛИ НЕТ?

«Свобода» попросила меня прокомментировать взгляды участников разговора, и вот какой получилась тогда моя беседа с Марией Морозовой (привожу в сокращенном виде).

М. М. — Мнения участников дискуссии разошлись. Одни говорили, что интеллигенция должна идти на диалог с властью? Другие — с этой властью нет, не должна. Ваша позиция?

Л. Ш. — Конечно, должна. Но все зависит от того, кто сотрудничает с властью и во имя чего. Возьмем правозащитников. Их функция в недемократическом обществе в том, чтобы через диалог с властью защищать социальные и политические права граждан. Так, Лев Пономарев защищает политические права, Светлана Ганнушкина занимается проблемами миграции, а Валерий Борщов правами заключенных.

М. М. — Но ведь не все сотрудничающие с властью могут быть названы правозащитниками?

Л. Ш. — Да, мы видим немало других людей, которые сотрудничают с властью... Их главный аргумент: «Нужно же что-то делать!» Они принимают приглашение вступить в организации, которые, как признал Николай Сванидзе, являются «заменой» реальных институтов. Но если они хотят что-то полезное сделать, то почему делают это под руководством власти? Почему не начнут работать с обществом?.. Такие интеллектуалы превращаются в адаптантов, которые пусть неосознанно, но облегчают выживание режима и дают ему возможность выглядеть цивилизованным.

М. М. — «Адаптанты»? Как бы вы расшифровали этот термин?

Л. Ш. — Основной критерий принадлежности к адаптантам: работает ли человек на сохранение единовластия либо на его трансформацию. Если исходить из этого критерия, то окажется, что у нас немало интеллектуальных «подпорок» власти. Среди них — эксперты-технократы, которые ваяют для правительства «Стратегию-2020». И эксперты, ставшие госчиновниками, — Кудрин, Греф, Набиуллина, Дворкович. Включите телевизор, и на вас

выпрыгнет сонм пропагандистов, политтехнологов, идеологов. Я их даже не пытаюсь запоминать по именам... Здесь важно понимать, что все те, кто выбирает для себя путь адаптанта, перестают быть интеллектуалами. Ведь интеллектуал — это не только носитель нравственного начала, но и человек, заинтересованный в переменах и сохраняющий дистанцию по отношению к власти. Интервью РС с Ольгой Крыштановской — пример интеллектуального самоубийства. В своей беседе она продемонстрировала, что происходит с человеком, когда он вступает с властью в отношения по принципу: «я использую партию, а она использует меня».

М. М. — Но ведь есть и такие, кто наотрез отказывается подавать руку действующей власти?

Л. Ш. — Это антисистемная оппозиция. Именно антисистемная, потому что системной оппозиции в современной России быть не может. Ну, не может быть оппонирования несменяемой власти внутри системы, которую эта власть выстроила! В российском антисистемном гетто оказываются люди, полагающие, что любой диалог с Кремлем будет использован им для укрепления существующего порядка...

М. М. — Адаптанты, правозащитники, антисистемщики — это крайности. А кто между ними? Себя вы, например, к какой категории относите?

Л. Ш. — Сейчас я имею честь быть в антисистемном гетто. Но когда-то в прошлом металась среди так называемых «блуждающих» интеллектуалов...

М. М. — Где, по вашему мнению, лежит грань между диалогом с властью и сотрудничеством с режимом?

Л. Ш. — Эта грань порой трудноразличима. Чтобы нащупать ее, давайте посмотрим на площадки, которые создает власть для общения с думающим слоем. Все они, по сути, имитация отсутствующих институтов. Например, Общественная палата, о бессодержательности которой в интервью РС рассказал Евгений Григорьевич Ясин. Неужели члены Общественной палаты не понимают, какая им уготована роль? Понимают, но не переживают по этому поводу. Ведь статус и его сопровождение оказываются выше репутационных издержек. А возьмите Совет по содействию развитию гражданского общества и правам человека при президенте под руководством Михаила Федотова. Вот, они создали рабочую группу по расследованию дела Магнитского. Ее члены заявили, что дело сфабриковано. Но почему до сих пор нет окончательного мнения группы?.. Интересно, когда члены рабочей группы при президенте

убедятся в бездействии главы государства по этому вопросу, что они сделают? Выйдут из совета? Другая рабочая группа совета занимается делом Ходорковского. Неужели нужно размышлять долгие месяцы, чтобы понять, что второй процесс по делу Ходорковского и Лебедева — абсурд? Разве непонятно: «общественная экспертиза» в данном случае выгодна власти, которая пытается замотать дело? И, наконец, третья инициатива совета — рабочая группа по десталинизации. Это вообще издевательство и посмешище. Десталинизация невозможна при сохранении в России единовластия. Ведь ее ключевая предпосылка — осуждение и демонтаж персоналистской власти. Посмотрим, призовут ли наши храбрецы Медведева отказаться от монополии на власть.

М. М. — Многие участники Общественной палаты и организаций, ей подобных, объясняют свою роль теорией «малых дел» — помощью конкретным гражданам.

Л. Ш. — Даже если, скажем, Общественная палата помогла одному либо двум конкретным людям решить их проблему, для меня это не доказательство ее полезности. Имитация порождает ситуацию, когда миллионы российских граждан не могут осуществлять свои права. Участие в имитации, даже формальное, повязывает участника ответственностью. Причем ответственность человека, считающего себя интеллектуалом, серьезнее, чем ответственность самой власти.

М. М. — Звучит как парадокс...

Л. Ш. — Но это так! Любая власть, даже в демократическом государстве, имеет свой корпоративный интерес и склонна пробивать его в ущерб гражданам. Что уж говорить о нашей власти. В ситуации, когда гражданское общество слабо и гнобится сверху, интеллектуалы должны демонстрировать пример гражданского поведения и совестливости.

М. М. — По вашим словам, адаптанты, правозащитники и анти-системщики сделали свой выбор. А что остается остальным?

Л. Ш. — Делать свой. У интеллектуала в России сегодня выбор только из двух жизненных стратегий. Первая: решить для себя, реформируема ли нынешняя система... Прошедшие 20 лет показывают, что эта система нерформируема. Значит, остается вторая стратегия: если бессмысленно влиять на власть, нужно обращаться к обществу. Сейчас для этого есть масса площадок: сайты, независимая пресса, в частности «Новая газета», радио «Свобода» и «Эхо Москвы», общественные движения, оппозиционные партии. Достаточно способов, чтобы осуществить свою миссию интеллектуала.

М. М. — В чем заключается эта миссия?

Л. Ш. — Предлагать альтернативы. Стремиться к изменению существующего порядка. А это значит — противостоять власти. Только интеллектуалы могут предложить обществу цивилизованный вектор. Правда, для того чтобы реализовать этот вектор, интеллектуалы должны опереться на другие слои, более способные к политическим действиям...

М. М. — Многие утверждают, что в современной России интеллигенции как единой социальной группы больше не существует. Кто в таком случае может сыграть роль морального арбитра?

Л. Ш. — Как феномен интеллигенция в России действительно исчезла. Но если на Западе этот процесс произошел, когда отпала необходимость бороться за свободу, то в России интеллигенцию буквально вырезала советская эпоха. В результате сегодня у нас нет прослойки, объединенной корпоративным интересом и чувством миссии. Прослойки, которая ставила бы нам флажки: вот это делать можно, а вот это стыдно. Нет группы, способной предложить стране стратегию развития. Именно такая прослойка стала движущей силой перемен в Польше, Венгрии и других посткоммунистических государствах. Нашим интеллектуалам в 1987–1991 гг. роль движущей силы не удалась — они возложили свою миссию на Бориса Ельцина. Что произошло потом, всем известно. Сейчас интеллектуалы сбиваются в стайки, прежде всего на основе отрицания и критики. На большее у нас не хватает пара. Но ведь самое страшное даже не в том, что думающие и талантливые люди, обслуживая власть, уничтожают свою репутацию. Трагедия — это когда интеллектуалы показывают обществу, что ничего святого нет: все продается либо обменивается. Поэтому интеллектуалы несут огромную ответственность за деморализацию общества и потерю им ориентира. Без думающих людей нынешняя власть осталась бы внушающим отвращение уродом. А интеллектуалы делают ей макияж и помогают выглядеть прилично. Я убеждена, что, пока интеллектуалы не вернутся к своей миссии, в нашей стране ничто не сдвинется.

5 мая 2011

СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Юрий Васильев в мае 2012 г. сделал интервью с новым руководителем президентского совета по правам Михаилом Федотовым. Я привожу ниже наиболее значимые для нашего разговора высказывания нового председателя. Это интервью проходило в новой ситуации — позади был первый антипутинский протест. Москва еще бурлила, но протестная активность шла на убыль. Стало ясно, что Кремль не собирается идти на уступки «рассерженным горожанам». В президентском совете по правам начался разброд. Реальные, не фейковые, правозащитники и либералы, попавшие туда, почувствовали, что им неловко там пребывать, когда власть запустила репрессивный каток. Так, еще в 2011 г. из совета вышли правозащитница и общественный деятель Ирина Ясина и журналист, звезда старого НТВ Светлана Сорокина. Было видно, что этим уходом дело не закончится. Тем не менее Михаил Федотов считал работу совета позитивной:

«Оценивая работу совета, считаю, что совет работал очень хорошо, очень активно, очень эффективно. Я бы оценил его работу очень положительно. Обратите внимание: все то, что сделано советом, сделали четыре десятка входящих в него человек. На общественных началах. 142 доклада президенту, 48 заседаний совета, в том числе 7 — с участием президента, в том числе несколько выездных заседаний, в том числе около десятка специальных тематических заседаний по разным проблемам: от военных архивов до миграционной политики, полицейской реформы, военной реформы, выборов... Прodelана огромная работа. Ог-ром-на-я...»

Обратим внимание на предложенные Михаилом Федотовым критерии эффективности совета — проведено столько-то заседаний, принято столько-то резолюций и т.п. Юрий Васильев правильно спрашивал: хорошо, принято постановление, а оно работает?

Справедливости ради, давайте перечислим те достижения, которыми гордился Федотов. Так, он упомянул, что

по инициативе совета произошла «декриминализация клеветы» (статьи об уголовном наказании за клевету исчезли из УК, и клевета перешла в разряд административных правонарушений); «была усилена ответственность за воспрепятствование законной деятельности журналистов». Михаил Александрович поторопился с позитивной оценкой этих достижений — они ничего не изменили на практике.

В памятной для многих по советским временам манере Михаил Федотов был вынужден признать и наличие «некоторых недостатков»: «Не во всем нам сопутствовала удача. Так ведь она не во всем сопутствовала очень многим».

И в чем же причина этих недостатков? Михаил Федотов их видел в следующем: «Имеем тот государственный аппарат, который имеем. Этот аппарат очень медлителен, очень архаичен. Любые новые вещи пробиваются с колоссальным трудом».

Обратите внимание: Федотов возлагал ответственность за «недостатки» на «медлительность» аппарата. Но не на президента! Не на систему самодержавия, которая оформилась в России! Опять старое: царь не виновен — виновны бояре...

А вот как Михаил Александрович отвечал на вопрос «Где для вас пролегает грань сотрудничества с властью и реальной пользы для правозащитной деятельности?»: «Грань очень простая. Если вы действительно имеете совет, который занимает независимую позицию, который критикует власть — но критикует по делу, а не ради пиара... то тогда у этого совета есть высокий уровень доверия со стороны общества. Высокий престиж на международной арене. И тогда президент может сказать: “Да, вот у нас есть совет. Мне он не очень нравится, потому что он меня все время кусает, обращает мое внимание на проблемы, на которые я не хотел бы обращать внимания. Этот совет все время напоминает мне о наших недостатках и злоупотреблениях”».

Получается этакая лубочная картинка российской реальности. Что-то не припомню, чтобы российские лидеры, даже включая Ельцина, хотели бы иметь при себе орган, который кусается. Зачем это лидеру с неограниченной властью и возможностью иметь послушные советы и палатки? И когда это президентский совет кусал Владимира Владимировича? Позволил бы национальный лидер себя кому-нибудь укусить!

Хотя что это я придралась к Михаилу Федотову. Его поведение было вполне понятным, и оно было следствием ловуш-

ки, в которую он угодил либо согласился угодить. Ведь он стал советником президента, т. е. служащим президентской администрации. И он, видимо, рассматривал (не мог не рассматривать!) представительство интересов гражданского общества как продолжение работы кремлевской администрации. А как аппарат мог относиться к гражданскому обществу? Словом, все понятно.

Пока мы спорили, сотрудничать с властью либо нет, интеллектуалы продолжали с ней сотрудничать. Многие — с гордостью и удовольствием. Обвинения в приспособленчестве мало кого трогали. Те, кто сотрудничал, не ощущали репутационного ущерба. Это понятие давно перестало существовать в нашей интеллектуальной «прослойке». Более того, на либеральном фланге образовалась толпа, которая хотела во что бы то ни стало попасть в окол властные структуры — советы и комиссии при власти, которые начали бурно плодиться. Мечтой для многих представителей думающего сословия оставались Общественная палата и президентский совет по правам. Эти органы предоставляли статус, создавали впечатление принадлежности к окол властной тусовке. Немало для маргинализованного сегмента общества, которому было некомфортно сидеть на обочине...

В «советы» при власти вошло немало достойных людей. И среди них моих друзей. Некоторые из них вышли в момент протестного подъема. Другие остались и после того, как протестная волна опала и стало очевидно, в чем они оказались.

Признаю, медведевское президентство могло кого-то дезориентировать и внушить неоправданные надежды. Могло кого-то обмануть. Но только в самом начале! Вскоре все встало на свои места. Тем более что в Кремль возвратился Путин, который уничтожил все сомнения относительно того, что происходит и что грядет. Поэтому было непонятно, какие мотивы заставляли уважаемых коллег пытаться усидеть на приставных стульчиках в коридорах кремлевской администрации. Даже после того, как стало очевидно, что власть обо всех них думает и в какой роли их использует (см. об этом ниже).

Соглашусь, что правозащитники, функцией которых является диалог с государственными органами для того, чтобы защитить конкретного человека, должны иметь площадку для разговора с властью. Алексей Симонов сказал мне: «Если приезжаю в какой-то город и добиваюсь встречи с властью

как член совета при президенте, меня и примут, и выслушают... А без этой “корочки” как я могу помочь тем, кто нуждается в моей помощи?» Людмила Алексеева имела основания говорить, что чем авторитарнее власть, тем больше лично у нее как правозащитницы оснований иметь дело с этой властью. Если ты занимаешься защитой прав и интересов конкретных людей, значит, ты должен иметь каналы для разговора с властью. Ну, а журналисты, писатели, публицисты, телеведущие, эксперты, ученые и общественные деятели, которые не занимаются правозащитной деятельностью, — что они продолжали делать в кремлевских прихожих?

Совсем гомерическая — и унижительная для участников — история произошла с Общественной палатой. В мае 2012 г. в распоряжении «Новой газеты» оказался документ Управления президента РФ по внутренней политике, содержащий характеристики на членов Общественной палаты (созыва 2012 г.) и рекомендации по управлению ими. Этот развернутый многостраничный документ с сопроводительным текстом подтвердил, что такое Общественная палата: орган, который до мелочей управлялся чиновниками. Они же низводили членов ОП до роли актеров кукольного театра, относясь к ним как к своим порученцам, которые должны выполнять их задания. Приведенные в тексте характеристики на отдельных членов ОП строились на одном критерии — лоялен ли данный человек власти и может ли безропотно выполнять ее указания. Давно было ясно, что Общественная палата не имела никакого отношения к гражданскому обществу. Но стало очевидным, как издевательски относились к ее членам ее создатели и кураторы. Любопытные могут заглянуть на сайт «Новой газеты».

Ну, а что же сами бедные члены палаты, которых так грубо раздели? Возмутились ли они своими характеристиками? Вышли из «палатки», хлопнув дверью? Открыто выразила свои чувства только Алла Гербер, которую администрация определила как в целом «лояльную» к власти («не будет участвовать в системной работе, точечное взаимодействие»). Это означало, что, по мнению Кремля, Алла Гербер готова не к постоянной работе на власть (как, скажем, Тина Канделаки, по определению администрации — «активная» и «лояльная», т. е. всегда готовая выполнять кремлевские задания), а лишь к исполнению отдельных поручений власти. Действительно,

прочсть о себе такое человеку, который дорожит репутацией совсем в других кругах, было не слишком приятно.

Вот что Гербер написала в своем блоге:

«В списке, который опубликовала “Новая газета”, я оказалась будто бы полуголой. Кто-то невидимый сорвал с меня бретельку, один чулок, одну штанишку. И всё: образа — гораздо более разнообразного, чем пять куцых строчек, — нет. Меня нет... “Новая” показала, как нас оценивают, как на нас рассчитывают или не рассчитывают. Показала, что мы, члены Общественной палаты, лишь оловянные солдатики в этом котле. Но все это всего лишь отчет группы чиновников-роботов, которые сидят в этом управлении и навешивают на нас ярлыки. Это субъективная оценка во многом ограниченных людей, которые и нас в итоге выставляют как ограниченных. Ограничивают наши истинные способности, возможности. Может быть, недостатки».

Все так. Ни убавишь, ни прибавишь. Можно понять и гнев, и горечь Гербер по поводу случившегося. И что же — вышла ли Алла Гербер из Общественной палаты? Нет, осталась в списке членов. И что ее там продолжало удерживать после того, как состоялся невольный стриптиз членов ОП, устроенный администрацией?

Впрочем, Общественная палата привлекала внимание не столь часто. Что давало возможность ее членам тихо и незаметно там что-то такое изображать. Иное дело — президентский совет по правам. Некоторые его члены всенепременно хотели внимания и желали быть на публике. Да и в прессе существование совета получало больше освещения. Хотя бы тогда, когда в его заседаниях принимали участие руководители государства.

Свое отношение к работе президентского совета по правам я выразила в июле 2011 г. («Ежедневный журнал»: Лилия Шевцова. О пользе общения с президентом). Меня тогда заинтересовала встреча членов совета с президентом Медведевым в Нальчике. О ней написали Светлана Сорокина и Дмитрий Орешкин. Занимательна была даже не сама встреча, а то, как о ней говорили уважаемые мной коллеги. Правда, непонятно, зачем они сделали отчет об этой встрече. Чтобы продемонстрировать иронию? Либо придать открытость мероприятию? Но открытость эта ничего, кроме саркастической реакции, вызвать не могла. Так или иначе, нас информировали о том, что члены совета спрашивали у Медведева разрешения

опубликовать свою экспертизу дела Магнитского. Представляете: представители общественности спрашивали у власти, можно ли предать гласности общественную экспертизу! Сам Медведев даже вынужден был им напомнить, что экспертиза-то «общественная».

Именно благодаря отчету наших репортеров стало ясно, что происходит в данном органе гражданского общества при власти. Сорокина и Орешкин констатировали: ничего там не происходит. Члены совета пытались напомнить президенту, что «по многим поручениям президента нет вообще никакой реакции». На это жаловалась Тамара Морщакова. Орешкин попытался было оправдать «ничегонеделанье» президента: его якобы окружают «клякастые и зубастые млекопитающие». Непонятно только, зачем представителям гражданского общества оправдывать беспомощность президента? Это ведь задача государственных чиновников!

Короче, сами репортеры были вынуждены подтвердить бессмысленность общения с президентом. Вот, смотрите, как изящно это сделал Дмитрий Орешкин. С одной стороны, он предположил, что Медведев, видимо, хочет привлечь на свою сторону «либерально-западнический электорат». Но с другой, Орешкин откровенно признавал, что товарищи «с компьютерами и очками» могут «не беспокоиться» и не надеяться стать медведевской социальной базой. Фактически это признание, что никакого смысла в дальнейших свиданиях общественности с этим президентом нет.

Прочитав откровения наших коллег, я тогда писала: «Стоило ли тратить время и доказывать очевидное? А может, решиться на коллективную отставку, чтобы доказать, что российская интеллигенция все еще имеет шансы на уважение?» Слава Богу, коллеги, о которых я говорю, покинули это место коллективного унижения. Но не после того заседания — гораздо позднее.

К лету 2012 г. стал очевиден поворот Кремля в сторону подавления начавшего роптать общества. Давайте посмотрим, как этот поворот повлиял на эволюцию взглядов представителей гражданского общества и правозащитников относительно сотрудничества с властью на площадках власти.

Я уже упоминала, что какое-то время Людмила Алексеева полагала, будто в созданных властью органах можно работать, невзирая ни на что. Вот как она объясняла свою позицию:

«...Гораздо чаще мне помогает то, что я член совета при президенте, в регионах, когда надо защищать своих партнеров, правозащитников, граждан. Когда звонишь и говоришь: с вами говорит член Совета по правам человека при президенте, то гораздо легче договориться, чем когда звонишь и говоришь, что с вами разговаривает председатель Московской Хельсинкской группы. Поэтому сижу при президенте, сижу в этом совете и терплю все то, что приходится терпеть, в частности, от звонящих вам. Думаете, мне приятно? Очень неприятно и обидно. Но что поделаешь, работа есть работа, и надо делать свою работу, если за нее взялся, и не обращать внимания на то, что кто-то считает, что ты работаешь зря или работаешь неправильно. Пусть работает по-своему, а я буду работать так, как я понимаю».

Но и Алексеева в 2012 г. пришла к выводу, что оставаться «при президенте» невозможно. Алексеева хлопнула дверью. Если из президентской структуры вышел самый известный правозащитник, функция которого была разговаривать с властью, значит, оставаться там можно было только при условии полного одобрения власти.

После мартовских (2012) выборов Путина о своем решении выйти из президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека заявили семь его членов. Совет покинули Александр Аузан, Алексей Симонов, Леонид Радзиховский, Эмиль Паин, Татьяна Малева, Юрий Джибладзе и Светлана Ганнушкина. В конце апреля о выходе заявили Елена Панфилова и Дмитрий Орешкин. Совет лишился известных и уважаемых людей.

В своих интервью Любови Чижовой (радио «Свобода») в июне 2012 г. члены совета говорили о причинах, заставивших их покинуть совет. Так, Светлана Ганнушкина призналась, что решение далось ей нелегко: статус члена президентского совета предоставлял ей возможность помогать правозащитникам, работающим на Северном Кавказе. Но, по мнению Ганнушкиной, вновь избранный президент Владимир Путин не собирался прислушиваться к рекомендациям правозащитников. Поэтому Ганнушкина решила из этой организации выйти.

Президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов объяснял свой уход из президентского совета тем, что устал давать президентам советы, которыми они не пользуются. Кроме того, Алексей Симонов не считает возможным для себя

работать с Владимиром Путиным, так как относит себя к оппозиции и бывает на всех антипутинских митингах. Одним из немногих реальных успехов за время работы в президентском совете Алексей Симонов назвал помилование актрисы Натальи Захаровой.

Вот как на этот исход из совета знаковых фигур отреагировал его руководитель Михаил Федотов: «...Это же не политический демарш. Не было такого, что кто-то сказал: “Мы, девять человек, выходим из совета в знак протеста против того-то и того-то”. Каждый выходит по своим собственным причинам...»

Нет, уважаемый Михаил Александрович, большинство покинувших совет сделали это по политической причине: они больше не хотели служить частью кремлевской декорации. Ушедшие говорили об этом откровенно.

В среде настоящих правозащитников уже не было разночтений в оценке роли президентского совета по правам. Глава правозащитного центра «Мемориал» Олег Орлов сказал: «Мы с Сергеем Адамовичем Ковалевым нашим коллегам из совета направили письмо, в котором высказали мнение, что находиться в этом совете, при этом президенте, пришедшем к власти в условиях продолжающегося массового протеста против фальсификаций выборов, с нашей точки зрения, неправильно».

Послушаем других — тех, кто считал, что участие в декоративных советах, да еще при режиме, который ужесточается, для порядочного человека невозможно. Вот мнение Владимира Буковского: «Я считаю, что это совершенно ничего не даст, а репутацию людям испортит. Я так считал и про предыдущий совет. Состоять в совете при такой бандитской власти — это смешно. Что вы им будете советовать, чтобы они меньше убивали людей? Я не знаю, я не понимаю этой функции и вообще надежд, что вы на них повлияете, скорее наоборот, они на вас повлияют. Так что я против этого».

Ганнушкина сочла необходимым ответить сторонникам «малых дел», которые пытались доказать, что даже при авторитарной власти можно помочь конкретному человеку и для этого можно сжать зубы и терпеть: «...К сожалению, я не думаю, что совет и членство в этом совете могут как-то повлиять на то, чего мы все хотим... Боюсь, что нам это не под силу, и членство в совете не поможет... сегодня у нас очень тревожное время и время, когда каждый человек должен определить свое положение в некотором более широком масштабе, чем

просто как того, кто помогает конкретному человеку, обратившемуся к нему».

Но эти аргументы не убедили сторонников сотрудничества с властью. Они, напротив, пытались найти аргументы в пользу необходимости оставаться «при власти» при любых обстоятельствах. Вот отрывки из интервью Владимира Кара-Мурзы с Александром Бродом и Валентином Гефтером (радио «Свобода», 18 июня 2012 г.)

Александр Брод (он даже устроил голодовку, пытаясь войти в новый состав президентского совета. — *Л. Ш.*): «Я считаю, что правозащитники должны пытаться работать в любых условиях, даже в условиях вечной мерзлоты, даже в условиях тоталитаризма, если будет маячить».

Мой комментарий: Людмила Алексеева тоже так думала. Но постепенно пришла к выводу, что нахождение правозащитника в подобных органах не только ему — правозащитнику — не помогает, но, напротив, затрудняет его работу и дискредитирует его.

Валентин Гефтер: «...Я так понимаю, что мы не только эксперты, мы не только защитники отдельных людей, но мы защитники общественных интересов... А это требует тяжелой каждодневной работы с органами власти. Вот президент Обама, зачем он встречается с нелегитимным президентом (имеется в виду Путин. — *Л. Ш.*)?... Получается, живя здесь, в нашей стране, с тем режимом, который есть, как бы к нему ни относились, с теми чиновниками, которые назначены или выбраны, мы одновременно хотим остаться чистенькими и осудить других, кто должен в наших интересах общественных, не только частных отдельных людей, мारаться с ними работой... Андрей Дмитриевич Сахаров входил и в советы при Горбачеве... и участвовал в тех или других органах власти... Мы работаем, в частности, не для того, чтобы сегодня получать пинки, щелчки, но еще для того, чтобы эти изменения, которых мы ждем в стране, произошли мирно, в рамках права, и чтобы потом было устроено немножко поумней...»

Прокомментирую аргументы, высказанные Гефтером. Начну с тезиса об Обаме, который сотрудничает с «нелегитимным режимом». Этот аргумент, вероятно, не только показатель собственной переоценки аргументирующего, но и отражение его, Гефтера, непонимания различий между межгосударственными отношениями и отношениями между властью

и обществом. На международной арене государства с разными политическими устройствами и их лидеры вынуждены сотрудничать. Но сотрудничество интеллектуалов, которые должны осуществлять морально-нравственную функцию, с авторитарным режимом внутри страны — это уже другое дело. Да и в целом, отношения между властью и обществом строятся же по иным принципам, чем отношения между государствами. Мне неловко говорить о таких простых вещах.

Упрек критикам в стремлении быть «чистенькими» по крайней мере странен. Быть «чистым» со всех точек зрения, как с гигиенической, так и с политической, вполне нормальное стремление человека. Между тем сам этот аргумент приобретает логику бумеранга — ведь он содержит признание Гефтером того, что, участвуя в окол властных «образованиях», человек уже не может претендовать на «чистоту» моральной позиции.

Гефтер мечтает, чтобы перемены произошли «мирно». Но какое отношение сотрудничество интеллектуалов с авторитарной властью имеет к мирным демократическим переменам? Почему их добровольное и активное сотрудничество с Кремлем до сих пор к таким переменам не привело? Напротив, произошли перемены в противоположном направлении. А участие интеллектуалов в «советах» при Кремле только легитимировало движение к несвободе.

О сотрудничестве Андрея Сахарова с властью. Уверена, что Андрею Дмитриевичу не понравилась бы аналогия, которую использует Гефтер. Сахаров стал депутатом Съезда народных депутатов в горбачевские времена. Напомню Михаилу Гефтеру: СССР тогда уже не являлся тоталитарным государством. Горбачевская либерализация привела к открытию общества, появлению политического плюрализма. Это было время общественного подъема и диалога власти с обществом. В сравнении с нынешним временем конец 1980-х — период раскрепощения общества. Сахаров и другие демократически настроенные интеллектуалы говорили с Кремлем на равных и требовали дальнейшего расширения свободы. А о чем с Кремлем говорят господа Брод и Гефтер?

Пока сторонники посотрудничать с Кремлем объясняли свою позицию, Кремль перестал церемониться. Летом 2012 г. власть сбросила бархатные перчатки. Зона неопределенности и двусмысленности, которая позволяла многим при старом Путине и временном Медведеве лавировать и жить в двойном

измерении — внутри и вне системы, прекратила существование. Стало очевидно, в какую сторону движется Россия — к более жесткому авторитарному режиму.

И тем не менее среди публичных интеллектуалов либеральной ориентации осталось немало тех, кто полагал, что и в новой ситуации с властью нужно сотрудничать. Причем тесно. Что бы эта власть ни делала. Любопытна риторика, которая должна была оправдать вовлечение интеллектуалов в обслуживание власти. А как иначе назвать их участие в кремлевских структурах в роли представителей гражданского общества, назначенных властью? Ведь не общество их туда делегировало! Пожалуй, в наиболее концентрированной форме оправдательная аргументация нашла свое воплощение в высказываниях Даниила Дондурей, кстати, тонкого культуролога и главного редактора журнала «Искусство кино». И зачем только Дондурей начал заниматься политическими рассуждениями?! Ведь он всегда так убедителен, когда говорит о том, что знает и понимает...

Итак, Дондурей неоднократно на «Эхе Москвы» использовал мощь своего воображения и красноречия, чтобы доказать: при власти (в президентском совете по правам) можно состоять, и это вполне прилично и даже полезно для общества! Судите сами, насколько аргументы Дондурея убедительны. Риторика представителя гражданского общества при власти раскрывает весь феномен мышления российской «прослойки», потерявшей ориентир и те качества, которые, казалось, должны быть ей присущи, как думающему сословию. Давайте послушаем Дондурея. Он будет говорить о том, что хорошего сделал совет при его участии. Но, слушая его, мы должны видеть большее: состояние мировоззрения широкого круга людей, которым следовало бы стать нравственным эталоном нации и силой, работающей на формирование будущей повестки общества. На деле они оказались совсем другой силой... Какой? Послушайте Дондурея в передаче Светланы Сорокиной «В кругу СВЕТА»:

«...Ну, например, даже пребывание в этом совете уже оправдано тем, что 18 человек помилованы. Или тем, что Конгресс США и весь мир обсуждают дело Магнитского. Это все совет... Вчера президент... подписал 2 конвенции, которые предложил наш совет. Была огромная полугодовая, даже больше, война за них. Ну, вот все, что касается детей. Мы вошли в Европейские конвенции защиты детей. И это предложил наш совет... Наш

совет объяснил и сказал стране, что президент Дмитрий Анатольевич Медведев имел право помиловать Ходорковского, говорил это ярко, со всех трибун, и вся страна это знает... Мы много сделали и многого добились. И самое главное, что это единственный орган, который слышит сегодня страна».

Даже Светлана Сорокина не выдержала: «Вы выйдите сейчас на улицу и спросите, знает ли кто вообще, что такой совет существует. Давайте не преувеличивать, я вас умоляю. Я вас умоляю...»

Все, что говорил Дондурей о заслугах совета при президенте, было... мягко скажем, преувеличением. И большим. Что касается оправдания 18 человек, то, согласно Алексею Симону, совет мог похвастаться тем, что поспособствовал оправданию одного человека. Действительно, он опубликовал две юридические экспертизы: по делу Ходорковского – Лебедева и по делу Магнитского.

Что же касается общественной экспертизы по делу Ходорковского, в чем заслуга совета — в подтверждении того, что все знали и без него? Более того, уже вскоре те, кто делал общественную экспертизу по Ходорковскому, стали объектом преследования со стороны Следственного комитета. А один из экспертов, участвовавших в этой экспертизе, Сергей Гуриев, был вынужден покинуть страну из-за давления правоохранительных органов. Но об этом дальше. Таким образом, совету было сказано: вы не можете издавать ни единого звука, который создает диссонанс официальной мелодии. И что: президентский совет защитил своих экспертов, попавших под пресс Следственного комитета? А к тому, что мир узнал о деле Магнитского, совет не имеет никакого отношения. Уж поверьте.

Да, совет дал честную оценку избирательной кампании, призвав В.Е. Чурова отправиться в отставку. Но повторяю: на что повлияла эта оценка? Что изменила? Разве нельзя делать общественные экспертизы, не состоя в совете? И что это за «общественная» экспертиза, проводимая органом, созданным кремлевской администрацией?!

Если говорить о роли совета в защите детей, то лучше бы Дондурей не вспоминал о детях. Думский закон о запрете на усыновление сирот американцами и одновременно увеличение числа отказов россиян от усыновленных детей не оставляют сомнений в том, как обстоят дела с защитой самой незащищенной части детей в России.

«...Меня очень огорчает интеллектуальная слабость людей, которые выходят на Болотную. Невероятно огорчает», — сетовал Дондурей. Ну так, Даниил Борисович, пошли бы и помогли им повысить их интеллектуальный уровень. Коль скоро интеллектуальный уровень власти у вас не вызывает огорчения!

Если у Дондурея еще имелись какие-то надежды на конструктивный диалог с Кремлем летом 2012 г., то в дальнейшем для этих надежд, казалось бы, не могло остаться никаких оснований. Если, конечно, наш оптимист не изолировал себя полностью от жизни за окном. Ведь трудно было не заметить, как работал, накаляясь, «взбесившийся принтер» Думы и какие проекты решений туда вбрасывал Кремль. Но тем не менее Дондурей с прежней уверенностью продолжал утверждать: «Этот совет обладает, на мой взгляд, колоссальной властью, в которую переходит мир в XXI веке, это власть интерпретаций происходящего».

Ну что тут скажешь! Даже комментировать неловко... Если же совет действительно стал «колоссальной властью», почему он не противостоит тому, что начало твориться в России?!

Впрочем, даже демократически мыслящие и более опытные в политической жизни члены президентского совета пытались доказать, что до возврата Путина совет все же делал положительную работу. Так, Дмитрий Орешкин убеждал нас: «Кое-что тогда удалось (мало, конечно)... В частности, это “кое-что” в виде юридической позиции помешало с самого начала прихлопнуть систему независимого контроля за выборами в 2011 году. Результатом контроля, как известно, стали доказательства фальсификации и последовавшие за ними массовые митинги».

Позвольте спросить: неужели то, что последовательно, убедительно и мужественно делал сам Орешкин по контролю за выборами в 2011–2012 гг. и обнародованию фальсификаций, совершенных властью, являлось следствием существования президентского совета и его «политической позиции»?! Это ведь был выбор самого Дмитрия Борисовича Орешкина, который он — уверена! — сделал бы и не будучи в кремлевском совете, и в отсутствие самого совета.

А вот еще один аргумент достойных людей, членов совета, которые говорят, что они состоят там «для поддержания институциональной среды». Ничего себе — «институциональная среда»!

Скорее, этот совет, как и прочие симулякры, представляет собой самое яркое свидетельство отсутствия такой среды и дискредитации самого понятия «институты».

Еще смешнее выглядели страхи некоторых либеральных членов совета, что новый способ его формирования, предложенный администрацией, может привести в совет националистов либо левых. И это самая главная угроза! «А теперь в совете может быть кто угодно... Националисты в том числе», — волновался один из уважаемых правозащитников (даже неловко называть его имя). Однако нашего правозащитника почему-то не волновало, что он будет советовать лидеру, которому вообще чужды какие-либо правозащитные или демократические идеи. Националисты и левые, оказывается, для него гораздо страшнее и неприятнее, чем усиливающийся деспотизм российской власти.

Кремль своим репрессивным поворотом в 2012 г., казалось бы, предоставил либеральной интеллигенции все возможности для самоопределения и отказа от предыдущих «зигзагов» и колебаний. Процесс над «Pussy Riot», подготовка процесса над Алексеем Навальным, наконец, преследования участников майского митинга (2012) на Болотной, поиск «иностранных агентов» в обществе — все эти события вполне понятного ряда давали интеллектуалам шанс определиться со своим отношением к Кремлю. Остаться во властных, даже совещательных структурах становилось совсем уж неприлично.

И все равно либералы, и не только воспринимавшиеся ранее как «системные», осенью 2012 г. с готовностью вошли в обновленные совещательные органы при власти, в том числе в президентский совет по правам и премьерский экономический совет. Среди этих товарищей я не увидела известных представителей других идеологических течений — доминировали либералы либо государственники.

На первом заседании впитавшего «новую кровь» президентского совета по правам, в котором участвовал и вновь избранный президент Владимир Путин, руководитель совета Михаил Федотов решил напомнить президенту о свободах и правах человека. «А главная цель — построение свободного общества свободных людей, — говорил Федотов. — ...Свободное общество, насколько я понимаю, — это прежде всего развитое гражданское общество, а свободные люди — это суверенные

граждане, знающие свои права и добросовестно выполняющие обязанности. Не нахлебники, не захребетники, не подданные Его Величества, а сознательные строители страны с высоким уровнем жизни, зрелой демократией и достойным местом в современном мире».

Очень трогательно и даже смело! Нельзя не согласиться. Но послушайте, что говорил руководитель официального гражданского общества дальше:

«...К сожалению, культуру свободы нельзя ввести указом, нельзя импортировать, нельзя позаимствовать, ее можно только вырастить на своей земле собственным попечением. В деле взращивания культуры свободы наш совет готов и впредь быть коллективным советником главы государства, тем более что в нашей стране слова главы государства — это не просто лозунг: это директива, вектор движения, способ формирования в том числе и правоприменительной практики...» (подчеркнуто мной. — Л. Ш.).

Прошу обратить внимание на то, что сказал Михаил Федотов. С одной стороны, он вроде бы напоминал присутствующим, в том числе и лидеру, о необходимости свободы. Можно было даже подумать, что Федотов говорит с укоризной, почти оппонируя! Но прочтите следующий пассаж о «словах» главы государства как «векторе». Это не только признание, но и фактически поддержка самодержавной практики — ведь лишь при самодержавии лидер выдает стране «директивы» и формирует ее «вектор движения».

Более того, руководитель совета признает, что видит цель совета не в институциональных изменениях, а в деле «взращивания культуры свободы»! Это наглядный образчик системной ментальности: сначала сформируем культуру, а потом уже на ее почве будем создавать новую политическую реальность. А как создавать «культуру свободы» при авторитарных правилах игры? И как может взрастить ее орган, который обслуживает лидера, эту самую свободу топчущего?

При всем том М. Федотов позволил себе признать и пределы возможностей в деле взращивания «культуры свободы». Он завершает почти с безнадежностью: «Уважаемый Владимир Владимирович! Среди важнейших задач совета вы назвали обеспечение прав граждан, развитие диалога между обществом и государственными структурами. Мы внутри совета называем это миссией последней надежды».

Значит, даже ведущие члены совета не верили в свою миссию! Но почему же тогда оставались прозябать в кремлевской приемной?! Пожалуй, хватит мне задавать этот вопрос — сама себе надоела...

Среди новых защитников гражданских прав оказались не просто приличные люди, но обладатели политической репутации независимых и даже борцов с режимом. Я говорю, в частности, об Ирине Хакамаде. Вхождение либералов и людей, известных своим оппонированием власти, правда, в вегетарианские времена, когда эта власть еще не проявляла столь откровенного желания давить, в структуру при лидере, который начал поворот к ужесточению, вызвало немало критики. Она в основном выливалась в Интернете, коль скоро других каналов для нее уже не существовало. Понятно, что объекты критики не могли себя чувствовать комфортно.

Ирина Хакамада, отвечая своим критикам, так обосновывала свое решение попытаться повлиять на власть (ноябрь 2012 г.):

«После первого заседания Совета по правам человека при президенте РФ чего я только не наслушалась. Фиговый лист Кремля, Вторая общественная палата, просительное собрание, выпрашивающее у царя милости для обиженных... Я считаю, что совет — консультативный орган, имеет две задачи: информировать главу государства и предлагать способы решения проблем в поднятой проблеме. И если есть возможность сделать хотя бы первое, а тем более второе, то задача консультативного органа решена... Имея опыт работы в постоянно оппонирующей среде, привыкла не только спорить, но и искать компромисса в поиске результата, а не бесконечного собственного позиционирования. Подчеркиваю, компромисса, а не сдачи своей позиции».

Давайте разберемся, насколько эти рассуждения убедительны. Действительно, на одном из заседаний президентского совета с участием Владимира Путина Ирина Хакамада призвала президента пересмотреть законопроект о наказании за «оскорбление» чувств верующих, который имел несомненный тоталитарный смысл. Путин согласился подумать. Но неужели можно было верить лидеру, который не прислушался ни к одному призыву предыдущих составов совета? Можно ли было верить лидеру, который начал закручивать гайки? С какой стати Путин пошел бы навстречу Хакамаде и пересмотрел свое отношение к вопросу «оскорбления

чувств верующих», если этот закон так хорошо вписывался в формат нового режима, который строил президент? Из-за симпатий к Ирине Муцуовне?!

Если же речь идет о намерении либерально настроенного человека искать «компромисс, а не сдачу своей позиции» в диалоге с властью, то мы имеем дело с неадекватной оценкой со стороны Хакамады и новой реальности, и собственных возможностей. Компромисс возможен между сторонами при относительном равенстве их ресурсов. Но насколько реален (без обид!) компромисс между *мухой и слоном*? Я задаю этот вопрос всем представителям оппозиции и гражданского общества, которые горят желанием вести диалог с самодержавием и добиться от него компромисса. В чем был готов уступить коллегам Путин и когда он им уступал?

Что касается закона об «оскорблении чувств верующих», то все кончилось, как и следовало ожидать. В Думу был внесен старый текст законопроекта, который включает уголовную ответственность «за оскорбление чувств». А на подготовленный советом вариант никто внимания не обратил. Хакамада в марте 2013 г. была вынуждена выразить свой протест заявлением на сайте «Эха Москвы»:

«Я, Ирина Хакамада, в целях недопущения дискредитации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, обращаю внимание журналистов и общественности, что сегодня, 18 марта, депутаты Госдумы обсуждали и готовили к первому чтению СТАРЫЙ текст законопроекта о защите чувств верующих... Поясняю: ни я, ни совет к рекомендованному сегодня к принятию законопроекту, указанному выше, никакого отношения не имеем... Совет по правам человека жестко раскритиковал внесенный в Думу законопроект...»

Ирина Муцуовна! Нечего беспокоиться о «недопущении дискредитации» совета! Эта дискредитация давно уже произошла, и еще до того, как вы к нему присоединились! Как вы этого не заметили?!

Те, кто вошел в совет (туда ведь силком никого не загоняли!) при новом Путине, могут мне возразить: это площадка, которая все же позволяет выдвигать альтернативы и доводить их до уха президента! Отвечу: а почему не создавать такие альтернативы независимо от власти? Неужели нет возможности довести их до уха лидера, избегая опасной близости к трону?

ЕЩЕ РАЗ О РУЧНОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СЛАБОСТЬ ЛИБО ПРИВЫЧКА?

Вот как я прокомментировала тогдашние телодвижения вокруг совета по правам в «Газете.Ru»:

ЗАГОНЧИК ПРИ ВЛАСТИ

Пока «пикейные жилеты» продолжают выяснять, что означает для режима жертвоприношение Сердюкова, произошло другое, внешне не столь волнующее событие, которое однозначно можно назвать победой Путина. Я имею в виду обновление президентского совета по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ).

До недавнего времени СПЧ был маргинальной структурой, прозябая в тени других симулякров, в первую очередь Думы и Общественной палаты, которые должны компенсировать отсутствие в России независимых политических институтов. СПЧ был любопытен только с одной точки зрения: в какой степени его члены могли сохранить достоинство, находясь так близко от власти.

Сегодня, когда ведущие симулякры себя дискредитировали, СПЧ оказался важным для власти средством очеловечивания Кремля и придания ему более цивилизованного облика.

Несомненно, отсюда и внимание Владимира Путина к этому проекту, и его присутствие на недавнем заседании совета, и участие в утомительном разговоре с чуждой ему аудиторией.

Обновленный СПЧ собрался в ситуации, когда произошло усиление репрессивного уклона власти. Более того, в России создана законодательная основа для движения к диктатуре. Страна вернулась в эпоху политзаключенных, слежки, внесудебных обысков и похищения неугодных режиму людей за границей. Именно в этой ситуации в консультативный орган при президенте Путине решили войти знаковые представители гражданского общества и интеллектуальной элиты, известные своим либерализмом, среди них Ирина Хакамада, Павел Гусев, Николай Сванидзе, Леонид Парфенов, Станислав Кучер, Леонид Никитинский, Елена Масюк, Сергей Пашин, Лилия Шибанова.

Вхождение в президентский совет означает согласие его членов стать партнером власти и играть по ее правилам. И ни у кого нет сомнений в том, кто определяет эти правила.

Членов совета не смутила необходимость говорить о правах и свободах с властью, которая предпринимает усилия, чтобы общество о своих правах и свободах не вспоминало. Членов совета не смутила и история этого органа, который известен тем, что ни одна из его основных инициатив не была поддержана властью... Новые участники действия могли бы прислушаться к тому, о чем предупреждала Людмила Алексеева: «Путина мы знаем — и знаем, что при нем неэффективно работать».

Словом, совет уже имеет определенную историю, и нельзя сказать, что те, кто присоединился к нему, и те, кто продолжает там работать, не имеют понятия, с чем они имеют дело и какая роль им уготована. При предыдущих президентствах, когда Кремль еще любил заниматься имитационными играми, можно было заблуждаться и питать иллюзии относительно свободолюбия власти. После произведенной в этом году Кремлем антиоранжевой «контрреволюции» основания для наивности либо надежд были убедительно исчерпаны.

Сам Путин сказал своему совету честно: «В нашей работе будет преемственность». Следовательно, будет то, что и было: совет будет рекомендовать, а власть будет его игнорировать...

Тем временем состоявшаяся в СПЧ дискуссия должна была Путину понравиться. Собравшиеся увлеченно обсуждали киберпространство, электронную демократию, порнографию, криминализацию российского эфира и просили денег. Ни один человек не упомянул о политических процессах, о политических заключенных, о судьбе Развозжаева (его российские спецслужбы похитили в Киеве и вывезли в Россию. — Л. Ш.). Все члены совета продемонстрировали виртуозное владение самоцензурой. Они знали, что можно говорить, не раздражая хозяина площадки. А чего говорить было нельзя. Судя по всему, это была согласованная самоцензура. Что тем более унижительно для участников. Президентский совет напоминал посиделки Путина с Валдайским клубом, который тоже является инструментом влияния Кремля, только для зарубежной общественности.

В контексте того, что происходит в нашей жизни в последние месяцы, заявление Михаила Федотова о том, что цель совета — «построение свободного общества свободных людей», звучало, как будто участники действия собрались обсуждать галактику, не имеющую отношения к России.

Особенно жалко выглядели популярные медиаперсоны. Леонид Парфенов повторил рефрен про власть как покойника, про «которого ничего или хорошее». Станислав Кучер проинформировал о «тотальном контроле над телеканалами». Это было как раз то, что Кремлю и было нужно: какая смелость обсуждения, да еще в присутствии президента!

Правда, Тамара Морщакова, Ирина Хакамада, Елена Масюк и Леонид Никитинский затронули, казалось бы, основательные проблемы — ужесточение законодательства и необходимость судебной реформы. В советские времена их речи были бы вызовом системе, за которым могло последовать и наказание. Сегодня просьбы к президенту «дать поручение» пересмотреть закон вполне укладываются в кремлевский ритуал. Неужели сами просящие верят, что Путин согласится на гражданский контроль над судами, прикажет отменить закон, ограничивающий независимость журналистов, либо оттолкнет православную иерархию?

Это же призыв к подрыву монополии на власть, т. е. к политическому самоубийству! Если уважаемые члены совета при Путине надеются, что Путин к ним прислушается и развернет государство в противоположном направлении, в таком случае они не из этого мира. Если же они понимают, в какой реальности они живут, то должны осознавать, для чего их приглашают в Кремль и позволяют говорить то, что они говорят.

Кстати, несмотря на свое обещание «вернуться» к рассмотрению закона о государственной измене, о чем его просили члены совета, Путин этот закон подписал в тот же день, когда проходило его заседание, — либо до него, либо после. Комментарии излишни.

Кремль, загнавший общество в душный чулан, хочет подправить свою репутацию за счет репутации приличных людей. Но все еще находятся оптимисты, которые говорят: «Глядите, что Путин позволяет! И кто скажет, что у нас нет свободы слова!» Правда, в обмене мнений, который мы наблюдали, важнее не то, что говорили отважные члены СПЧ, а что отвечал им Путин. А он обещал: «Мы с вами еще подискутируем по этой теме». Вот и весь разговор. Так было на предыдущих встречах с президентом, так будет на следующих. Пока Путину не надоест делать себе политический макияж.

Президент предложил своим собеседникам сделку: вы говорите о проблемах (но не выходя за понятные всем пределы), а я делаю, что хочу. И мы не обижаемся друг на друга. Это было предложение войти в карманное гражданское общество. И оно было принято.

Правда, президент проигнорирует не все предложения. Одно ему должно уж точно понравиться — предложение Пушкова побороться за права и свободы за рубежом. И прежде всего в Америке. Было видно, что эта идея Путина вдохновила сразу. После того как американский конгресс одобрит «закон Магнитского», гражданскому обществу при президенте будет чем заняться. Заранее сочувствую!

...Подозреваю, что поведение участников совета и их подготовки, которые они выложили, — все это должно показать Путину, что он владеет ситуацией и легко может манипулировать своей просительной-заискивающей (по большей части) аудиторией. Этот разговор должен был помочь ему преодолеть остатки опасений, которые могли остаться после недавних выходов москвичей на улицу. Он мог убедиться и в том, что протестная волна опала и ему не угрожает. Иначе его ручное гражданское общество вряд ли было бы столь представительным.

Но в совете есть и те, кто там смотрится естественно и на своем месте. Это те правозащитники, которые пришли решать конкретные проблемы. Скажем, помочь девочке-сироте из Нижнего Новгорода получить квартиру. Либо убедить власть выделить доктору Лизе средства на помощь бомжам. Эта деятельность укладывается в рамки структуры при персоналистской власти и не несет ни морального, ни политического ущерба. Остальные члены СПЧ — медийные персоналии, эксперты, общественные деятели — в рамках такой структуры вынуждены работать на самосохранение власти, но в ущерб своей репутации.

Что за мотивы, которые заставляют цвет нашей интеллектуальной элиты соглашаться петь в кремлевском хоре — наивность, стремление к сохранению статусной роли? Какая разница? Важнее то, что они показали, что у Путина есть ресурс и он им умеет пользоваться.

Но нет худа без добра. Формирование гражданского общества «при Кремле» при нарастании системного кризиса означает, что нам нужно активнее строить свое, не зависимое от Кремля гражданское общество и энергичнее искать новые авторитеты и новых лидеров.

Газета.Ru, 19 ноября 2012

Критики критиковали, а караван продолжал идти. Это я о деятельности президентского совета по правам. Упомяну еще об одном его заседании — в сентябре 2013 г. Это заседание

состоялось, когда в России оформился новый политический пейзаж. Кремль, видно, решил, что ему удалось успешно справиться с недовольством и можно поставить на обществе эксперимент — допустить видимость конкуренции, но только в ограниченном масштабе и жестко контролируемой сверху, и посмотреть, что будет. Об этом эксперименте я еще буду говорить. Сейчас лишь несколько штрихов к пейзажу. Прокремлевские комментаторы заголосили об «оттепели» и возвращении к политическому плюрализму. Это значило, что Кремль пытался найти новый способ выпустить пар. Естественно, власти нужна была массовка, которая ей бы опять подыграла и подтвердила: да, власть начинает ослаблять вожжи! В Кремле не глупые люди сидят, и они знали, что желающих сыграть в массовке «оттепели» найдется предостаточно.

Новое заседание СПЧ с участием Путина состоялось как раз в момент эксперимента с «допуском конкуренции» (речь, конечно, о допуске к московским мэрским выборам Алексея Навального). Это заседание любопытно даже не с политической точки зрения — какая там политика! — а с точки зрения психологии: как в Кремле вело себя кремлевское гражданское общество, что говорило, что предлагало лидеру и как потом оправдывало свою роль при власти. Лидер говорил предсказуемо — о демократии и о том, почему так важно, «чтобы гражданское общество в России было максимально независимым». Думаю, он получал удовольствие от того, что вещал внимающим ему собравшимся: интересно, что он думал в тот момент, когда рассказывал об их независимости? А что чувствовали собравшиеся, осознавали ли двусмысленность своего положения?

Затем Владимир Владимирович заявил, что он бы хотел, чтобы гражданское общество почувствовало себя «действительно независимым», и, дабы гарантировать его независимость, пообещал ему финансовую помощь государства. Чтобы наши гражданские активисты чувствовали себя совершенно от государства не зависимыми! Никто, конечно, не возразил. Я думаю, Путин издевался, когда уверял, будто эта помощь не означает, что «государство кого-то подкупает». Нельзя отказать российскому президенту в своеобразном чувстве сарказма!

После этого Путин выдал собравшимся задание. Ему понравилось, как его совет участвовал в форуме «Гражданской двадцатки». Объясню, что это такое. «Двадцатка» ведущих го-

сударств мира, которая сделала хорошее дело, облегчив выход мирового сообщества из финансового кризиса 2008 г., решила не расходиться. Хотя и было непонятно, чем ей теперь заниматься. Это такой междусобойчик, во время которого каждый лидер может пообщаться с другими; форум, принимающий заявления, ни для кого не обязательные. Такие структуры всегда обрастают присосками и паразитами. Вот и «Двадцатка» обросла ими: «Бизнес-двадцатка», «Профсоюзная двадцатка», «Гражданская двадцатка» и т. д. Все они готовят свои рекомендации большому курултаю, который, конечно же, не имеет времени их читать. Так вот, Россия провела «Гражданскую двадцатку» (в ее работе принимал активное участие и СПЧ) и сформулировала предложения по развитию гражданского общества для других государств. Вы только подумайте: страна, считающая тех, кто принимает западную помощь, «иностранными агентами», которых следует держать под присмотром, предлагает свой опыт донорам «иностранных агентов»! Пикантное решение! Путин, видимо, воодушевившись, захотел, чтобы его гражданское общество подготовило рекомендации, как жить, и для «Восьмерки», которая должна состояться в 2014 г. Словом, Кремль поставил рекомендации мировому сообществу на поток! Президентскому совету, как считал президент, обязательно надлежало поделиться российским опытом защиты прав с мировым сообществом! Тут даже комментировать не хочется. Надеюсь, у собравшихся не снесло голову от такой чести. Надеюсь, они знали, где остановиться, чтобы не стать героями мирового посмешища. Хотя не уверена...

Все остальное на том заседании прошло по сценарию предыдущих сборов. Выступавшие члены СПЧ ныли и жаловались. Президент обещал учесть их жалобы и предложения либо просто подумать. Федотов было понадеялся, что президент согласится внести «фундаментальные изменения» в Закон о НКО, чтобы смягчить его драконовские нормы. Президент согласился только уточнить термин «иностранные агенты», заявив, что российский закон более «толерантен», чем аналогичное законодательство в США и Индии. Словом, подготовился к ответу. В общем, ни президент, ни его гражданское общество из формата, ставшего традиционным, не вышли. Власть получила подтверждение — ее симулякр готов работать в прежнем режиме. Проблем с ним не возникает, намек на появление новых бунтовщиков и недовольных более нет.

Мне было интересно, найдут ли члены СПЧ какие-либо неизбитые и оригинальные объяснения своего участия в кремлевском «загончике». Ведь они собирались уже в новой атмосфере; власть была дискредитирована, особенно в Москве; недовольство властью, пусть и приглушенное, продолжалось. Как они, думалось, совладают со своим двусмысленным положением? Обоснование своей важной миссии предложил журналист Станислав Кучер, которого я до этого воспринимала как, скорее, фрондирующего. Он заявил: «...Мы пока живем в условиях авторитарной политической традиции. В переводе на русский это значит: права человека в обозримом будущем в России будут защищать в рамках именно этой традиции» (!). Интересно, подумал ли Кучер над тем, что сказал?! А сказал он следующее: в России правит царь, и мы можем только у царя просить милости и защиты для какого-либо несчастного подданного. Что ж, это тоже позиция. Ее озвучил не правозащитник, а журналист, который таким способом выразил свое понимание журналистской профессии и свое отношение к власти. А ведь отличный был журналист!

На том заседании выступила и уважаемая мною Элла Памфилова, которая в качестве руководителя движения «Гражданское согласие» согласилась курировать распределение бюджетных денег среди НКО. Я могу только представить, каких мук ей стоило согласиться на это — ведь она так жестко и уничтожающе критиковала придворную роль интеллектуалов. Что ж, будем надеяться, что Элла Александровна сможет сделать доброе дело для каких-то сегментов гражданского общества. Но она могла бы принять свою роль молча, подумалось мне тогда. Не нужно было ничего говорить! Однако Памфилова сделала заявление, которого ей лучше бы не делать. Она сказала: «...Сам процесс, который сейчас начинается, свидетельствует о том, что государство в лице президента признает все-таки важность правозащитного сообщества... Это очень важный толчок к развитию страны, ко всевозрастающей роли правозащитных организаций в оздоровлении ситуации, в масштабном противостоянии произволу... В свое время, Владимир Владимирович, вы собирали земли. Пора собирать народ». Что тут скажешь. Может быть, действительно, так показалось Элле Памфиловой. Может быть, ей так показалось в силу ее новой роли. Ведь функция иногда определяет сознание. Короче, на сложную судьбу себя обрекла Элла Александровна.

Я уже поставила здесь точку. Но неожиданно увидела интервью Эллы Александровны в «Нью-Йорк таймс» (сентябрь 2013 г.), которое она дала уже после согласия взяться за свою работу распределителя. Прочитирую фрагмент этого интервью только для того, чтобы показать, как мучается в поисках аргументов человек, пытающийся убедить себя и других в наличии у власти благородных помыслов. Итак, читаем: «Да простят меня наши непримиримые либералы, но по окончании встречи (с Путиным. — Л. Ш.) у меня возникла определенная надежда на то, что сегодня в стране неизбежны перемены в лучшую сторону... И слава Богу, у меня такое ощущение, что и Путин это стал понимать и не будет препятствовать общественному потоку — запросам на перемены, а, наоборот, начнет искать здоровые точки роста, точки опоры... По разным причинам государство идет навстречу правозащитникам, готово поддерживать их финансово и в ответ не требует от них абсолютной лояльности».

Возникает масса вопросов к Памфиловой. Вот только некоторые из них: каковы основания для вашего, Элла Александровна, «ощущения»? Один лишь тот факт, что государство решило выделить НКО деньги? Но этот факт, скорее, должен вызвать подозрения насчет намерений государства, которое продолжает гнобить гражданское общество! Каковы доказательства того, что власть собирается «искать здоровые точки роста»? Приведите хотя бы одно! Наконец, что означает: власть больше не требует от правозащитников «абсолютной лояльности»? Значит, власти будет достаточно относительной лояльности? И в чем она в таком случае должна состоять?

Можно было бы надежду Памфиловой на готовность власти начать перемены списать на ее политическую наивность. Если бы не один из ее аргументов, который она привела, чтобы доказать, что с Кремлем нужно сотрудничать. Вот он: «Интересно, а когда, где и какая власть была безгрешно ангелоподобной? Даже наш нобелевский лауреат Обама стал бомбами размахивать...» Памфилова заговорила на языке кремлевских пропагандистов, которые в ответ на критику власти всегда говорят: «Вы что, идеала захотели?! Посмотрите на Запад и развитые демократии! Неужели вы не видите там проблем?» Когда человек прибегает к подобному аргументу, это означает, что он все прекрасно понимает. Данный аргумент — доказательство

принятия человеком кремлевской логики, и эта логика уже не выпустит его из своих объятий. Придется идти вслед за ней и дальше...

Возможно, новый общественный подъем (пока мне не понятно, когда он начнется) вызовет у наших интеллектуалов — экспертов, советчиков власти и правозащитников при власти — прилив мужества и они решатся прыгнуть с прогнившего кремлевского дредноута. Но нужно иметь в виду: в России выходит на сцену новое поколение людей, которым не будут нужны — ни в роли моральных арбитров, ни в роли экспертов-советников, ни в роли правозащитников — нынешние представители кремлевского «гражданского общества».

КАК СОХРАНИТЬ ЛИЦО, КОГДА ЛИЦО СОХРАНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Пока члены «загончиков» пытались оправдать свое членство и доказать, что их деятельность имеет бесспорные результаты, Следственный комитет, который в последние годы стал основным репрессивным инструментом власти, втихую начал «дело экспертов». Речь идет о тех экспертах, которые по заказу президентского совета по правам изучили дело Ходорковского и нашли, что оно является с правовой точки зрения мыльным пузырем. Некоторое время расследование «вредительства» экспертов шло без шума. Но следователи не церемонились, и потому ряду экспертов пришлось спешно уехать из России. Тишина сохранялась, пока дело не дошло до Сергея Гуриева, который участвовал в экспертизе. И Гуриев, популярный экономист и публичная фигура, член всевозможных советов и комиссий при правительстве, угодил в лапы Следственного комитета. В мае 2013 г. он был вынужден покинуть страну. «Дело экспертов» и эмиграция Гуриева должны бы рассеять иллюзии относительно возможности работать на власть, советовать ей и вместе с властью воспитывать в обществе «культуру свободы». Все доводы идеалистов из числа тех, кто хотел работать на Кремль и при этом выглядеть прилично, превратились в труху. Это был не только отрезвляющий сигнал о возможности знакомить власть с мнением экспертного и гражданского сообществ. Это был сигнал о формировании нового политического режима на основе полного подчинения общества власти: шаг влево, шаг вправо — и вы наказаны!

Власть предложила новые правила игры даже открыто и принципиально системным людям. «Системность» теперь означала не то, что прежде. Раньше можно было советовать президенту и состоять в «открытом правительстве». И при этом давать 10 000 рублей в фонд Навального, как делал Сергей Гуриев. Причем сам Гуриев неоднократно подтверждал свою политическую лояльность и умеренность воззрений, постоянно подчеркивая свою надежду на позитивную эволюцию

власти. Он был человек власти, а не человек оппозиции. Он принадлежал к тем, кто обслуживал власть интеллектуально. Он был для Кремля и особенно для медведевского правительства свой. Если он и упоминал о переменах, то лишь о переменах сверху и контролируемых верхах, а не обществом.

Вот что говорил Гуриев в диалоге с Гарри Каспаровым:

«...Я думаю, что постепенная либерализация возможна и необходима. Очень важно, чтобы переход происходил разумным и контролируемым способом. Режимы, в которых нет внутренних сдержек и противовесов, могут обваливаться самым ужасным путем. Институты строить очень трудно. Если мы просто объявим завтра свободные выборы, не все люди, которые нам нравятся, будут избраны. Да, парламент должен представлять народ. Но также важно объяснить народу, что частная собственность — это хорошо, а не плохо. Пока что народ верит, что регулирование цен на еду — это очень хороший способ борьбы с бедностью. Более того, средний россиянин не верит ни в конкуренцию, ни в демократию».

Таково мнение человека, который хотел бы перемен. Поэтому что боялся, что система обвалится. Но он не верил, что перемены — это обязательно хорошо. Ибо народу доверять нельзя. Вполне приемлемая для Кремля позиция. Даже откровенно прокремлевская позиция, которую разделяют, очевидно, и представители правящей команды. Сергей Гуриев, несомненно, приносил власти пользу, артикулируя подобные взгляды как в стране, так и вне страны: в России перемены возможны только сверху!

И надо же — наехать на такого человека! Стало очевидно, что власти на новом этапе нужна тотальная лояльность. Теперь «системность» означала полную аннигиляцию личности подданного, от которого больше не требовался профессионализм. Отныне можно было сидеть только на одном стуле и желательно быть Сидякиным либо Яровой. Никакого намека на свое мнение. Никакой возможности работать на власть и при этом иметь независимую репутацию. Мягкая «системность» по-гуриевски больше не работала. Выбор Гуриева в качестве примера, скорее всего, связан с делом Ходорковского. Как честный профессионал, Гуриев подтвердил: оснований для обвинения Ходорковского нет. Не мог он сказать по-другому без ущерба для своей репутации. Но тем самым он проявил несогласие с официальной линией Кремля по болез-

ненному для национального лидера вопросу. Тем более когда, судя по всему, власть принялась искать повод для новых обвинений в адрес Ходорковского. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Гуриев попал под каток. На его месте мог оказаться любой представитель умеренной, лояльной к власти либеральной прослойки. Наступило время, когда даже профессионализм для власти становился фактором угрозы, а для его носителя — фактором опасности.

Я обратила ваше внимание на президентский совет по правам как на одну из форм обслуживания власти. Но ведь Кремль создал массу других, пусть и менее престижных «загончиков» (в том числе и в регионах), куда зазывали интеллектуалов и общественников и позволяли им проводить там время. Конечно, с выгодой для власти. Один из них — Экспертный совет при правительстве Медведева. Туда вошло немало уважаемых людей. Давайте послушаем, как они обосновывали свое присутствие там: «В стране нет пространства для парламентских дискуссий и выдвижения альтернативных программ. Это чревато деградацией экономической политики. Поэтому создание Экспертного совета позволяет хотя бы в какой-то мере преодолеть дефекты существующей политической системы. Экспертный совет предоставляет премьер-министру более широкое видение окружающей действительности, понимание стоящих перед страной проблем». Ну, в общем, пафос понятен.

Прошло несколько лет существования правительства Медведева. Экономика вошла в стадию то ли рецессии, то ли стагнации, в чем медведевское правительство никак не могло разобраться. Это значило, что советы умных людей все равно не помогли. Не сработал и Экспертный совет при премьер-министре. Впрочем, при этом премьере (еще более важно — при этом президенте!) российской экономике вряд ли помог бы даже самый толковый совет, состоящий из нобелевских лауреатов по экономике.

В данном контексте возникает более широкая проблема. Речь идет о деятельности экспертов в разных сферах — и не только в экономике, но и в сфере внешней политики. Нужно прямо и честно сказать, что они делают: они работают на самодержавие, причем уже загнивающее, лишенное модернизационного импульса. Какова их роль внутри этой системы? Она вполне очевидна. Эти эксперты помогают системе продлить свое существование. И чем они опытнее, умнее,

талантливее, тем успешнее содействуют самосохранению системы. Возможно, многие из них это понимают — и это их осознанный выбор. Другие не понимают последствий своей «полезности». Конечно, есть жизненные обстоятельства, которые заставляют людей работать на обреченную систему. Но в таком случае не нужно подобного рода деятельность преподносить как благородное дело либо миссию! Ну, работайте тихонько на это правительство либо администрацию, информируйте их, предлагайте варианты решений. Не нужно убеждать народ в своих реформаторских помыслах.

Почему приличные люди пополняли собой «загончики» при власти в момент, когда стала очевидной ущербность системы? Ведь у многих из них оставалась возможность отсидеться, отмолчаться, отказаться от предоставления услуг, сказаться больным и занятым... Почему обязательно нужно было туда идти, участвовать, обосновывать, а потом объяснять свое участие и терять уважение других и собственное уважение к себе?

Я не претендую на роль морального арбитра. У меня более прагматическая задача — я задаю вопросы, которые важны для политического анализа российской реальности. Для того чтобы увидеть, в каком направлении эта реальность эволюционирует, нужно понять мотивы тех, кто ее формирует и кто находится на орбите тех, кто ее формирует. Конформизм присутствовал и присутствует во всех обществах и при всех цивилизациях. Он, в частности, проявляется в переходе на службу власти интеллектуалов, которые продолжают претендовать на роль носителей определенных ценностей и моральных принципов, и даже больше — на определенную дистанцию от власти. Но нужно прямо сказать: их работа на власть и при этом попытка влиять на общество наносят огромный урон обществу, дезориентируя его, лишая видения собственных интересов, которое могут дать только интеллектуалы. Последние не в состоянии работать на общество, поскольку уже работают на интересы власти!

Есть и другое явление — существование особой общественной группы экспертов-технократов, считающих работу на власть своей профессией и не пытающихся ее оправдывать либо демонстрировать фрондерство по отношению к этой самой власти, которая им платит. Технократ даже в демократических обществах должен забыть о своем критическом отношении к власти (если таковое у него имеется); он должен

стать инструментом, обслугой власти. В любых обществах есть технократы, которые без раздумий работают на власть. В какой-то период они даже могут взлетать наверх и формулировать траекторию развития своих стран. Так произошло в Чили в период прихода к власти Пиночета, который опирался на технократов-экономистов в определении не только своего экономического курса, но и степени политических свобод. Но дело в том, что, став технократом, эксперт не может претендовать на роль интеллектуала и на право быть носителем морально-нравственных и этических норм. Технократ — больше не интеллектуал. Он винтик государственной машины. У нас же эксперт, работающий на власть, не хочет быть просто технократом, т. е. наемным работником власти. Он хочет к себе иного отношения и требует уважения как к носителю либо эталону определенных норм! Он хочет быть частью интеллектуального сословия. В таком случае он не технократ. Он конформист.

Так что же все-таки удерживает симпатичных и в личном общении свободомыслящих людей на авторитарной властной орбите (либо внутри этой орбиты)? Начинаю перебирать мотивы подобного тяготения. Политическая наивность? Но если речь идет о путинской России, то на нас обрушивается лавина доказательств и свидетельств реального состояния дел, которые должны от нее давно излечить. Неистребимая вера в то, что, находясь при власти, все же можно сделать что-то приличное? Но в таком случае эта вера должна быть основана на твердой решимости не обращать внимания на реальность, которая противоречит вере. Прагматизм? Одному надо поддерживать журнал. Другому — театр. Третьему — делать газету либо сайт. А где взять деньги? Такой прагматизм понятен, и нельзя не испытывать сочувствия к тем, кто идет на поклон к власти ради дела. Более того, есть совершенно бесспорные ситуации, когда даже нужно идти на поклон и нужно сотрудничать с властью. Ситуации, при которых нравоучения и требования моральной «чистоты» совершенно неприемлемы. В подобной ситуации оказался необыкновенный человек, актриса Чулпан Хаматова, один из учредителей фонда «Подари жизнь!», которая прилагает героические усилия, оказывая помощь детям, больным раком. Хаматова согласилась стать доверенным лицом Путина на последних президентских выборах и снялась в видеоролике, в котором выступила в его

поддержку. Чем вызвала среди тусовки бурную дискуссию о том, как она могла себе такое позволить! Причем больше всего шумели как раз те, кто не имел ни малейших шансов на обладание репутацией и какими бы то ни было принципами. Потому и шумели, чтобы уравнивать Хаматову с собой... Прав был Сергей Пархоменко, комментируя эту историю: «Для тех людей, которые видят Чулпан Хаматову, этот ролик — не агитация за Путина, а улика, зримое свидетельство тех методов, которые Путин и его штаб готовы использовать на этих выборах».

История с Хаматовой в роли доверенного лица Путина продемонстрировала драматизм ситуации, в которой мы оказались. Мы все являемся заложниками власти, если хотим сделать любое нужное для общества либо конкретных людей дело. И каждый раз, делая полезное дело, мы вынуждены размышлять о том, каковы пределы возможного в наших отношениях с властью и когда наступает момент невозможного...

Вернемся к мотивам российского конформизма. Опасения быть выброшенным из профессии, если откажешься участвовать во властных «капустниках»? Это тоже немаловажный мотив. Но ведь некоторые все еще могут работать в профессии, не легитимируя власть столь открыто. И с такой готовностью! В отличие от советских времен, у нас пока сохраняется пусть не очень широкое, но все же поле для интеллектуального общения и независимой экспертизы. Не обязательно превращаться в Говорукиных и Марковых для того, чтобы снимать фильмы, работать в театре либо преподавать в вузе.

Правда, это поле не дает возможности для столь горячо желаемой многими публичности, для широкого, массового признания, для принадлежности к определенному кругу. Для некоторых интеллектуалов и общественных лиц вовлечение во властные и привластные структуры есть немаловажный способ самореализации. Но ведь и цена, которую они платят за данный способ самореализации, тяжелая. И ее приходится платить. Даже если сейчас эту цену и не ощущаешь...

А может быть, интеллектуала заставляют идти в обслуживание власти обычный цинизм и лизоблюдство? Что ж, бывает. Мы видим, что некоторые этого и не скрывают: мы используем власть, а она использует нас. Это мы уже слышали.

Словом, мотивы конформизма самые разные. Грустно, что наиболее широко стремление прислуживать власти либо

оправдывать действия власти охватило группы, которые претендуют на принадлежность к либеральному лагерю. Я говорю не только о «системных либералах», прямо вовлеченных в осуществление власти. Эту тему жестко «отбили» и, как мне кажется, завершили «республиканцы», в первую очередь Каспаров, Илларионов и Пионтковский. Да и я сама к завершению темы приложила руку, пусть и не столь активно. Сейчас я имею в виду более широкий спектр интеллектуального сообщества — экспертов, ученых, журналистов, писателей, музыкантов, режиссеров и других представителей творческого мира. Конечно, среди обслуживающих власть представителей думающего сословия есть и люди левых взглядов, националисты и империалисты. Но они все же не столь заметны.

Помню, как Михаил Берг в одной из своих статей в «Еже» («Пелевин как Радзиховский», апрель 2013 г.) обратился к роману Пелевина «Бэтман Аполло». Этот роман не мог не вызвать раздражения многих из нас в либеральном кругу. И понятно почему. Все дело в том, что Пелевин буквально размазывает прослойку, которую принято называть либеральной интеллигенцией. Взгляните сами:

«Как только под чекистской хунтой начинает качаться земля, карголиберальная интеллигенция формирует очередной “комитет за свободную Россию”, который так омерзительно напоминает о семнадцатом и девяносто третьем годах, что у зрителей возникает рвотный рефлекс пополам с приступом стокгольмского синдрома, и чекистская хунта получает семьдесят процентов голосов, после чего карголибералы несколько лет плюются по поводу доставшегося им народа, а народ виновато отводит глаза... Потом цикл повторяется».

Конечно, Пелевин абсолютизирует — либералы-интеллектуалы не только имитируют борьбу за «освобождение России». Они выходили на Болотную и Сахарова. Но все же уловил что-то Пелевин. Именно в этой прослойке так много людей, которые готовы кучковаться при троне, видимо, опасаясь остаться в одиночестве либо один на один с народом, который они не любят и с которым не хотят иметь дела. Во многом можно согласиться с Бергом:

«...Считаю, что от упреков Пелевина не стоит отмахиваться, как от досадной несправедливости и неточности... Мы проворонили перестройку, мы ответственны за приватизацию, только увеличившую несправедливость в несправедливой

стране. Мы ответственны за Путина и его феодализм. Так что порой послушать злобного Пелевина — не вредно будет».

Продолжу тему, но уже под другим углом. Выше я говорила о прямом участии интеллектуалов в обслуживании власти. Но есть и другие виды общественной и политической активности, которые власть использует в своих целях. И где те, кто считает себя частью интеллектуальной «прослойки», проигрывают. Я имею в виду, на первый взгляд, совсем не политическую сферу. Но на самом деле имеющую огромное, пожалуй, решающее значение для сохранения контроля власти над обществом. Это массмедиа, и прежде всего телевидение. Мы, люди, критически относящиеся к власти, проигрываем, когда приходим на государственные телеканалы. Впрочем, это старый спор — и среди интеллектуалов, и среди оппозиции: ходить или не ходить на государственное телевидение? Большинство оппонирующих власти экспертов и политических активистов решают дилемму в пользу «ходить». Вот их основной аргумент: телевидение располагает массовой аудиторией, и нужно использовать любой шанс, чтобы донести свою правду народу и познать народ с собой либо напомнить ему о себе. Казалось бы, правильно. Но что происходит на самом деле?

Ведущие телевизионных шоу, Соловьев, Гордон, Дмитрий Киселев, Толстой, Мамонтов, постоянно приглашают тех, кто считается оппонентом власти. А некоторых весьма часто, в частности Леонида Гозмана, Илью Пономарева, Илью Яшина, Валерию Новодворскую, Геннадия и Дмитрия Гудковых... И зачастую оказывается, что оппоненты власти проигрывают, смотрятся слабо и неадекватно либо выглядят частью базара, который намеренно создают ведущие.

Наблюдая за теледейством с участием критиков власти, часто трудно удержаться от вывода: полный провал! Не нужно было идти! Сколько раз сами участники подобных шоу говорили: «Все! Ноги нашей там не будет!» И все равно выскакивают на телеэкране с тем же самым результатом. Между тем участие в телепрограммах официальных каналов, которые поднаторели в дискредитации оппозиции, почти всегда означает проигрыш для оппонентов власти. Возможно, не только благодаря усилиям ловких ведущих и манипуляциям с отснятым материалом. Не исключено, что оппоненты власти отторгаются аудиторией, ибо наскучили ей и больше не вызывают отклика. Но ведь ходят же! Ходят и самые принципиальные представи-

тели оппозиции и интеллектуальной фронды. Хотелось бы им посоветовать после очередного похода на телевидение внимательно и спокойно просмотреть действие, в котором они участвовали, и решить, стоит ли продолжать походы.

О себе скажу: да, и меня телеканалы приглашают и даже гарантируют свободу высказываний, обещают не «обрезать». Никогда не хожу — не хочется участвовать в спектакле, где тебе отведена вполне определенная роль. Глядя на тех (в том числе и друзей), кто не может избежать искушения, прихожу к выводу, что делаю правильно.

НЕУЖЕЛИ МЫ СТОЛЬ БЕЗНАДЕЖНЫ?

Грустные мысли о нашей интеллектуальной «прослойке» посещают не только меня. Приведу высказывание на эту тему Ирины Павловой, которая публикуется в «Гранях» и известна своей либеральной позицией. Но вот ее критика нашей интеллектуальной общественности вызвала у меня желание возразить. Итак, Ирина Павлова:

«Самой главной проблемой современной России остается неспособность прогрессивной общественности действовать независимо от верховной власти. Этот диагноз был поставлен еще в конце XIX века генералом Ростиславом Фадеевым: “Россия представляет единственный в истории пример государства, в котором весь народ без изъятия, все сословия, вместе взятые, не признают никакой самостоятельной общественной силы вне верховной власти и не могут признавать, не могут даже мечтать о ней, потому что такой общественной силы не существует в зародыше” ...Для выработки адекватной стратегии на будущее либеральной общественности не хватает именно трезвого взгляда на окружающую действительность».

Г-жа Павлова, утверждение о том, что в России до сих пор «весь народ без изъятия, все сословия, вместе взятые», признают только «верховную власть», просто неверно! В России возникло множество оппозиционных групп, пусть еще слабых, которые не признают легитимности «верховой власти». Сам факт протеста в 2011–2012 гг. свидетельствует о том, что по крайней мере часть общества начинает видеть в себе самостоятельный от государства субъект. Да, автор права — нам всем не хватает «трезвого взгляда» на реальность. Но неужели мы столь безнадежны?!

Я уже не в первый раз встречаю назидательное отношение к российскому обществу, к российским политикам и к российским экспертам со стороны российских наблюдателей, которые наблюдают за нами, находясь за пределами объекта наблюдения. Ирина Павлова — один из менторов, который постоян-

но нами недоволен. Она не устает нас обвинять в незрелости и неадекватности. А также в отсутствии мужества для противостояния с Кремлем. Вспоминаю, как она ставила Ходорковского в угол за то, что тот не стал бороться с режимом во время суда так, как хотелось бы Павловой. Наш ментор отчитывал его:

«...Неизбежно возникает вопрос, почему Ходорковский, имея широкую публичную трибуну для защиты — его статьи и интервью публиковались как в российских, так и в зарубежных СМИ, — не раскрыл ни одного секрета правящей мафии, высокопоставленным членом которой он был до своего ареста. Почему он не позволил сделать этого своим адвокатам? На мой взгляд, в имевшихся у них условиях информационной открытости процесс в Хамовническом суде можно было попытаться превратить из процесса над предпринимателем Ходорковским в процесс над приватизацией начала девяностых, над залоговыми аукционами и, в конечном счете, над сложившимся властным механизмом тайного антиконституционного принятия решений в стране. Вот тогда этот процесс не оставил бы равнодушными широкие массы народа».

Собственно, Павлова упрекает Ходорковского в том, что он не решился на большее самопожертвование, которое, очевидно, «укалато» бы его в тюрьму пожизненно. По ее мнению, того противодействия Кремлю, которое продемонстрировал Ходорковский, было недостаточно. Но если уж так приспичило побороться, то почему бы госпоже Павловой не приехать в Россию и не показать здесь пример мужества?

Между тем по мере сужения пространства для свободного самовыражения среди критически мыслящих людей в России начались два процесса. Впрочем, как всегда в таких ситуациях. Часть мыслящего сословия, пытаясь приспособиться к новой реальности, стала уходить в частную жизнь, стараясь забыть о политике и неприятном окружающем мире. Другая, намного меньшая часть, наоборот, приобрела вкус и к самовыражению, и к политике. В ее среде начало формироваться резкое неприятие конформизма и стремления публичных представителей интеллигенции к кооптации во властное пространство. То, что вчера рассматривалось как естественная форма поведения для интеллигенции — слегка критиковать власть, но не слишком от нее отдаляться и всегда быть готовой к сотрудничеству с нею, теперь вызывает все более активное неприятие среди ранее не политизированных людей.

Приведу выступление Бориса Акунина на одном из митингов (митинг за свободу политзаключенных в Москве 6 мая 2013 г.), в котором он высказал мысли, очень созвучные тому, что начали чувствовать многие в интеллектуальном сообществе:

«Я хочу обратиться к известным людям с добрым именем, потому что в ситуации политических репрессий от этих людей будет зависеть очень многое. Я хочу сказать им: вы могли в ситуации тоталитарного государства худо-бедно как-то говорить себе про теорию малых дел, про то, что все-таки все не так ужасно. Но если в стране в тюрьмах будут сидеть люди и это станет основным правилом игры — ни один порядочный человек с таким государством сотрудничать не может и не должен. Это называется уже не сотрудничеством. Это называется позорным словом “коллорабационизм”. Уважаемые мэтры! Пожалуйста, знайте, что каждый раз, когда вы оказываетесь на телеэкране в одном кадре с диктатором, это будет означать, что вы поддерживаете диктатуру. Каждый раз, когда вы будете получать из рук диктатора награду, даже заслуженную, это будет означать, что из-за вас люди в тюрьме будут сидеть дольше. Не может быть никакого сотрудничества с полицейским режимом для порядочного человека... Я хочу обратиться к чудесным, благонамеренным либералам, которые работают во властных и окол властных структурах. Я хочу обратиться к уважаемым людям, которые заседают в президентских советах. Если в стране установится полицейское государство — уходите из этой системы, не пачкайтесь. Пусть там останутся только воры, лизоблюды, люди со скверной репутацией. Чем быстрее рухнет режим, который будет держаться на арестах и тюрьме, тем лучше для страны».

Борис Акунин прямо назвал поведение российских интеллектуалов и людей творческих профессий, работающих на репрессивную власть, так, как оно того заслуживало. Причем вот что хотелось бы добавить. Акунинский призыв отказаться от коллорабационизма с репрессивной властью не означал призыв выйти на улицу и протестовать против «кровавого режима». Речь шла о минимуме: отказаться от активной и добровольной поддержки власти, которая начала душить общество.

Правда, оставался вопрос: коллорабационизм начинается, когда власть только обнаруживает стремление двинуться в сторону полицейщины, либо сотрудничество с властью нужно прекратить, лишь когда власть уже превратилась в диктатуру?

В какой момент еще допустимое становится совершенно невозможным?! Между тем любое сотрудничество с недемократической властью вполне может подтолкнуть ее к диктатуре.

Мы еще посмотрим, как дальнейшие события, которые приобрели новую логику, подействуют на отечественную интеллектуальную «прослойку». Пока я набрасываю эти заметки, у меня нет оснований делать вывод, что вся «прослойка», к которой обращался Акунин, начала ощущать то, что ощущал Григорий Шалвович. Хотя у меня появилась почти уверенность, что и в этой среде началось брожение. Пока еще слабое и неуверенное... Но уже нет прежнего впечатления полного верноподданничества...

А власть тем временем решила продолжить зачистку. В 2013 г. Кремль стал зачищать даже лояльные к власти структуры, где еще выживала (доживала свой век?) российская интеллигенция. Такой структурой оставалась Российская академия наук (РАН). Это был странным образом сохранившийся советский заповедник со своей бюрократией и кастой «высших» — академиков. Вполне лояльный власти заповедник, никогда не доставлявший ей особых неприятностей. За исключением некоторых своих представителей. Но все дело в том, что РАН сохраняла некоторые атрибуты самоуправления. Новый кремлевский режим, который требовал полного подчинения, лояльности и субординации, не мог этого выносить. РАН с ее ограниченной самостоятельностью не вписывалась в ужесточавшую себя вертикаль. РАН следовало уничтожить. И ее уничтожили. Унизительно было смотреть, как российский президент унижал избранного академией нового ее президента Владимира Фортова. Сам Фортов, мощный, вальяжный, недавно столь уверенный в себе, сник, сдался... Словом, согласился на уничтожение РАН и свою вспомогательную роль в этом процессе.

Спасовал человек, побывавший на Южном полюсе, ходивший под парусом у мыса Горн и мыса Доброй Надежды, достигавший Северного и Южного полюсов и опускавшийся на дно Байкала... Почему Фортов сдался? Что бы он потерял, если бы боролся? Если бы сопротивлялся и сказал Путину жесткое «Нет!»? Фортов сдался и остался в качестве зиц-начальника разрушенной РАН.

Игорь Яковенко, наблюдавший, как Путин аннигилировал Фортова, писал в своей «Медиафрении», отличнейшем, ироничном анализе политики через призму медиа:

«...Путин фактически на глазах всей страны и всего мира применил свои профессиональные навыки (по основной специальности) и дал публичный мастер-класс вербовки агента. В роли опера выступал Путин, в роли вербуемого агента президент РАН Фортков. Имущество и все институты уходят из РАН и переходят в агентство? Академики недовольны? Главный академик недоволен? Покупать всех академиков слишком дорого. Значит, надо завербовать (купить) главного академика, предложить ему возглавить агентство. Что и было сделано. Сразу после вербовки в эфире Фортков сменил позицию на 180 градусов и стал спикером реформы, которую за несколько часов до этого называл убийством российской науки».

Однако уничтожение академического оазиса не прошло гладко. Около 70 академиков и членкоров в знак протеста против унижения вышли из академии. Это был славный бунт. Правда, не поддержанный потерявшей драйв академической интеллигенцией, к которой и я принадлежу. Не нашлось у нас пороха на массовый протест... Но ведь 70 (!) членов академии все же показали характер и сказали власти, что они о ней думают. Так что одни шли и ложились под власть, а другие (пусть и меньшинство) — отворачивались от власти. В истории обществ бывают моменты, которые говорят о том, насколько то или иное общество жизнеспособно. Если власть давит и все легко продавливается, дело плохо: общество теряет признаки жизни и динамизма. Если власть давит, а пусть и незначительная, самая малая часть общественной материи начинает сопротивляться, это общество имеет шанс на будущее.

Конечно, многое зависит не только от сопротивления меньшинства, но и от того, готово ли «болото» задуматься о своем достоинстве. А может, и своем будущем. Началось ли какое-то движение в этом самом «болоте»?

Вот Андрей Макаревич, по крайней мере внешне лояльный власти, совсем не мой герой, может стать примером того, что, возможно, не все столь безнадежно даже с теми, кто долгое время пытался не раздражать власть и кто нашел для себя в российской жизни вполне комфортный и безопасный закуток. Макаревич вдруг разразился целым рядом песен про политику, причем с четким пафосом: «Холуево», «Путин и рыбка», «Сказка про законодательство». В одной из них есть такие слова:

В царстве с большими колоннами
Стало неладно с законами...
Жулики, сияясь понравиться,
Трудятся, не разгибаются.
В день по закону — все новое,
И все, как ни есть, бестолковое.

Конечно, это вам не Юрий Шевчук. Это Макаревичева стрельба по воробьям — я имею в виду по думцам. Но еще недавно услышать что-то подобное от совсем не политического человека было невозможно. Новые песни Макаревича напомнили о старой и, казалось, давно заржавевшей «Машине времени», которой мы в молодости восхищались.

Затем читаю «Новую газету», и вдруг... интервью Макаревича. Послушайте, что говорит Макаревич о своих последних политических песнях: «Я не планировал их писать: называет-ся, “психанул”. Это естественная реакция организма на что-то противоестественное, происходящее рядом... Не помню, чтобы где-то я хвалил Путина. Что касается Медведева, то, действительно, я, как и многие “гнилые интеллигенты”, возлагал на него определенные надежды... Надежды рухнули в тот самый момент, когда он всенародно сообщил, что, оказывается, они обо всем договорились». Добавлю: Макаревич (так же как и Шевчук, и другие политические рокеры) начал принимать участие в благотворительных концертах в поддержку обвиняемых по «Болотному делу», т. е. в поддержку политических заключенных.

Может, и вправду что-то сдвинулось в общественных настроениях? И это что-то начали ощущать те, кто недавно выглядел тихим конформистом либо равнодушным пофигистом?

Вот, написала последнюю фразу, и подумалось: что, если то, что я воспринимаю как начало новой тенденции, всего-навсего легкая рябь, пузырьки воздуха? И вскоре вновь все заурчит и захрюкает? Вдруг то, о чем предупреждал нас великий Алексей Герман в своем долго ожидаемом «Трудно быть богом» (мы увидели германовское предупреждение 1 апреля 2013 г. на годовщине «Новой газеты»), перестало быть предупреждением и становится явью? Надеюсь, что сейчас не права...

О ТОМ, ЧТО ДУМАЛИ И КАК СЕБЯ ВЕЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ДРУГИХ СТРАНАХ

А теперь позволю себе несколько общих размышлений о проблеме взаимоотношений интеллектуалов и власти.

Вспоминаю свой разговор с уже ушедшим политическим философом Ральфом Дарендорфом. Он всегда был категоричен и непреклонен в одном: место интеллектуала — за письменным столом, и только дистанцирование интеллектуала и от власти, и ото всех политических сил дает ему возможность говорить правду. Разумеется, Дарендорф всегда отвергал работу интеллектуала на власть, причем на любую власть. Но он не поддерживал и любое непосредственное вовлечение интеллектуала в политическую борьбу, скажем в рядах какой-то партии. Он полагал, что интеллектуал обязан думать, как придать политике морально-этическое измерение, однако не вмешиваясь в политический процесс. Конечно, не все интеллектуалы готовы к такой роли. Ведь для нее нужна и соответствующая репутация, которая достигается долгими усилиями, и способность избегать не только соблазна повлиять на власть, но и стремления участвовать в политике, а не просто наблюдать за ней с безопасного расстояния, сидя в кабинете.

Участвовать или не участвовать в политике? Идти во власть или не идти? А если идти, то при каких условиях? Эти вопросы поднимались в среде интеллигенции и экспертном сообществе не раз. И, конечно, всегда, когда общество начинало просыпаться. Вацлав Гавел, диссидент, оппозиционер и будущий президент Чехословакии, предложил свой вариант ответа на них. С самого начала, с момента известного письма генеральному секретарю компартии Чехословакии Густаву Гусаку, в котором Гавел еще в 1975 г. выступил против общественного порядка «карьеристов и мошенников», он обозначил свою позицию: на коммунистическую власть и политическую систему влиять нельзя; тем более с ней нельзя сотрудничать. Ее можно только отвергнуть! Гавел стал учредителем «Хартии-77», превратившейся в платформу борьбы чехословацкой оппозиции

против коммунистической системы. Правда, даже окунувшись в политическую борьбу, Гавел всегда с подозрением относился к политике как форме деятельности. Она ему претила. Она вызывала у него раздражение и подозрение. Он пытался проповедовать «политику без политики». Т. е. искал возможность «служить истине», не вовлекаясь непосредственно в политический процесс. В конечном итоге он в него вовлекся с головой. Да, он был в политике идеалистом. Но его взгляды позволили ему стать моральным камертоном антикоммунистической революции, а затем и новой политики нового государства. Важно и то, что он не был запятнан компромиссами и служением старой власти.

После победы «бархатной революции» Гавелу пришлось стать первым посткоммунистическим президентом Чехословакии. Вряд ли его это обрадовало. Он постоянно говорил: «Я никогда не хотел и сейчас не хочу быть политиком». Он стал лидером, который, будучи во власти, пытался соединить политику с нравственным измерением. Этим он разрушал политическую рациональность. Он порой мешал в осуществлении текущих интересов своей страны — ведь политика всегда прагматическая игра. Но в конечном итоге история забудет, что из-за его позиции Прага упустила выгодные контракты с Китаем. История будет помнить другое — стремление Гавела очистить политику от мерзости. В памяти останется тот факт, что именно жесткая позиция Гавела не позволила присвоить Владимиру Путину немецкую премию «Квадрига». Летом 2011 г. немцы уже решили дать ее Путину «за выдающиеся достижения» почти во всех сферах жизни! Но вмешался Гавел, тоже лауреат этой премии, который заявил: «Я возвращаю свою премию, если вы отдадите премию Путину!» Немцам пришлось пойти на попятную. Путин так и не стал лауреатом «Квадриги». Мир запомнит и то, как Кремль отомстил ушедшему вскоре из жизни Гавелу, не выразив официальных соболезнований Чехии. Что ж, сам этот факт только подчеркнул пропасть между двумя лидерами.

Перелистывая пожелтевшие страницы газет в своем архиве, я наткнулась на старую подшивку «Газеты выборчей» еще с 1991 г. Там я нашла интервью с Гавелом главного редактора «Выборчей» и моего старого друга Адама Михника. Вот что Гавел говорил о власти и своем отношении к роли президента, которую ему пришлось играть:

А. М. — Скажи, что за эти два года произошло с нами, диссидентами? Наша жизнь коренным образом переменялась. Ты из «уголовника» стал президентом... Каким ты видишь самого себя? Что в тебе изменилось? Наверняка перед тобой — президентом и писателем — часто встает выбор: лояльность к государству или правда? Как ты справляешься с этим конфликтом?

В. Г. — Вопрос нелегкий, требует некоторой интроспекции. Ни один серьезный человек — а я себя таковым считаю — не в состоянии свести самого себя к простой формуле. У каждого в характере есть черты совершенно противоположного свойства. Я, например, очень чувствителен к абсурду, склонен многому удивляться. Бывают минуты, когда я не верю, что я — президент, хотя тому уже почти два года. Стою утром в ванной, еще сонный, чищу зубы, тороплюсь и вдруг задумываюсь: а почему я, собственно, спешу? Отвечаю себе, что мне пора идти в президентскую канцелярию, принимать какого-нибудь премьера, и вдруг отказываюсь этому верить. Ведь это абсурдно и нереально! Притом — вот тебе парадокс — жизнь научила меня ничему особенно не удивляться. Научила выпутываться даже из самых абсурдных и неожиданных ситуаций, которые не я придумал — они сами меня находят, я их — не знаю почему — притягиваю. [...] Я, человек, который любит покой, удобства, гармонию и который охотнее всего жил бы всю жизнь одинаково, почему-то искривляю пространство вокруг себя и провоцирую все новые и новые, неожиданные ситуации. То, что я несколько раз сидел в тюрьме, столь же абсурдно, как и то, что сейчас я — президент, а ведь еще не известно, какой абсурд меня ожидает в будущем, когда я буду снят с этого поста, или, наоборот, вновь на него избран, или меня снова упрячут в тюрьму; все возможно...

От себя замечу: есть ли в России политик, который может продемонстрировать подобное чувство самоиронии?

Гавел так и остался интеллектуалом, который хотел избежать, пытался избежать, но так и не сумел избежать хождения во власть. Он запомнится тем, что, будучи во власти, относился к этой власти с предубеждением, отстраненно-критически. Он всегда знал, что вскоре окажется вне власти и ему нужно вести себя во власти так, чтобы потом — вне власти — ему не было неловко, а тем более стыдно. Он умел смотреть на свою власть со стороны, и эта власть не стала для него «кожей», которую трудно будет содрать.

«Мне всегда был интересен экзистенциальный аспект власти: ведь тот, кто теряет власть, вместе с ней теряет и смысл жизни», — не без улыбки говорил он. Сам же Гавел после ухода из власти лишь приобрел новый смысл жизни.

Свою роль в политике и власти мучительно искали и другие интеллектуалы. Вот как на вопрос об участии во власти ответили поляки Адам Михник и Бронислав Геремек. Их с Гавелом объединяло одно — они с самого начала отвергли возможность искать в коммунистическом строе свой чуланчик либо способ сделать власть получше. Так, кстати, поступило огромное большинство польских интеллектуалов, которые начиная с 70-х гг. прошлого века (а некоторые и намного раньше) избрали путь отторжения системы. Для подавляющей части польской интеллигенции, которую я имела возможность наблюдать в 80-е, когда работала в Польше как представитель Богомоловского института (тогда он назывался Институт мировой социалистической системы), вопрос о поддержке системы не стоял. Они выбрали борьбу с ней и стремились строить свой мир вне этой системы.

Кстати, почему именно в Польше оказалось так много антисистемных интеллектуалов? Свое объяснение этому польскому феномену — способности жить вне системы и постоянно искать свой путь к свободе — дал некогда Александр Герцен в «Былом и думах», рассказывая об Алоизии Бернацком и Станиславе Ворцеле, героях польского восстания 1831 г. Лучше, чем Герцен, о польском стремлении к личной и общей свободе не скажешь. Польский путь к свободе был в первую очередь стремлением вырваться из удушающих объятий мрачной соседней державы. Понятно, чем осложняется путь к свободе российского интеллектуала, да и любого другого человека, — живя в России, бежать от России некуда...

После падения коммунизма для многих польских интеллектуалов встал вопрос о новой роли: оставаться интеллектуалами, которые продолжали бы смотреть на руки власти, и критиковать любого, кто в этой самой власти окажется, либо рискнуть сменить амплуа и войти во власть. Адам Михник так и не сделал этого шага. Признаю: я даже не представляю Адама в роли государственного политика! Адам Михник выбрал роль интеллектуала, постоянно критикующего власть. Бронислав Геремек стал политиком. И каким! Одним из лучших министров иностранных дел Польши (на мой взгляд —

лучшим!) и потрясающе эффективным и уважаемым депутатом Европарламента.

Помню, как во время летней школы в очаровательном итальянском городке Кортоне, которую ежегодно организовывал для молодежи Кшиштоф Михальский, польский философ и хронический диссидент (Кшиштоф был советником папы Иоанна Павла Второго), мы долго говорили с Брониславом Геремеком о возможности соединения двух ролей — интеллектуала и политика. Он согласился со мной, что между ними есть неизбежные противоречия и понимание рациональности и функциональности в рамках этих двух ролей различны. Он признал, что его все больше увлекает амплуа интеллектуала и он готов вернуться к тому, что ему ближе всего, — к науке, вернее, к истории. Не успел. Через день после нашего последнего разговора пан Бронислав погиб в автомобильной катастрофе по пути в Брюссель. Но он доказал, что можно пытаться разрешать противоречия между ролями интеллектуала и политика за счет обращения к нравственному критерию и стратегическому вектору, который всегда предполагает соотнесение с принципами.

Помню, как Геремек был готов спорить до ожесточенности и рисковать своими дружескими отношениями, если речь шла о правде и истине, как он их понимал. Мы вместе с ним оказались в Вене на конференции, которую опять-таки организовал все тот же Кшиштоф Михальский, пожалуй, один из лучших европейских хозяев политических салонов. Кого там только не было — от Карела Шварценберга, вскоре ставшего министром иностранных дел Чехии, до президента Австрии Томаса Клестия. В Германии к власти уже пришла Меркель. А потому кончилось время Шрёдера. Освободившийся от своих политических обязанностей бывший министр иностранных дел Германии Йошка Фишер также приехал в Вену и, выступая на конференции, принялся с жаром поносить авторитарный режим Путина. Я не выдержала и, едва дослушав спич Фишера, встала и спросила его: если он так отрицательно относится к Путину, отчего во время своего пребывания в официальной роли министра иностранных дел Германии он ни разу не высказался критически в адрес Кремля и того же Путина; отчего не посоветовал канцлеру Шрёдеру избегать тесной дружбы с Путиным, коль скоро путинский режим настолько отвратителен, как он говорит? Фишер, этот яркий

краснобай, начал заикаться, пытаюсь найти выход из неловой ситуации. И тут вскочил Геремек. Не для того, чтобы спасти своего друга Фишера. Геремек его окончательно утопил, вспомнив политику Берлина и в отношении Путина, и в отношении Польши, которая всегда была заложницей объятий двух столиц. Получилось показательное выступление двух интеллектуалов, ставших политиками, которые по-разному относились к тому, что называется «политическая целесообразность» и мораль в политике.

Продолжу тему «интеллектуал в политике». Известный польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси, выступая на обсуждении темы «Интеллектуалы и демократия», организованном Фондом «Либеральная миссия» в 2009 г., так описывал поведение польских интеллектуалов в последние годы коммунистического режима:

«Во времена военного положения, введенного генералом Ярузельским, совершенно неожиданно возник бойкот государственного телевидения со стороны польских актеров, что существенно повлияло на общественные настроения. Практически все выдающиеся актеры отказались выступать на телевидении. Все люди других творческих профессий, которым было присуще чувство самоуважения, тоже не давали в то время никаких интервью. Рядовые поляки на улицах нас приветствовали, если кого-то узнавали: “Спасибо, что вас нет на телевидении!” ...Это был такой момент, когда престиж не только актеров, но и других групп интеллигенции поднялся очень высоко... По моим наблюдениям, более 80% творческих людей были настроены против старой системы и приветствовали ее замену новой системой. Большинство из них понимало, что речь идет не просто о смене людей у власти, а именно о смене системы».

Вы только представьте подобное в России! Я имею в виду отказ не только академических интеллектуалов, занимающихся умственной работой, но и представителей творческих профессий от появления на телевидении! Можете себе вообразить, что Алла Пугачева, директор Эрмитажа Пиотровский, дирижер Гергиев, словом, все, кого российский гражданин лицезреет в «ящике» и кто считается в России ее гордостью и ее лицом, вдруг откажутся от «зомбоящика» в знак протеста против политики власти?!

Обратите внимание: Занусси говорит о том, что неконформизм в Польше стал модой, образом жизни цвета нации

в момент введения военного положения. Не испугались поляки! И еще: поляки уже в 1980-е гг. думали не о смене лидера. А о трансформации системы! Так думал народ, потому что так думало его интеллектуальное сословие.

Но одно дело бойкотировать власть и ее институты. Другое дело участвовать в политике непосредственно. Вот как польский социолог Эдмунд Внук-Липиньский, один из виднейших европейских социологов, определял свою (и не только свою) позицию по вопросу, нужно ли интеллектуалу идти в политику и во власть:

«Многие из нас шли в политику... Но вхождение интеллектуалов в политику было изначально двусмысленным, так как было вхождением в совершенно иную сферу деятельности. Деятельность интеллектуала и деятельность политика имеют разную логику. Если интеллектуал является, скажем, ученым, то для него главным мотивом и стимулом является желание дойти до истины, понять природу тех или иных явлений и процессов. Интеллектуал, конечно, имеет право высказываться публично по общественным проблемам, даже если они выходят за рамки его профессиональной компетенции. Особенно — в области нравственности. Но занятие политикой — это совсем другое. Главная дилемма, перед которой оказалась часть интеллектуалов, участвовавших в движении “Солидарность”... как раз и заключалась в том, вовлекаться ли в политику или оставаться вне нее. Ибо политическая деятельность имеет свою цену. Интеллектуал, который идет в политику, неизбежно должен отказываться от свободы мышления, потому что не может подрывать свою политическую организацию. Он должен сохранять партийную лояльность. И тем самым сужать возможность поиска правды... В результате — неизбежное искажение видения реальности. А это значит, что ученый, художник или артист, который начинает заниматься политикой, перестает быть интеллектуалом. Он становится технологом власти... Интеллектуал, который поставляет свои знания политику независимо от того, какие цели тот преследует, является или циником, или партийным интеллектуалом. В том и другом случае это его как интеллектуала дисквалифицирует. Наконец, возможен вариант, когда интеллектуал изолируется от публичной жизни, и тогда он становится клерком. Но во времена великих перемен быть клерком могут позволить себе лишь люди, совершенно не чувствительные к общественным вопросам».

К позиции Внук-Липиньского могут присоединиться многие представители «прослойки» в демократических обществах. Но какова тогда может быть роль интеллектуала, если он все же решит остаться в политике? Вот как ее определяет Внук-Липиньский:

«Интеллектуалы, если они решают идти в политику, призваны определять, что в политике можно и что нельзя. Они должны формулировать политические цели и нормативные основы их осуществления. Можно сказать, что интеллектуал отвечает за состояние политической культуры в стране... Если они подлаживаются к низкому уровню этой культуры или на сей счет отмалчиваются, то они перестают выполнять свою общественную функцию. Влиять на политическую культуру — значит влиять на формирование демократических, республиканских принципов. Таких, как доверие, толерантность, ответственность за других. Если они этого не делают, возникают условия для возрождения авторитарно-патерналистских установок и появления лидеров, которые стремятся их осуществлять».

Внук-Липиньский акцентировал роль интеллектуала в формировании нормативного измерения и политической культуры. Принимая такое понимание, я к этому добавлю еще одну функцию интеллектуала — участие в стратегическом проектировании, т. е. разработке стратегии развития общества.

Интеллектуалы Восточной Европы, и, кстати, стран Балтии тоже, в период коммунизма сумели сохранить репутацию и отстраненность от власти. Еще до падения коммунизма в ряде стран (не везде) они сумели начертить свои «дорожные карты» перехода к свободе. В период борьбы с коммунизмом у них не было сомнений в том, что делать. Они уже создали поле жизни и деятельности и для себя, и для других — вне системы. Задолго до обвала коммунизма в Польше и Венгрии «прослойки» думали, как реформировать государство и как создать общественное движение, которое могло стать альтернативой власти. «Комитет защиты рабочих» в Польше, «Хартия-77» в Чехословакии, кружки интеллектуалов Венгрии, «Литовское движение за перестройку»; Яцек Куронь, Адам Михник, Бронислав Геремек, Вацлав Гавел, Леннарт Мери, Валдас Адамкус, Витаутас Ландсбергис — все они размышляли не о том, как влиять на власть, не о том, как делать «малые дела», и не только о том, как сменить власть. Они думали о том, как менять

систему, и о том, как получить поддержку общества для изменения системы. Именно интеллектуалы в этих странах придали общественному недовольству политическую форму и подготовили для своих обществ альтернативную программу.

Но тогда возникает все тот же вопрос: почему мы, российские интеллектуалы, не смогли и все еще не можем делать то, что делали другие, причем прошедшие через десятилетия аналогичного опыта жизни в авторитарном государстве? Обращусь ко Льву Гудкову. Вот как он объяснял природу российского интеллектуального генотипа, доставшегося нам от советского периода. А может, и от еще более раннего прошлого. По мнению Гудкова, интеллектуала советского времени характеризовала противоречивая связь двух начал. С одной стороны, готовность работать на власть. С другой, стремление «оппонировать — лживому официозу и чиновникам». Читаем Гудкова дальше:

«Здесь не должно быть никаких иллюзий: интеллигенция, если смотреть на ее реальную социальную роль, на ее статус, на тип ее организации, была частью государственной репродуктивной бюрократии. Никакой другой интеллигенции в Советском Союзе не было. Особый слой служивой государственной бюрократии, занимающийся просвещением, обоснованием и легитимацией власти, обеспечением ей массовой поддержки, цензурой, пропагандой — вот что такое советская интеллигенция. Два этих момента — профессиональная деятельность на государственной службе и “оппозиционная” самоидентификация — не противоречили друг другу, а друг друга дополняли, обеспечивая своеобразное представление интеллигенции о себе самой, завышенность ее самооценок, а также условия и возможность некоторого оппонирования власти... Но именно такое двоемыслие блокировало выход к практическим действиям... Возник специфически русский интеллигентский нарциссизм, не предполагавший никакой общественной активности и избегавший ее».

Замечу, что и в других обществах, прошедших через коммунизм, возникло аналогичное «двоемыслие». Но, видно, все же не затвердевшее окончательно, коль скоро интеллектуалы в Восточной Европе смогли избавиться и от диссидентского «нарциссизма», и от угодливости перед властью.

В России до сих пор этого не произошло. Возможно, был один момент в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда каза-

лось, что российские интеллектуалы вот-вот избавятся от своей верноподданнической натуры. Не смогли. Не будучи готовой ни к проектированию, ни к практической деятельности, ни к привнесению в нашу жизнь опыта соседей из бывшего соцлагеря, интеллигенция побежала к лидеру, передав ему ответственность за себя и за страну. Интеллигенция связала свою судьбу с властью и тем самым во многом предопределила дальнейший путь России.

Так с обвалом коммунистического государства функция интеллигенции в России — как оппонента самодержавия (пусть и имитационного оппонента) — оказалась исчерпанной. С формированием нового единовластия российские интеллектуалы потеряли себя. Большинство из них так и не рискнуло стать антиподом новой персоналистской власти, маскирующей себя под демократию. А иные, напротив, превратились в ее пропагандистов, технологов и экспертов. И те, и другие вместе стали могильщиками российского интеллектуального слоя как носителя моральных и репутационных критериев. Но признаюсь, что и мы — те, кто продолжал оппонировать власти, так и не вышли за пределы чисто критической функции, которая без проектного мышления оказывается всего лишь способом выхода пара.

Да, «прослойка» больше не существует как социальный слой. Но среди нас есть люди, которые начали компенсировать отсутствие интеллигенции тем, что демонстрируют своим личным примером, каким может и должен быть интеллектуал. В первую очередь, это российские правозащитники. Среди них, конечно, Людмила Алексеева, Сергей Ковалев, Светлана Ганнушкина, Лев Пономарев, Алексей Симонов, Олег Орлов. Среди них люди творческих профессий, которые верно уловили, в чем высшая правда нашей жизни. Я произнесу несколько имен людей, которыми я восхищаюсь: Людмила Улицкая, Гарри Бардин, Лия Ахеджакова, Наталья Фатеева, Владимир Мирзоев... Если в обществе есть такие люди, не все потеряно.

Неловко к этому возвращаться. Я имею в виду разговор о Дмитрии Медведеве и его президентстве. Тем более что я уже отчасти свое мнение о том периоде, который символизировал в России Дмитрий Медведев, высказала. И все же...

Возвращаюсь к Медведеву-президенту и теме «тандема» по нескольким причинам. Во-первых, дискуссия по этим сюжетам, взгляды, которые высказывались о тандеме в 2008–2012 гг., дают представление о политической и интеллектуальной атмосфере недавно прошедшего времени и о тогдашнем «дискурсе», позволяя судить об умонастроениях российского либерального крыла. А также о его способности к переосмыслению того, что оказалось заблуждением.

Во-вторых, недавние надежды напоминают нам о вреде любых надежд на царя и предупреждают о том, чем эти надежды завершаются.

В-третьих, мы видим попытки создать миф о медведевской паузе как некоем либеральном периоде, не принесшем результатов якобы из-за инертности общества и сопротивления силовиков, которые-де не дали Медведеву возможности стать реформатором.

Наконец, в-четвертых (и это самое главное!), сохраняются иллюзии, что если не Путин, то его преемник может начать долгожданные перемены и подарить нам свободу. Короче, миф о царе-реформаторе продолжает жить. И прежде всего в среде либералов. Во времена Медведева в Кремле либералы, и не только непосредственно вовлеченные во власть, сделали ставку на путинского «заменителя». Сегодня либералы вновь пытаются найти в Кремле либо на орбите Кремля новый центр, чтобы к нему прислониться. Так что «медведевщина» как вера в способность самодержавия делать либеральные реформы по-прежнему жива. Ее подпитывает наша хроническая тяга к поискам лидера, к которому можно прильнуть и который, как мы надеемся, сделает нам, наконец, хорошо.

Давайте вспомним аргументы «медведевцев», т. е. тех, кто так на Медведева надеялся. Кто потратил четыре года на то, чтобы энергично, а затем почти с отчаянием убеждать и Россию, и Запад в том, что Медведев — это серьезно, что Медведев — это альтернатива Путину и символ либерализации.

Немалая часть России им поверила. Потому что хотела поверить! Я говорю прежде всего об интеллектуальных кругах российского общества. Сейчас можно, конечно, улыбаться и твердить: «Все было ясно заранее!» Отвечу — не все и не всем. Вспомним, что самые большие скептики попались на удочку надежды и поднимали бокал за Медведева-реформатора. Особенно после того, как он посетил «Новую газету». Кстати, неловкий был прием для охмурения общественной аудитории.

Запад (почти весь) поверил! Запад начал захлебываться от эйфории, глядя на нового российского лидера. Возможно, даже не потому, что Медведев сказал или сделал нечто значимое для Запада, что понравилось тамошним политическим кругам, либо обещал им что-то сделать. Ничего не сделал и не сказал. Для Запада дело было не в том, что говорил и делал Медведев. Главное в глазах Запада: Медведев не был Путиным, который уже давно внушал либеральным демократиям и их лидерам опасения и вызывал тревожные предчувствия.

Уж на что саркастический и знающий Россию Збигнев Бжезинский, и тот начал петь Медведеву дифирамбы. Будучи в Москве по приглашению организаторов Форума по безопасности, который ежегодно проходит в Мюнхене, Бжезинский вдруг сказал Медведеву во время их встречи: «В Америке люди восхищаются вами. Особенно потому, что вы столь убедительно и честно сказали, что российская модернизация должна происходить вместе с демократизацией... Это тронуло наши сердца. Получаешь вдохновение, говоря с таким молодым президентом России, который создает исторические возможности».

Уф... Пожалуй, правы те журналисты, которые эти слова интерпретировали как «признание в любви»! Но со стороны кого! Одного из самых проникательных политиков, который никогда не опускался до неприличного подобострастия. Я надеялась, Бжезинский поймет, что сморозил чушь.

Но нет. Открываю его последнюю книгу «Стратегическое видение. Америка и кризис глобальной власти» («Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power», 2012). И что же я там читаю? Медведев, оказывается, «самый выдающийся

защитник модернизационно-демократического направления мысли (!)». Бжезинский продолжает доказывать, что медведевская концепция модернизации является «поворотным моментом в российской политической эволюции». Вот ведь как можно обаять даже самых недоверчивых и понимающих! А может, автор просто не успел обновить текст, когда понял, что российская реальность не так однозначна? Полагаю, в новом издании книги Бжезинского подобных откровений мы не увидим.

Не только великий скептик, но и прожженные западные политические лидеры думали то же самое. По крайней мере вначале. Политика «перезагрузки», которую запустил Обама, строилась в первую очередь на вере в Медведева и его будущее в Кремле. Это ли не блестящий успех путинского проекта по созданию фейкового тандема!

Словом, медведевцы, поддерживая веру в «заменителя» (уверена, что многие делали это искренне) преуспели — они помогли тандему держать паузу! А мы, кто все те годы призывал не питать иллюзий относительно политической полноценности царя-преемника, проиграли. Ведь мы не смогли доказать, что речь идет об игре, о фантоме, о пустом воздухе...

Вспоминаю международный экономический форум в Москве в 2007 г., когда тусовка еще гадала, какой маневр изберет Путин по завершении своего второго президентства. Игорь Бунин, выступая на нашей «панели», заговорил о возможности политического тандема — премьер Путин и его близкий соратник, который его заменит в Кремле в роли президента. Мы с Борисом Немцовым утверждали, что такая модель власти невозможна — она разрушает «вертикаль»! Мы с Немцовым оказались неправы, а Бунин — прав: тандем все-таки был сформирован! Но мы с Борисом Ефимовичем были правы в другом — российское самодержавие не выносит никаких тандемов и расщепления власти. А потому дуэт Медведев – Путин мог быть только декоративным и только временным. Он мог быть только прикрытием для продления власти все того же персонификатора.

Могу представить, сколько энергии потратил и на создание «медведевщины» как пакета надежд, и на то, чтобы уговорить самого Медведева стать президентом-реформатором и соответствовать этим надеждам, Игорь Юргенс, руководитель Института современного развития, интеллектуального «мозга» медведевской команды. Сам Медведев согласился за-

нять пост председателя попечительского совета ИНСОРа. Тот факт, что немалая часть России и всего мира захотела поверить в осязаемость Медведева-модернизатора, во многом заслуга именно неутомимого Игоря Юрьевича.

Ниже выдержка из интервью Юргенса журналу «Собеседник» в 2009 г.:

С. — Как по вашим ощущениям, это железное плечо (Медведев. — *Л. Ш.*) вернется на главную роль после 2012 года?

И. Ю. — А вот здесь я, пожалуй, заключил бы с вами пари. Что вы предпочитаете из спиртного?

С. — Если уж пить, то коньяк.

И. Ю. — Вот и поспорим на коньяк, что в 2012 году президентом, скорее всего, останется Дмитрий Анатольевич.

С. — Мне кажется, это почти невозможно.

И. Ю. — Я знаю вашу точку зрения, и вроде как логика вещей за вами. Но история не всегда логична, в этом ее прелесть. Вполне возможен вариант, при котором старший говорит младшему: у тебя хорошо получается, оставайся на представительских ролях. Вполне может оказаться так, что выгодней будет оставаться премьером, выставив президента в качестве прикрытия.

С. — Но у Медведева неважно с харизмой.

И. Ю. — А вот это уже зависит от многого, в том числе и от нас с вами. Если постараться, харизму мы общими усилиями ему нарисует. Подсказывать слова, корректировать имидж — это коллективная задача интеллигенции. Борьба за власть — это ведь не борьба за ее непосредственный захват. Это целенаправленная работа, чтобы власть видела объективную картину и принимала верные решения. Насколько я понимаю, информация у Медведева есть, готовность прислушиваться к разным мнениям — тоже. Миф о том, что российская власть не может быть либеральной, — штамп, запускаемый в расчете на недостаточную информированность. Пример Хлопонина в Красноярске, Федорова в Чувашии, Белых в Вятке вполне доказывает, что либералов могут и любить, и слушаться...

Интересно, получил ли «Собеседник» свой коньяк?

В чем Юргенс тогда был прав, так это в том, что лидера действительно можно накачать — создать ему харизму и «пририсовать» все остальное. У Медведева имелся свой штаб, который его активно «рисовал», ретушировал и демонстрировал обществу. Путин «рисовать» Медведева, особенно на первых порах,

не мешал. Интеллигенция активно и добросовестно, прямо-таки с азартом, участвовала в процессе «рисования» и «подрисовывания». Собственно, то же самое происходит со всеми политическими лидерами; они во многом продукт индустрии, которая хорошо разработана. «Нарисованный» медведевский проект какое-то время делал то, что от него ожидал его главный ваятель. Он создавал впечатление. Но «нарисованный» Медведев так и не стал ни реальным президентом, ни реальным лидером. Не только потому, что рядом высился, не скрывая своего влияния, Путин. Объект для «рисования» оказался совсем неподходящий. В этом можно увидеть подтверждение неплохих психоаналитических способностей Путина. Он выбрал партнера по тандему, обреченного быть ведомым колесом.

Вера в Медведева, особенно среди интеллектуального сообщества, была сродни той вере, которую многие (и я в том числе, хотя и очень недолго) испытывали в отношении Ельцина в 1989–1991 гг. Многие в моей референтной среде продолжали в Ельцина верить и дальше. Но уже без меня. Вера в персоналистское начало — наша традиция. Но во многом и объяснение нашей немощи, и оправдание нежелания что-то делать самим. В конечном итоге эта вера — следствие неверия в общество. Либо результат нетерпения. Ведь, глядя на общество, кажется, что долго, очень долго придется ждать, пока оно проснется. А если проснется, то что вытворит? А вдруг то, что нам с таким талантом и воображением описывает неутомимый Леонид Радзиховский? Поэтому нужно искать «лидера перемен», утверждают сторонники «радзиховщины». Ищут его до сих пор...

Но вернусь к ИНСОРу — Институту современного развития. Именно там сформировался очаг аналитической мысли медведевцев. В рамках этого института и его проектов объединились эксперты, которые надеялись на эволюцию российской системы под руководством Медведева. Пожалуй, это были лучшие умы из сообщества аналитиков, которые ориентировались на системные перемены. Признаю, они предложили несколько интересных докладов с добротным, качественным диагнозом ситуации. Но рекомендация звучала одна — обращение к Медведеву: «Сделай, наконец, то, что мы тебе предлагаем. Ну пожалуйста!»

И тем не менее отдадим ИНСОРу должное. Во-первых, инсоровцы открыто сказали и доказали, что путь, по кото-

рому шла Россия, губителен для страны. В своих докладах ИНСОР твердил о необходимости модернизации. Инсоровцы без устали заявляли: «Страна опасно отстала! Время упущено! Время не ждет! Время обязывает!» Одно дело — такой вывод, и давно, делали радикалы и антисистемщики, и вместе с ними пишущая эти заметки. Но совсем другое — когда о том же самом предупреждали люди, которые продолжали находиться внутри системы. Их мнение было важно для тех, кто оставался внутри истеблишмента, однако начинал сомневаться и искать выход из ситуации, которую рассматривал как неблагополучную. Во-вторых, инсоровцы начали осмысление того, что конкретно можно сделать, чтобы подтолкнуть модернизацию. Некоторые их рецепты и подходы, вероятно, могут еще пригодиться, когда наступит момент смены правил игры.

Инсоровцы даже о свободе говорили то же, что и антисистемщики: нужно поставить «свободу над властью», а «народ над государством». Верно говорили. Но все дело в том, что, в отличие от антисистемных экспертов, они надеялись, что «свободу над властью» поставит лидер. Они надеялись на «проявление политической воли высшего руководства», которое должно было «послать бюрократии достаточно сильные сигналы и добиться их выполнения». Само понятие «политическая воля» — ключ к пониманию политической позиции. Когда вы слышите эти слова — «политическая воля», знайте, что тот, кто их произносит, надеется на волю верхов.

Если кто-то полагал, будто медведевцы окопались только на либеральном и идеологически размытом умеренном фланге, то он ошибался. Медведевцев можно было найти и в национал-патриотическом крыле. Доказательство тому — доклад Института национальной стратегии «Выбор России: катастрофа или революция сверху?» (июль 2009 г.), написанный фактически как обращение к Медведеву. В нем авторы Михаил Ремизов, Никита Кричевский, Роман Карев, Дмитрий Верхогуров, Марк Фейгин и Станислав Белковский также пытались убедить Медведева, что ситуация критична и нужно что-то предпринимать:

«В условиях краха постсоветской модели развития от верховной российской власти требуются решительные, радикальные действия на очень коротком отрезке исторического времени. Пойти на такие действия психологически крайне

сложно. Однако чем дольше откладывать переход к радикальным мерам, тем меньше будет запас прочности государственности как таковой. Отрицательный исторический опыт Николая II и Михаила Горбачева учит нас: отказ от “революции сверху” при определенных обстоятельствах ведет к гибели государства. Болезненное лечение всегда лучше добровольного умирания. Время для такого лечения — пришло. Завтра может быть поздно. Потому начинать надо — сегодня».

Авторы верили, что Медведев все еще может предотвратить катастрофу, которую они так красочно описывали: «Мы не питаем иллюзий... Он (Медведев. — *Л. Ш.*) пришел на высший государственный пост в 2008 г. не для того, чтобы резко изменить курс своих предшественников... Но тем не менее мы не считаем, что смена курса в принципе невозможна. Под давлением жестких исторических обстоятельств российская власть теоретически может пойти на единственно правильные решения. Так бывало прежде в российской истории. И принять такие решения способен только президент как носитель исключительного статуса и особой роли в российском обществе».

Как видим, национал-стратеги фактически исключали возможность иного субъекта реформ в России: либо монарх, либо крах государственности. Словом, и часть национал-патриотического сообщества лелеяла надежду, что кто-то сверху принесет спасение России. И они оказались не просто неважными аналитиками, но и неважными психологами...

Мне, честно говоря, в тот период вообще не хотелось писать о Медведеве. Не хотелось выяснять, кто там наверху главнее, как сталкиваются команды временщика и «национального лидера». Я полагала, что это непроизводительная трата времени. Было очевидно, что кремлевские технологи заинтересованы в том, чтобы мы занимались политической микробиологией, которая, кстати, привлекала многих. Но как-то, не выдержав, все же решила отработать эту тему. Чтобы к этому больше не возвращаться. Хотя пришлось к ней вернуться, и не раз...

МОЯ КОРОТКАЯ «МЕДВЕДИАНА»

Вот статья в «Ежедневном журнале», которую я опубликовала в апреле 2011 г. Вы увидите, что от нее веет явной раздражительностью. Даже не в адрес самого Медведева. Я в то время, скорее, испытывала по отношению к нему какое-то чувство неловкости — за него... Мне было трудно сдерживать раздражение в адрес тех, кто уже несколько лет занимался выяснением медведевских реформаторских талантов, а также — кто ему мешает в их осуществлении и что думает Путин по этому и другим поводам. Это выяснение шло по кругу, не кончаясь. Короче, вот мои тогдашние соображения по самой популярной тогда теме:

ЗАЧЕМ ВСЬ ЭТОТ БАЛАГАН?

Принципиально не пишу о тандеме Путин – Медведев. Мне не интересно, кто у них там есть кто и какие у них отношения друг с другом. Считаю, что прыгать на этой теме — значит участвовать, пусть и неосознанно, в кремлевском проекте по запудриванию мозгов. Надувание Медведева, ставшее времяпрепровождением «пикейных жилетов», — из той же оперы. Целый ряд блестящих эссе о нашем кремлевском танго, казалось бы, должны поставить точку в этой бессмысленной дискуссии.

Ан нет... Открываю приличные и даже оппозиционные издания — и там опять про то же самое: как Медведев набирает силу и чем закончится столкновение двух гигантов (второй — это, конечно же, Владимир Путин)! Сажу на конференции рядом с серьезными и уважаемыми людьми. И они вдруг затягивают ту же мантру о реформаторе Медведеве!

Выезжая за рубеж, я вообще начала сомневаться в собственной адекватности. Куда ни войдешь, там тебя горят желанием познакомить с достижениями Медведева и перспективами российской «революции сверху». Такое впечатление, что все там — от политиков до экспертов — работают в ИНСОРе. Нет, я не ерничаю.

Я искренне поражаюсь — и завидую — способности людей настроиться на позитив и упорствовать в нем.

Пытаешься убежать, а тебя эта тема догоняет... Так допекли, что нарушу обет и откликнусь на вопрос, поставленный Александром Рыклиным: зачем этот балаган?

Вот мой краткий ответ: все эти внешние противоречия внутри российского тандема, стилистические и ситуативные, а большей частью наигранные и мнимые, являются способом выживания этой своеобразной конструкции власти (кстати, вы задумались, почему тандем свои противоречия не скрывает, а выпячивает?). Так эта власть себя укрепляет и готовит к самовоспроизводству. Эти ребята не камикадзе, и никто из них Горбачевым быть не собирается. Не ждите! Оба члена тандема работают внутри одной и той же модели персонифицированной власти. Более того, Медведев, не имея, в отличие от своего старшего партнера, ни социальной, ни партийной опоры, вынужден больше опираться на единовластие!! Поэтому не понимаю, где основа для реформаторского оптимизма?

Кстати, привлечение внимания к «столкновениям» внутри тандема является элементом кампании по его выживанию. Так что большая часть экспертного сообщества задействована в проекте «Кремль-2012».

А теперь более развернуто, но пунктирами.

1. Тандем оказался весьма успешной (каюсь, не ожидала) формой решения двух задач российского политического режима. Первая — сохранение Путина во власти без явного нарушения Конституции. Вторая — обеспечение гибридности, всеядности системы, лишенной каких бы то ни было идеологических и ценностных ориентиров, и имитация движения в разных направлениях (принцип «болтания в проруби»). Путин в рамках этой модели обеспечивает связь с прошлым и традиционализм. Медведев берет на себя окучивание либерального меньшинства и диалог с Западом.

2. Почему тандем устроил эдакую маленькую болтанку именно сейчас? Понятно почему. Как в элитах, так и в самом обществе усиливается понимание ущербности и модели российского развития, и самой системы. Значит, думает тандем, нужно перехватить идею перемен. Правильно думает. И вот Медведеву опять приходится оживлять (при помощи либеральных оптимистов) свой потухший реформаторский задор. Учтем и то, что российская система сегодня выживает через привязку к Западу и интегрирование нашей элиты «в Запад». А коли так, то «либерализм» Медведева нужен и для подкрепления «перезагрузки» (политики США по укрепле-

нию сотрудничества с Россией. — Л. Ш.). Замечу, что Обама и его европейские коллеги должны высказать благодарность Кремлю за вовремя оживленную реформаторскую кампанию. Ибо им стало все труднее доказывать обоснованность приятельских отношений с российским режимом, который имеет специфическое представление о демократических ценностях.

То, что медведевская команда активно «играет короля», тоже понятно и естественно. Они делают это профессионально. Но не команда диктует логику событий — она лишь ее частное проявление.

3. А зачем же столь нарочито подчеркивать разногласия внутри тандема? Для убедительности. Но при этом, заметьте, тандем жестко регулирует демонстрацию своих «разногласий», и они не касаются системных вещей. Тандем прекрасно понимает, что он не может себе позволить расколоть элиту, тем более перед предстоящими в 2011–2012 гг. выборами. Поэтому весь шум происходит наверху, и он не должен вовлекать политический класс. Тем, кто этого не понимает и начинает суетиться, пытаясь определить для себя лодку, чтобы туда заранее запрыгнуть, дают наглядно понять: не суетись!

4. Есть и еще один необходимый элемент воспроизводства персонифицированной власти — сохранение неопределенности. Помните, то же самое происходило перед президентскими выборами в 2007 году? Неопределенность позволяет удерживать и элиту, и общество в разобранном состоянии, предотвращает любую консолидацию, которая может быть опасна для власти. Верх сохраняет за собой право решить, когда объявить народу, кто будет им править. Контроль над неопределенностью — важнейший рычаг власти. Но это не означает, что неопределенность сохраняется на самом верху — там уже все решено. Откладывать момент решения для себя на потом — опасно и чревато. Путин мог себе позволить играть в неопределенность и размышлять в 2007 году. Он не может позволить себе этого сейчас даже в рамках имитационного тандема: мало ли что может взбрести в голову младшему коллеге!

5. Неужели те, кто играет в этом балагане в роли тусовки, не понимают, в чем они участвуют? Западные коллеги, во всяком случае многие из них, действительно верят кремлевской риторике. Но есть и такие, кто все хорошо понимает, но делает вид, что верит. Ведь для них наличие в Кремле лидера-реформатора — обоснование их дружбы с российским режимом. Что касается наших

отечественных специалистов по тандему, то их тем более не проведешь. Не могу допустить, что у нас могут еще сохраниться столь наивные люди, которые весь этот фарс воспринимают за чистую монету. Для одних разработка этой жилы — способ занять себя, когда не хочется углубляться в серьезные проблемы. Для других — способ выражения лояльности и получения прикорма. Для третьих (тех, кто верит в лидера-реформатора) — возможность оставаться системными людьми и при этом претендовать на достоинство и репутацию. Я им сочувствую...

6. И последнее. «Существование Медведева и его риторики позволяет расширить поле критики этой системы», — уверяет меня один из моих друзей, в искренности которого я не сомневаюсь. Я же полагаю, что реформаторская риторика, а тем более шаги, которые должны придать жизнеспособность нынешней системе, напротив, девальвируют и дискредитируют идею перемен. В конечном итоге Медведев (и его единомышленники, если они есть) могут нанести более сокрушительный удар по либерализму и реформам, чем национальный лидер.

«Ежедневный журнал», 8 апреля 2011

КАК ТРУДНО ИЗБАВЛЯТЬСЯ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

Весной 2011 г. я не испытывала никаких сомнений в том, что медведевская эпоха закончилась, так и не начавшись (впрочем, была уверена в этом с момента появления Медведева как «преемника»). Мне казалось, это должно быть очевидно для всех, кто следит за нашей политической жизнью. А тем более для тех, кто никогда не питал иллюзий относительно того, что движет нашей политической жизнью. Поэтому для меня, признаюсь, стало неожиданностью, что некоторые совсем не наивные наблюдатели вдруг начали меня упрекать в недооценке возможности позитивного поворота Медведева и непонимании логики власти. И это после того, как Медведев просидел в Кремле три года!!

Пожалуй, упомяну только моего любимого автора — Владимира Надеина, одного из лучших российских публицистов. И он, оказывается, надеялся! Смотрите, что он писал, реагируя на мою «Медведиану» в апреле 2011 г.:

«В анализе Л. Шевцовой, при всей его тональной категоричности, есть утверждения вовсе не бесспорные. Расхождения между тандемократами все чаще носят принципиальный характер, а разрешаются они не полюбовно. Некогда Путин жестко осадил Медведева, приказав российской делегации в ООН проголосовать вопреки инструкциям президента. Теперь Медведев, едва ли не в пику Путину, определился по Ливии. Путин ответил открытым саботажем на пожелание Медведева усмирить аппетиты госкорпораций. Медведев ответил приказом удалить людей Путина из правлений этих корпораций. Наконец, явным вызовом Путину являются последние претензии Медведева на Кремль после 2012-го года. Говоря о своих планах, младший из партнеров ни словом не обмолвился о ключевой прежней договоренности. Речь, ясно, о том, что они ни в коем случае не станут выступать друг против друга, а все решат в дружеской беседе промеж себя. Пока что и дружба тает, и политический табачок — врозь».

Хм... Расхождения «принципиального характера» между членами тандема? И чем же эти расхождения завершались? И как Медведев боролся за свои «принципы»? А может, все дело не в его «принципах», а просто в рассогласованности действий двух команд — путинской и медведевской? Не буду придираться к Владимиру Надеину. Так же как он, тогда, на самом излете медведевского правления, думали многие даже в оппозиционной среде. Среди нас много — ох, как много — было таких, кто пытался и кто желал (!) увидеть в Медведеве альтернативу опостылевшему Путину. Вот еще отрывок из Владимира Надеина (апрель 2011 г.):

«...Власть — сильнейший из наркотиков, известных человечеству. Даже из американского Белого дома, пребывание в котором расписано заранее и по часам, люди уходят со слезами на глазах. Что же говорить о Кремле, седые стены которого веками противостоят народовластию, состязательности, верховенству закона, выборам. Только собачки дуумвиров легко смиряются с потерей звания “первая сука”. Но первая леди, первый инфант, первый помощник... Для них стать вторыми — да лучше в петлю».

Все так. И власть — наркотик. И свита монарха не хочет терять место при троне. Но если даже такие пронизательные наблюдатели, как Надеин, говорили: еще ничто не решено и власть все еще может подвинуть Медведева на подвиги в борьбе за власть, значит, Путин не ошибся со своим проектом тандема. Не ошибся и с партнером по тандему.

В дальнейшем Владимир Надеин справился с иллюзиями. Вот как он разделался с Медведевым в 2013 г. (возможно, он начал так относиться к нему и раньше): «Обратите внимание: все безалаберное наследство смешного и жалкого местоблюстителя Медведева рассыпалось в прах (подчеркнуто мной. — Л. Ш.), и лишь две его инициативы уцелели и цветут. Это, во-первых, продление президентского срока с 4 до 6 лет. И, во-вторых, возобновление военных парадов в День Победы». Нет, не только эти две инициативы стали медведевским наследием. Кое-что еще: война России с Грузией и ее последствия, а также расширение полномочий репрессивных органов.

Пока мы спорили о Медведеве, сам Медведев тоже не молчал. Медведев постоянно говорил. Но чем больше он говорил, тем больше девальвировал и свою политическую личность, и — что важнее — свою «реформаторскую» риторику. Хотя и не все это желали видеть либо признаваться в том, что видят.

Но вернемся к настоящим медведевцам. Мы про них не забыли. Что в это время делал их авангард — ИНСОР? Терпение инсоровцев начало иссякать. Видимо, они устали требовать «политической воли» от человека, не способного понять, что такое «политическая воля». К 2012 г. Инсоровцы должны были быть на грани отчаяния. Рассыпалась их концепция модернизации сверху.

В январе 2012 г. Юргенс, наконец, не сдержался и потребовал от президента Медведева и премьера Путина определить, кто же из них, наконец, пойдет на президентские выборы в 2012 г. «В противном случае в среде политической элиты может начаться брожение, и некоторые политики увлекутся радикальными идеями. Не исключен даже тунисский сценарий», — предупреждал и пугал одновременно Игорь Юргенс. Ох, Игорь Юрьевич! Как вы переоценили готовность нашей элиты к радикализации.

В марте 2012 г. инсоровцы подготовили очередной доклад — на сей раз для будущего президента. Назывался он «Обретение будущего. Стратегия-2012». Эксперты института выразили робкую надежду, что он станет предвыборной программой для еще сидевшего в Кремле президента России Дмитрия Медведева. В этом заключался знак безысходности. Ибо сам Медведев постарался сделать все, чтобы никто больше не надеялся на его реформаторский зуд. «...Формирование полноценной программы действий, способной найти поддержку у активной части общества, вполне по силам нынешнему президенту, несмотря на массу препятствий и ограничений», — уныло твердили докладчики. Ощущалось, что сами авторы доклада в это не верят; не могли они в это верить. Инсоровцы взывали, предупреждали: «Через год мы будем выбирать не просто между программами и личностями, но между началом перемен и концом надежд, между будущим и новым безвременьем». Медведев молчал, как будто и не к нему обращался его интеллектуальный штаб.

Пресса, даже относительно лояльная к медведевцам, ерничала вовсю. «...Трудно припомнить проект института, который вызвал бы интерес у власти, был реализован (или хотя бы было заявлено о начале его реализации). Сложно считать такой результат положительным. Особенно для ИНСОР, который в прессе частенько именуют “президентским”, поскольку Дмитрий Медведев возглавляет попечительский совет института.

Все-таки от экспертной структуры, которая подчеркивает свою приближенность к главе государства, ждешь большего...» — писали «Ведомости». Газета была неправа, обвиняя инсоровцев. То, что их проекты остались на бумаге, не их вина. Как эти проекты могли осуществиться, если Медведев их не собирался осуществлять?! Любопытно, а читал ли он вообще рекомендации своего аналитического штаба?

Наконец, инсоровцы решили сказать о Медведеве то, что они о нем, видно, думали и не решались до сих пор сказать. Юргенс заявил, что премьерство его патрона приведет к гибели страны уже через два года: «Россия врежется в стену на скорости 140 километров в час». Более того, Юргенс нанес Медведеву самый болезненный удар, сказав, что Дмитрию Медведеву стоит отказаться от поста премьера при будущем президенте Путине. Идеальным «премьер-министром переходного периода», по его мнению, стал бы Алексей Кудрин, «так как он считается профессионалом и ему, очевидно, доверяет будущий президент Путин». Внимание: Юргенс предложил Дмитрию Медведеву уступить свой пост Алексею Кудрину, с которым у Медведева отношения испортились уже давно. Это было признание ведущих медведевцев в том, что они уже рассматривают Медведева как фигуру, потерявшую значимость. Их призыв означал и другое: медведевцы начали искать нового носителя «политической воли». Таким носителем мог быть только Путин, а Кудрин мог быть только премьером при президенте Путине. *Le Roi est mort, vive le Roi!* Так медведевцы сами пропели реквием по объекту своих надежд.

Конечно, грустно было видеть, как талантливые и знающие люди тратят столько времени впустую. Сколько они питали надежд, сколько делали попыток убедить и власть, и общество в том, что эти надежды можно осуществить! Они в известной степени повторяли эволюцию, через которую проходили интеллектуальные круги в странах Восточной Европы. Разве не существовали иллюзии относительно возможности реформировать коммунизм, скажем, у поляков и венгров? Правда, от таких иллюзий поляки и венгры избавились еще в 1970-е гг., а кое-кто и раньше. Драматизм нашей эволюции в том, что, обжегшись раз, мы упорно продолжаем все тот же путь...

Впрочем, опыт разочарований все же полезен. Коль к иному опыту познания реальности и ее переустройства мы

пока не способны. К опыту разочарований нужно и полезно возвращаться хотя бы для того, чтобы уберечь себя от новых иллюзий. Лучший российский эксперт в сфере социальной политики Евгений Гонтмахер поможет мне напомнить, в чем заключались и чем закончились надежды медведевцев. Именно он наиболее активно участвовал в создании интеллектуальной основы «медведевщины» как модели реформ сверху для России, потратив уйму усилий на то, чтобы доказать и обществу, и Медведеву, и, видимо, себе, что Медведев может повторить подвиги других лидеров перемен. В 2008 г. Гонтмахер выдвинул идею «Пакта Монклоа» для России. Разумеется, под руководством Медведева, которому, вероятно, предстояло сыграть роль российского Хуана-Карлоса либо Адольфо Суареса. В 2010 г. Гонтмахер писал: «Нужен лидер, который сможет вырвать страну из архаики и деградации». Видно, все еще надеялся на Медведева. В январе 2012 г. Гонтмахер был вынужден признать, что Медведев не оправдал надежд — «не воспользовался шансом развернуть развитие событий». Читала Гонтмахера и думала: «Евгений Шлемович, а был ли этот шанс вообще?»

В последние месяцы медведевской паузы Гонтмахер с отчаянием повторял: «Идея круглого стола... как мне кажется, теоретически все еще реализуема властью. Это может сделать и сдающий свои полномочия через 4 месяца Дмитрий Медведев. Это была бы “частичная реабилитация” перед теми, кто вышел на Болотную...» Ну, неисправимы наши идеалисты!

Соглашусь с другим выводом Евгения Шлемовича: «Выжигая вокруг себя все политическое пространство, Путин практически не оставил шансов на эволюционное, в рамках нынешней Конституции, позитивное развитие страны». Верный вывод. Правда, Путин успел «выжечь пространство» еще до прихода Медведева в Кремль. Он бы не допустил его воцарения, пусть и временного, если бы политическая сцена подавала признаки жизни. Мало ли что могло пригреться преемнику?! Вера в Медведева и была доказательством «выжженного политического пространства». Иначе как бы Медведев (просто представьте себе Дмитрия Анатольевича!) мог стать объектом надежд?

Возможно, те, кто так долго и упорно верил в Медведева, действительно были искренни. Тогда они не поняли законов самодержавия. Не поняли тактики Путина. Не увидели бессмысленности Медведева. Выслушаем, как сами медведевцы

объясняют, почему им так и не удалось подвинуть Медведева на реформы. Самое популярное объяснение: Медведев ничего не сделал потому, что его не поддержали. В случае поддержки он вполне мог бы стать лидером-реформатором. Смотрите, как объяснял причины импотенции Медведева Игорь Юргенс:

«Самое простое, что можно предположить, — это что группы влияния, о которых я сказал (группы вокруг Путина. — *Л. Ш.*), оказались сильнее тех, которые проявили явную или скрытую поддержку президенту Медведеву. При этом винить некого, в том числе и либералам, кроме самих себя. Потому что эта половинчатость и такая ерническая позиция — я посижу на заборе и посмотрю, как там все дерутся, — была абсолютно очевидна. И среди радикал-демократов, и просто демократов, и так называемых интеллигентов... Когда Дмитрий Анатольевич как-то один раз на значительном собрании предпринимателей сказал: “Ну, вы определяйтесь”, — была немая сцена, как в “Ревизоре”, и больше ничего. А тогда что — ну, получили, что хотели. Ну, и замечательно — будем работать в таком контексте».

Я вот что скажу: влиятельные социальные и политические группы, возможно, могли бы поддержать Медведева. Но для этого нужен был знак более очевидный, чем неопределенное «определяйтесь», адресованное предпринимателям. Таким знаком послужило бы обращение — не к бизнесу, но ко всему обществу — с понятной программой реформ. А для того, чтобы общество поверило в серьезность намерений Медведева, следовало не только отстранить Путина от рычагов власти, но и отказаться от тотальной монополии на власть и провести свободные выборы. Не исключено, что Медведев мог бы их даже выиграть и в новой ситуации стать президентом-реформатором. Но это требовало иной человеческой фактуры — короче, совсем иной личности в Кремле.

А прямое обращение Медведева к бизнесу за поддержкой, скорее всего, привело бы к повторению «формулы Березовского». Эта формула для бизнеса означала следующее: «Вы нам отдаете контроль над собственностью, а мы поддерживаем вашу власть». Вот что заявил бы российский бизнес Медведеву. Получилось бы прямое повторение «залоговых аукционов» эпохи Ельцина. Все это мы уже проходили с известным результатом.

Медведевцы разных оттенков не видели субъекта модернизации внизу, в обществе. Да и само общество не говорило, что готово стать таким субъектом. А тратить жизнь на фор-

мирование его «снизу» медведевцы не чувствовали ни желания, ни готовности. Все это понятно. Обращение к обществу казалось в тот момент нереалистическим проектом. Следовало закладываться на долгую перспективу и мучительный марафон. Мало у кого была готовность к такого рода самопожертвованию. Но, как стало ясно уже вскоре, обращение к Кремлю — к его «политической воле» — оказалось не более реалистичным!

И все же: отдадим должное тем, кто отучает нас от иллюзий! Не оправдавшиеся надежды инсоровцев и других медведевцев были их вкладом в эволюцию нашей общественной мысли и понимание возможностей системы единовластия. Правда, к сожалению, неудачный опыт медведевцев так и не помог аналитическому сообществу сделать еще один шаг — начать готовить концепцию модернизации не для лидера, а для новой, готовой играть по новым правилам общественной силы, одновременно содействуя ее формированию.

Кроме того, тот факт, что носителем реформаторской «воли» должен был быть Медведев, сделал эксперимент не совсем чистым. У многих, не готовых расстаться с самодержавием, возникла спасительная мысль: проблема не в том, что модернизация сверху в России невозможна. Проблема в другом — все зависит от того, кто сидит в Кремле. Жалкое президентство Медведева кое-кому помогло сохранить надежды на реформы сверху.

Так, разочаровавшись в Медведеве, Игорь Юргенс выразил надежду, что третий срок Путина будет другим. А следовательно, Путин все еще может выполнить миссию, на которую так надеялись медведевцы. Вот что заявил Юргенс: «Третий срок... будет другим. Понятно, что каждый кулик свое болото хвалит, поэтому я хвалю свою программу “Обретение будущего”. Абсолютно уверен — в связи с тем, что до сих пор ни одной другой программы не опубликовано, — значит, она кем-то из его друзей изучена. Я знаю этих (путинских. — Л. Ш.) экспертов: их взгляды не отличаются от моих и моих соратников почти ничем. Поэтому да, этот человек (Путин. — Л. Ш.) изменится и под воздействием обстоятельств тоже станет модернизатором».

Не взял на вооружение Путин программу инсоровцев. Не захотел иметь их «Обретение будущего». У него были свои взгляды на тему «обретения будущего». Что касается «модернизаторства» Путина, вся дальнейшая цепь событий доказала,

что те лидеры, которые пытаются сохранять статус-кво, модернизаторами быть не могут. Но почему тогда многие из либералов продолжают питать надежды на верхи? Возможно, потому, что в противном случае придется брать на себя ответственность за поиск иного сценария жизни. К этому не все либералы готовы...

Когда эпоха тандема подходила к концу, я таким образом подвела его итоги. Сейчас даже сожалею, что не нашла более жестких слов.

ПРИТВОРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Правители в рамках авторитарных режимов всегда являются субъектами персоналистской власти. Именно такими в новой России были Ельцин и Путин. Дмитрию Медведеву суждено было стать инструментом воспроизводства самодержавия, лишенным властного ресурса. Его роль стала возможной при аннигиляции его как личности, а тем более как лидера.

И вот вам первый парадокс: не будучи лидером, а тем более самодержцем, Медведев обеспечил продление жизни единовластия. Он дал возможность реальному персонификатору самодержавия — Путину — сохранить власть на неопределенное время без формального отказа от Конституции. Он расширил базу власти за счет вовлечения в ее орбиту либерально настроенных слоев, уверовавших в его модернизационную мантру. Он придал путинской вертикали более благообразный вид, причем исключительно за счет риторики, сыграв для персоналистской власти роль политического ботокса.

Он дал возможность многим незаурядным людям остаться на орбите власти в пропагандистском, экспертном и даже политическом качествах, при этом претендуя на сохранение репутации. При Путине соединить принадлежность к «сервисному классу» и приличия было бы намного сложнее.

Надежда на обновленческие порывы Медведева и попытки придать им убедительность стали занятием немалой части либерального сообщества. А долгие ожидания реформаторских родов Медведева стали оправданием политической пассивности и комфортного времяпрепровождения либерального сообщества.

«Медведевщина» как риторика и способ поведения легитимировала и правление путинской команды, и систему персоналистской власти. Тот же факт, что сам Медведев произнес много «правильных слов» — Свобода, Демократия, Модернизация, что привело к их де-вальвации, является самым большим его вкладом в укрепление самодержавия. Вот еще один парадокс: Медведев своим лицемерием нанес больший удар по ценностям, нежели Путин, который предпочитает не злоупотреблять «правильными словами».

Именно Медведев самым фактом своего существования дал возможность Западу оформить политику попустительства в отношении российского авторитаризма. Обамовская «перезагрузка» и «Партнерство во имя модернизации» со стороны ЕС были бы невозможны без его прихода в Кремль...

Именно благодаря Медведеву Запад на удивление спокойно воспринял российско-грузинскую войну в августе 2008 года, согласившись на аннексию Москвой грузинских территорий и первую после падения СССР насильственную перекройку границ в Евразии.

«Медведизация» политического сознания как российской, так и западной элит имела две основные причины. Первая — непонимание сущности российского самодержавия, которое не выносит ни раздвоения власти (а потому Медведев не мог иметь самостоятельных властных рычагов или собственной позиции), ни даже ограниченной либерализации. Реальная политическая декомпрессия означает конкуренцию и верховенство закона — а это подрыв властной монополии. Пока в политической истории не было примеров, когда бы правители, создавшие монополию на власть, сами себе делали хакакири, тем более в условиях, когда они все еще контролируют ситуацию. Подозревать же Медведева, который в течение двадцати лет был верным членом путинской команды, в наличии тайного намерения обрушить ее власть — запредельная наивность. Впрочем, сам Медведев ответил тем, кто надеялся на наличие у него свободолюбия, заявив, что он никогда и не был либералом, тем самым откровенно признав притворность своей «модернизации» и либеральных обещаний.

Вторым фактором, который может объяснить столь упорные ожидания от Медведева перемен, является архаичность сознания тех, кто уповает на просвещенный авторитаризм. «Медведизм» либерального сословия свидетельствует о его своеобразном понимании свобод и верховенства закона, которые, оказывается, должны быть дарованы России сверху.

Словом, Медведев даже при отсутствии реальных полномочий и лидерского начала преуспел в создании условий для воспроизводства персоналистской власти.

В то же время медведевское президентство продемонстрировало, что такое закон «о непреднамеренных последствиях». Речь идет о том, что власть стремится к одному, а получается нечто противоположное. К концу правления Медведева стало ясно, что факторы, которые вначале работали на власть, стали ее подрывать. Так, модернизационная риторика, несущаяся из Кремля, сделала более очевидной деградацию российской системы, отвергающей любые перемены. Разумеется, вертикаль власти начала бы гнить и при Путине. Но именно Медведев, углубив разрыв между лозунгами и реальностью, сделал этот разрыв фактором общественного протеста. Его «борьба с коррупцией», ставшая прикрытием превращения коррупции в системный фундамент единовластия; репрессивность его уголовного законодательства; его издевательская реформа милиции, которая (реформа. — Л. Ш.) стала угрозой для безопасности граждан; его неспособность остановить криминализацию российской жизни — все это усилило отторжение власти немалой частью общества.

Скорее всего, медведевская притворная модернизация станет последней попыткой власти сохранить себя посредством имитации. А Медведев будет последним президентом, который играл в демократию. Отныне такие игры могут стать для власти опасны. Ведь в любой момент можно потерять контроль над ситуацией, если распахнешь форточку слишком широко либо ее распахнет общество. Выплеск на поверхность протестной активности означает, что кремлевские наркотики перестают действовать. Отныне власть будет вынуждена прибегать к более жестким мерам выживания. В свою очередь, обществу остается один способ добиться перемен — через давление снизу. Напомню: революции чаще всего происходили не тогда, когда жизнь становилась невозможно тяжелой, а когда испарялась надежда на ее улучшение сверху либо когда власть обманывала народ обещаниями перемен.

Медведев, продлив жизнь путинского режима, одновременно сделал многое для десакрализации власти. Неадекватность, а порой и очевидная комичность поведения, политическая импотенция «лидера», наконец, то, что при нем властный ресурс был впервые выведен из Кремля, — все это привело к девальвации института лидерства и потере Кремлем остатков прежней мистики.

Воссоединение властного ресурса и президента и попытка Путина обратиться к традиционным атрибутам поддержания имиджа власти уже не смогут восполнить то, что потеряно при медведевской паузе.

Именно при Медведеве система продемонстрировала, что измениться к лучшему она не может, вовлечь новые силы не способна. Обнажилась глубина деморализации правящего класса, атрофирование его чувства ответственности и потеря понимания им предела, за которым неизбежен провал в бездну. На поверхность вышли процессы, которые говорят о приближающейся агонии системы: власть не может самоограничиться в осуществлении своих интересов; она не может избавиться от компрометирующих ее людей; правящая команда пытается передать свой властный и экономический ресурс близким и друзьям; преторианцы, которые должны защищать власть, становятся властью. Ни одна цивилизация не могла выжить, приобретя такой букет убийственных качеств.

Переход Медведева на роль премьера с учетом его успехов на «модернизационной» ниве делает сомнительной его новую претензию на роль реформатора. Но он не может стать и защитником статус-кво — эта роль зарезервирована Путиным.

Это уникальная ситуация, когда один и тот же политик дискредитирует одновременно и обновленческую, и традиционалистскую тенденции.

Соединение же в лице Медведева двух ролей — председателя правительства и лидера «Единой России» (от которой отмежевался Путин) — становится бременем для путинского режима. Возможно, это и есть задумка Путина — пусть они утопят друг друга? Сохранение Медведева в «верхах» подтверждает верность реального самодержца принципу «лояльность всегда вознаграждается», который является гарантией единства команды. Но в данном случае следование этому принципу подрывает режим с другой стороны — дискредитируя его в глазах общества и порождая недовольство среди тех элитных групп, которые смотрят на Медведева как на несуразность.

«Это надолго», — заявил Медведев с непонятной уверенностью, говоря о перспективах своего тандема с Путиным. Он ошибается.

Никому и никогда не перехитрить логику загнивания, коль скоро оно началось. Медведев в качестве премьера, потеряв свой имитационный ресурс и не приобретя нового, может работать

только на упадок, и именно он будет первым кандидатом «на выход», когда Кремлю придется сбрасывать балласт. Какое уж там новое медведевское президентство!

Медведевская Россия потратила впустую четыре года жизни. И ответственность за это несет не Медведев (в чем можно обвинять пустоту?). Ответственность несут все те, кто участвовал в ее заполнении и играл в кремлевском спектакле «Президент Медведев».

Газета.Ru, 4 мая 2012

«МЕДВЕДЕВЩИНА» КАК СОСТОЯНИЕ УМОВ

Если коротко, то «медведевщина» — это психология и целый комплекс воззрений, возникших в период президентства путинского преемника, которые обосновывали надежду на мудрого и способного к переменам царя и готовность ему в этом активно содействовать. Но заметьте: когда тем, кто надеялся, стало очевидно, что объект их надежд не готов их оправдать, они не отказались от своих надежд. Тем самым они продолжали играть в кремлевскую игру, облегчая решение путинской повестки дня.

«Медведевщина» стала столь популярной среди самых разных — и не только либеральных — кругов даже не потому, что Медведев был искусным соблазнителем. Он был никаким. Даже откровенно смешным. Все дело в том, что он служил и поводом, и оправданием интеллектуальной и политической импотенции широких слоев. Собственно, проблема заключалась не в Медведеве — к нему можно даже проникнуться симпатией. Ведь Медведева одновременно использовали и национальный лидер для продления своей власти, и политическое и интеллектуальное сообщество для выражения своих несбыточных надежд и для оправдания их несбыточности. Последнее означало простую вещь: те, кто хотел выглядеть прогрессивно и по-модернистски, могли предлагать Медведеву самые благородные проекты. И при этом быть совершенно свободными от ответственности за их воплощение. Воплощать их надлежало Медведеву. Для того чтобы этот театр ожиданий продолжался, следовало накачивать надежды на Медведева даже тогда, когда стало очевидно, что «разрисовывать» некого. А когда игра кончилась, можно было все свалить на бедного преемника, волею случая временно оказавшегося в Кремле. Неясно лишь одно — понимал ли Медведев свою роль? Впрочем, для истории ответ на этот вопрос уже не столь важен.

Склонность к коллективной «медведевщине» продемонстрировала, что значительная часть российского интеллекту-

ального класса оказалась не готова к самостоятельному определению своего пути. Наше «думающее сословие» по-прежнему надеялось получить и реформы, и свободу из рук монарха.

«Медведевщина» как надежды на конкретного лидера, а именно Дмитрия Медведева, завершилась в момент, когда он согласился на рокировку с Путиным в сентябре 2011 г. Чтобы представить его в качестве реформатора, когда он встал во главе правительства, требовалось исключительное воображение.

Кстати, сделаю короткий комментарий по поводу медведевского премьерства. Тот факт, что Путин был вынужден (конечно, вынужден!) назначить Медведева своим премьер-министром, говорит о том, что личные отношения среди соратников, выполнение взаимных обязательств и поддержание стимулов для лояльности внутри команды для Путина являются исключительно важным условием самосохранения властной «вертикали». Одновременно назначение на пост премьера — главного менеджера по экономическому развитию — совершенно беспомощного политика, уже продемонстрировавшего свою безнадёжность, — проявление растерянности Путина, явно не понимавшего, что делать и с экономикой, и с начавшей ржаветь административной машиной. Единственный положительный результат, который получал Путин в результате этого назначения, — возможность повесить на Медведева все провалы и списать его — не перевешивал отрицательные моменты такого кадрового решения.

Ну, а пока, увы, «медведевщина» как вера в единовластное лидерство, которое должно реформировать Россию, все еще сохраняется. Интеллектуальное сообщество продолжает ждать прихода лидера, который решит проблемы общества и выберет курс на модернизацию. Эта вера вовсе не бескорыстна — верующие мечтают о том, чтобы Лидер-Реформатор обеспечил им привилегированное место при власти. Есть и те, кто начал надеяться, что Путин вернется к своему облику 2000 г. Сам Путин своими действиями говорил, уже не скрывая: «Ничего менять не буду! Перемены — угроза стабильности. Буду усиливать контроль!» Но мечтатели надеялись, что все эти путинские зажимы либо несерьезны, либо временная вещь. Жизнь заставит его что-то предпринимать. Он будет вынужден идти на перемены, твердят мечтатели. Короче, перевоплощение Путина в реформатора еще возможно!

Все эти нескончаемые ожидания счастья сверху напоминают театр Сэмюэля Беккета. Конечно же, его «В ожидании

Годо». Напомню сюжет: главные герои пьесы Владимир (Диди) и Эстрагон (Гого) застыли во времени и в одном месте, ожидая некоего Годо. Этот самый Годо должен решить их проблемы, снять их сомнения, сказать им, как жить дальше (а может, и не жить), решить за них все нерешенное, избавить их от всех опасностей и осуществить все их надежды. Вот герои сидят и ждут... У них не хватает даже решительности найти веревку, чтобы повеситься. Беккет попал в точку с российскими Диди и Гого. Только прочтите:

Диди. А что теперь будем делать?

Гого. Ждать.

Диди. Да, но что делать, пока мы ждем?

Гого. Может, повеситься?..

Диди. Так что же делать?

Гого. Ничего не будем делать. Это благоразумнее.

Диди. Подождем, что он нам скажет, когда придет.

Гого. Кто?

Диди. Годо.

Гого. Верно.

Беккетовские герои все же намного проницательнее российских Диди и Гого. Они допускают мысль, что Годо может и не появиться. Наши же либералы и интеллектуалы, выстроившиеся в ожидании российского Годо, сомнений не испытывают — они убедили себя, что этот Годо все-таки придет — когда-нибудь. И употребляют всю мощь своей аргументации, чтобы убедить общество присоединиться к процессу ожидания. Наши верующие будут и дальше ждать и доказывать, что ждать нужно. В этом и есть их политическая роль — в создании иллюзии Прихода Того, Кто Все Решит!

Прививки от несостоятельных надежд во времена Медведева для нас оказалось недостаточно. Видно, нам потребуются еще один эксперимент с царем-«реформатором», который должен будет совсем покончить с иллюзиями, будто перемены придут к России сверху. Не исключено, что многим в нашем интеллектуальном и политическом сообществе новый крах иллюзий уже не поможет. Они все равно будут упорно ждать своего Годо. Тогда придется дожидаться прихода нового поколения интеллектуалов — экспертов и политиков, не зараженных «медведевщиной» на генном уровне.

НАКАНУНЕ: ВЛАСТЬ ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЕЕ ВСТРЯХНУЛИ

В последние несколько лет российские аналитики и просто внимательные наблюдатели сумели несколько продвинуться в понимании сущности российской власти и российской системы. Укрепилось общее ощущение и даже понимание исчерпанности факторов, которые поддерживают жизнеспособность системы в целом и путинского правления в частности. Но пока нет общего согласия относительно того, какая тенденция будет доминировать в российском развитии — необратимое загнивание либо накопление взрывчатого вещества, которое приведет к более активным проявлениям дисфункциональности и, наконец, к кризису. А если страна сваливается в кризис, то вспыхнет либо не вспыхнет? Короче, произойдет ли социальный и политический взрыв или нет? А если вспыхнет, то к чему приведет? Приглашаю поразмышлять над этими вопросами дальше.

Понимание состояния политического режима и состояния системы является ключевым для осознания российской траектории. Даже в либеральной аудитории мы понимали и понимаем это состояние по-разному. Одни, глядя на российскую политическую конструкцию, говорят: «Эта постройка еще долго продержится. Пока речь идет о стагнации. Либо о частичном загнивании». Другие возражают: «Нет, мы в кризисе. Все обваливается! Путин уйдет в этом, ну, может быть, в следующем году!» Третьи, напротив, уверены, что начало стагнации может заставить власть и того же Путина либо власть без Путина начать реформы.

Замечу здесь вскользь. Как-то мы обсуждали российские сценарии с ведущими экспертами, которые готовили для правительства объемную стратегию развития до 2020 г. («Стратегия-2020»). Самые настоящие системные товарищи, верно и последовательно, при этом профессионально и талантливо работающие на власть. Причем на ее высшие эшелоны. Дело происходило в 2011 г. Так вот, уже тогда они спорили о выборе

исторических аналогий: находится ли Россия на этапе, который СССР переживал в 1987–1989 гг., либо уже вступила в этап, который Советский Союз проходил в 1989–1991 гг.? Эта дискуссия говорит о том, каковы были настроения среди тех, кто обслуживает власть и разрабатывает для нее стратегию, несколько лет тому назад. Неужели кто-то думает, что с тех пор прокремлевские эксперты стали оптимистами, если речь идет о шансах системы, которую они обслуживают?

Ниже я предлагаю читателю статью «Россия: логика упадка», опубликованную в августе 2011 г., в которой я попыталась определить степень устойчивости как власти, так и системы, а также факторы, подрывающие эту устойчивость.

Уже тогда стало очевидно, что Россия не смогла вписаться в русло мирового прогресса и зависла в зоне цивилизационной неопределенности. Но все больше появлялось признаков, что период неопределенности завершается. Из нечеткой «серой зоны», которая могла дать основания предполагать возможность разных векторов будущего, Россия начала возвращаться в прошлое, т. е. в зону большей определенности. Речь идет об архаичной, уже не претендующей на модернистские порывы, уже не задрапированной системе самодержавия. Но в 2011 г. мне было еще не ясно, можно ли говорить только о деградации режима и загнивании всех институтов правления либо о кризисе власти.

В тот момент мне казалось, что загнивание преобладает и непонятно, могут ли на этом фоне возникнуть факторы, ведущие к обострению ситуации, к конфликтам, к политическому либо социальному противостоянию, к всплеску, которые станут предпосылкой и одновременно формой кризиса. Между тем повторю сказанное: кризис всегда лучше, намного лучше гнили и деградации. Кризис говорит: субъект еще жив и еще может возродиться. Но не в прежней форме. Кризис ведет к обвалу старого, но одновременно дает возможность силам перемен собраться с духом. Правда, кризис очень сильное и опасное лекарство, способное не только умертвить старую систему, но и сделать мучительным появление новой. Все зависит от состояния системы, входящей в кризис, и наличия в обществе сил, которые могут его встряхнуть и придать новый вектор развития. Но кризис дает по крайней мере надежду на рождение нового. Стагнация, переходящая в гниение, означает безнадежность.

Статья, которую вы сейчас увидите, отражает настроения (и не только мои собственные) на протяжении 2011 г., но до протестного всплеска. В этих настроениях преобладали скорее пессимизм и ощущение безвыходности. Словом, вот что ощущалось накануне того, как люди вышли на улицу.

РОССИЯ: ЛОГИКА УПАДКА

Отжившая свое система пытается сохранить себя, искусственно вводя общество в кому. Двадцать лет назад с мировой карты исчез Советский Союз. Но до сих пор мир не может справиться с последствиями этого события. Международная система с ее «Политбюро» — Советом Безопасности — продолжает держаться на балансе держав, одна из которых более не существует, консервируя реальность середины прошлого века. Запад, потеряв своего оппонента, погрузился в дрему, забыв о миссии и ценностях, предпочитая им ситуативный прагматизм. Наконец, распад СССР и антикоммунизм легитимировали воспроизводство «русской матрицы», но уже в новой упаковке.

Когда у вызова нет ответа

Британский историк Арнольд Тойнби, проанализировав зарождение, взлеты и смерть мировых цивилизаций через формулу «вызовы и ответы», вывел аксиому, которая продолжает быть актуальной и сегодня. Тойнби доказал, что при развитии мировых цивилизаций решающую роль играли внешние и внутренние вызовы, заставлявшие человеческие общности искать все более совершенные способы упорядочения. Засуха и болезни, миграция народов и угроза извне, географическое положение и клановые войны, народные восстания и религиозная вражда, наконец, природные катаклизмы и новые технологии побуждали человеческие сообщества находить более высокие формы своей организации. Те общества, которые упорно воспроизводили себя в прежнем виде, умирали. Так уходили из жизни великие цивилизации, среди них древнеегипетская, шумерская, греко-римская, византийская, османская.

Единственной успешной цивилизацией оказалась европейская, которая вовремя нашла способ реагирования на мировые и внутренние вызовы — через упорядочение себя на основе закона, частной собственности и признания прав личности. Неевропейские общества (Индия, Япония, Турция, Южная Корея) смогли найти

новое дыхание через вестернизацию общественного и государственного устройства. Индия и Япония приняли западные стандарты под давлением извне (в первом случае роль «трансформатора» сыграла британская колонизация; во втором — американская оккупационная администрация и генерал Макартур). И Индия, и Япония сумели найти баланс между западными нормами и культурной особостью. Напротив, Турция и Южная Корея сами отказались воспроизводить модель, которая вела их к деградации, и стали заимствовать европейские принципы организации власти, гарантируя для себя место среди влиятельных мировых игроков.

Оставшиеся великие цивилизации (исламская, китайская, российская) пока не убеждают, что они нашли свой способ существования в качестве полноценных и успешных мировых субъектов. Нынешний экономический взлет Китая может оказаться (и, скорее всего, окажется) лишь всплеском на пути заката китайского централизованного государства, с трудом сдерживающего пробуждающееся общество.

История мировых взлетов и падений позволяет выявить закономерности, которые на всех исторических этапах вели к загниванию и уходу из жизни прошлых обществ. Вот признаки, говорящие о том, что цивилизация теряет жизненный потенциал:

- неспособность продвинутого динамичного меньшинства стать движущей силой обновления;
- централизация власти как ответ на новые вызовы;
- опора на лидера — и отказ от смены лидерства;
- консолидация общества через поиск внешнего и внутреннего врага;
- милитаризация режима и политической ментальности;
- создание гигантских проектов, которые должны отвлечь внимание от накапливающихся проблем;
- попытка косметического обновления системы без изменения ее «корневых» стандартов.

Не правда ли, эти закономерности выглядят знакомыми?

Реставрация вместо перемен

Если взглянуть на эволюцию российской цивилизации через формулу «вызовы и ответы», то мы увидим, что российская элита, каждый раз подходя к очередному кризису, пыталась предложить не новые принципы упорядочения общества, а новые формы воплощения старых принципов. Речь идет о постоянном возрождении триады — персоналистская власть, слияние власти и собствен-

ности и стремление удержать сферы геополитического влияния. Все попытки российского реформаторства оказывались способом сохранения этой триады.

Причем Россия является уникальной цивилизацией, сумевшей устоять и войти в современность за счет максимальной эксплуатации факторов, которые приводили к упадку иные цивилизации. Я имею в виду централизм, милитаризацию и истощение собственного человеческого ресурса. Российская система и ее персонификаторы встречали вызовы чудовищной концентрацией властного и силового инструментов, а также готовностью жертвовать собственным населением. Напомним и о еще одном факторе выживания российского единовластия — его способности к заимствованию западных технологий, которые позволяли стимулировать военно-техническое развитие без изменения принципов организации государства. Такова суть петровской модернизации, повторенной Сталиным. Атомная бомба, которая позволила СССР на долгие годы обеспечить державную мощь в соперничестве с Западом, была прежде всего следствием успехов советской внешней разведки, т. е. «политики заимствования».

Сталинский период оказался, однако, последним державным «вздохом» единовластия. Со смертью Сталина началось его медленное выдыхание. Михаил Горбачев был первым советским лидером, который ощутил российский вектор и попытался реформировать единовластие, лишь подтвердив, что оно реформированию не подлежит. «Перестройка» стала толчком к демонтажу советского государства. Но, как оказалось вскоре, «русская матрица» смогла выжить, сбросив старую «государственную кожу».

Что мы получили в итоге падения СССР? Обновление персоналистской власти в виде президентства, стоящего над обществом и ему не подконтрольного; слияние власти и на этот раз частной собственности и, наконец, сохранение стремления политического класса к наличию «сфер интересов», т. е. элементов «имперскости» (пусть даже имитационной). Даже немало российских либералов продолжают верить, что Россия может существовать только как центр собственной галактики. Словом, в начале 1990-х годов Россия оказалась в тупике: не сумев отказаться от «триады», она зависла в историческом пространстве.

В этом контексте Борис Ельцин предстает не как лидер-революционер, а как «лидер реставрации», который возглавил возврат России к персоналистской власти, на сей раз в виде

«назначенной монархии», легитимирующей себя управляемыми выборами. Правда, было бы ошибкой всю ответственность за неспособность выйти из прошлого возлагать исключительно на Ельцина. Российская элита, и в первую очередь те, кто позиционировал себя как демократов и либералов, сама отказалась от трансформации, сделав ставку на вождя как движущую силу российского развития.

Сегодня приходится признавать неприятную правду о российском «продвинутом меньшинстве» и его роли в восстановлении единовластия. Дмитрий Фурман был одним из первых, а возможно, и первым на демократическом фланге, кто сделал вывод: «Дело не в “темном народе”, мешавшем интеллигентным демократам вести его к светлому будущему. Дело именно в демократах... ведь именно они пришли к власти в 1991 году и затем тщательно и последовательно затапывали все ростки демократии». Причем ответственность за возврат России в прошлое несут не только системные либералы. Ее разделяем все мы — т. е. те, кто вознес Ельцина наверх как Спасителя, отдав ему судьбу России, не имея мужества и смелости взять эту судьбу в свои руки.

1993 год — принятие новой Конституции, обосновывающей сверхпрезидентство, 1996-й — манипуляции с выборами Ельцина и формирование модели «управляемых выборов» и, наконец, 1999-й — назначение Владимира Путина в качестве преемника и гаранта статус-кво — это вехи возрождения российского единовластия. Если считать, что истоки обуславливают последующий процесс, то ответственность ельцинской элиты, в 1990-е годы начавшей обновление персоналистской власти, за нынешнюю Россию гораздо выше, чем ответственность путинской команды, которая консолидировала эту систему в нулевые годы.

В рамках этой логики придется переосмыслить не только роль Ельцина и демократической части российского спектра, но и суть событий в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Тогда в России произошла смена государства, а затем и формы собственности. Но кажущийся революционным характер этих изменений был не только способом продления жизни старой модели властвования, но и средством высвобождения правящего класса от сковывавших его идеологических и политических ограничителей советского времени.

На протяжении двадцати лет и трех президентств в России произошла адаптация единовластия к новым условиям — через имитацию западных институтов и личную интеграцию

элиты в Запад. Завораживающий парадокс в том, что отжившая система продлевает свою жизнь при помощи самого передового — западного — общества!

Несколько обстоятельств облегчили сохранение русской цивилизации, которая по своим принципам принадлежит прошлому, — импотенция «творческого меньшинства», которое во все времена и во всех обществах играет роль «дрожжей», побуждая прорывы; общая неспособность российской элиты подняться над своими эгоистическими интересами (в отличие от элит Восточной Европы); попустительство Запада. Западное сообщество вначале не поняло ельцинской траектории, а когда осознало, что Россия вернулась «к себе самой», решило, что единовластие — это ее судьба.

Статус-кво как способ медленной смерти

Россия демонстрирует пример того, как тактические победы ведут к стратегическим поражениям. Под «тактическими победами» я имею в виду механизмы выживания, которые использует российская элита. С одной стороны, они облегчают осуществление ее текущих интересов, но с другой — усиливают тенденцию к упадку страны.

Имитация демократических институтов в России, в частности выборов, позволяет правящей команде сохранять свой режим и даже претендовать на более цивилизованный имидж. Вовлечение оппозиции в бесконечные споры о том, как реагировать на выборы (которые, по ее мнению, будут сфальсифицированы), и готовность части оппозиционеров в них участвовать — лучший подарок власти. Но в то же время откровенная манипуляция демократическими институтами делегитимирует власть, которая не имеет других механизмов (в частности, наследственного и идеологического) своего обоснования. Правда, одновременно происходит и дискредитация оппозиции, вовлеченной в функционирование гниющей системы.

Сырьевая экономика продлевает жизнь архаичной системы, при этом усиливая деградацию власти и общества. Ручные институты обеспечивают внешнее спокойствие. Но отсутствие каналов, которые могли бы представлять разнообразные интересы населения, выталкивает людей на улицу, раскачивая статус-кво.

Нужно отдать должное кремлевскому режиму: он сумел сформулировать тактику «кнута и пряника», чередуя репрессивные методы и устрашение с кооптацией и подачками. Эта тактика работает, вовлекая в орбиту власти самые разные слои общества

и нейтрализуя тех, кто не принимает этой реальности. Но сам процесс искусственного введения общества в кому лишает его энергетики и драйва...

Оказались напрасны надежды многих наблюдателей, что либеральная риторика и даже некоторые послабления (весьма условные) медведевского президентства могут расширить пространство свободы. Мы видим другое: либеральная риторика при нелиберальной реальности и даже усилении ее репрессивного синдрома только усиливает в обществе цинизм и «двойные стандарты».

Есть и еще один фактор, который работает на российский закат, — страх среди широких слоев общества, что нарушение статус-кво вызовет очередной развал государства. К этому не готовы даже противники системы. Однако в нынешнем «полуимперском» состоянии Россия, откладывая решение проблемы своей идентичности и легитимности власти, сама подрывает свою государственность. Нарочитая агрессивность власти и ее опора на силу прикрывают обветшалость системного каркаса, на котором она держится.

Демонстрацией хрупкости российской государственности стала цена, которую Кремль платит за «усмирение» Чечни и Северного Кавказа в целом. Согласие Кремля на формирование там неконституционных режимов становится отражением атрофии государственности. Собственно, существующий в Чечне режим является антиконституционным переворотом с ведома и санкции самого Кремля. Невозможно себе представить длительное сохранение конструкции, которая противоречит здравому смыслу: Россия, «платящая дань Чечне» и одновременно позиционирующая себя как региональную и даже мировую державу! Такая конструкция содержит в себе источник взрыва изнутри либо разложения.

Причем угроза распада слепленной из несовместимых кусков государственной конструкции возникнет в любом случае — и в случае либерализации режима, и при усилении единовластия. Сегодня ясно одно: пока проблема Северного Кавказа не решена, не может быть и трансформации России. По крайней мере с таким Северным Кавказом Россия не сможет себя упорядочить как современное государство.

Тактические маневры власти, продлевая существование нынешней системы, осложняют поиск ее преобразования. Очередной парадокс: российское статус-кво только ускоряет смерть системы и окормляющей ее государственности. Но вот вопрос: как Россия как человеческая общность сумеет перенести эту смерть и какова будет ее цена для рядовых граждан?

На пути к неизбежности

Есть, впрочем, и конкретные факторы, которые ускоряют конец системы. В первую очередь это несменяемость правящей команды. Коль скоро нет политической конкуренции, не может быть и развития. Насколько важно, кто персонифицирует власть? Судите сами: Путин, являясь отражением определенности (мы знаем, чего от него ожидать), может ускорить процессы разложения. В свою очередь, Дмитрий Медведев с его размытостью позиции и склонностью к мимикрии либо другой путинский преемник с таким же амплуа может их замедлить. Но что лучше для России: быстрое или медленное загнивание? Впрочем, медведевский сценарий будущего является уже исключительно игрой воображения.

Оформленный Путиным режим, который опирается на силовые структуры и их контроль над собственностью, является генетически репрессивным, не способным к модернизации. Такого рода режимы не только обречены сами, но и тянут за собой в пропасть государство, которое они олицетворяют.

Еще одним фактором упадка является заикленность аппарата власти, и в первую очередь силовиков, на собственном обогащении. Все цивилизации погибали, когда их элиты начинали думать о своем кошельке. Более того, падение ускоряли именно силовики, если они отвлекались на осуществление своих экономических интересов и уже не могли защищать систему. И Спарта, и Османская империя были непобедимы, пока спартанцы и янычары не занялись торговлей.

Отражением упадка становится обвал советской технологической инфраструктуры. Очередная ирония: до сих пор мы выживаем благодаря СССР! Но теперь самолеты, поезда, корабли, шахты, дороги, предприятия — все это советское наследие становится не просто обузой, но и угрозой жизни населения.

«Кущевский синдром», многожды повторенный по всей России, т. е. переплетение криминала, бизнеса, власти и репрессивных органов, является еще одним подтверждением деградации системы — она не может функционировать даже по своим правилам.

Почему власть не может расчистить свои конюшни и остановить беспредел? Почему верхи спасают «шестерок», которые засветились в деле Магнитского, даже ценой огромных репутационных потерь для режима? Дело не в том, что верхи замешаны в каждом преступлении и потому власть опасается начать распутывать клубок. Дело в другом: любая чистка подрывает «вертикаль». Нарушается принцип: лояльность аппарата гарантируется

его безнаказанностью. Сегодня этот принцип дополнен криминальной круговой порукой власти и обслуживающих ее структур, что означает вступление системы в стадию деградации.

«Дело Ходорковского – Лебедева» говорит о существовании другого закона системы: «Демонстрируй кулак!» И поэтому Путин, сделав Ходорковского с Лебедевым системным критерием своего всевластия, не может их освободить: их освобождение будет воспринято как конец путинской эпохи.

Законы «русской матрицы», наложенные на фобии и ущербность правителей, делают саму систему и античеловечной, и антиобщественной, и антинациональной.

Сегодня Россия не знает, что делать с милитаризмом, который является составляющей генетического кода системы. Элита, интегрировавшая себя в Запад в личном качестве, не хочет столкновений со своим старым оппонентом. Но, не имея другого механизма консолидации общества, ей приходится продолжать и даже активизировать милитаристско-державническую мантру и поиск врага. Покупка французских авианосцев «Мистраль» (для отпора кому?), антинатовская риторика (превращение ОДКБ в противовес НАТО), бряцание ядерным щитом, милитаризация бюджета — все это из старого арсенала выживания. Воссоздание «фронтového» духа внутри страны перед выборами 2011–2012 гг. — еще одно проявление милитаристского мышления власти (которое пытаются воспроизводить и другие общественные силы). Между тем обращение к милитаристскому духу всегда было толчком к самоубийству наций.

О тупиковом векторе говорит и страсть власти к мегапроектам — от Олимпиады в Сочи до саммита АТЭС и мирового футбольного чемпионата. Ни одна страна с ответственной властью не пошла бы на это, не решив жизненных проблем своего населения. Прочитую Тойнби: «Когда общество, переживающее упадок, стремится отодвинуть день и час своей кончины, направляя свою жизненную энергию на проекты гигантского размаха, это есть не что иное, как стремление обмануть неизбежную судьбу...»

Наконец, исчерпал себя и такой элемент воспроизводства единовластия, как заимствование западных технологий. Внедрение технологических новшеств нового поколения требует свободного общества и свободного индивида. Примером успешных технологических заимствований является Южная Корея — но там техническая модернизация стала работать только после того, как страна перевела себя на правовые нормы. Жалкая попытка

создать закрытую «зону модернизации» в виде Сколково подтверждает, что прежняя модель поддержания жизни единовластия не работает.

Да, Россия стоит перед вызовами, согласится неисправимый оптимист. Но ведь и Запад тоже оказался перед вызовами, на которые он не знает, как ответить! Верно. Причем западная цивилизация переживает стагнацию не первый раз. Освальд Шпенглер еще в прошлом веке задумывался о «Закате Европы». Но способность либеральной цивилизации находить импульсы в свободе личности вселяет надежду, что и на этот раз она выйдет из прострации.

Тем временем российская элита пытается сохранить в стране равновесие за счет создания фантомных вызовов и имитации ответа на них. Вместо того чтобы формировать условия для подъема благополучия общества, российская элита борется с НАТО, готовится к отражению ядерного нападения и даже к ядерным войнам (смотри Военную доктрину РФ), стремится держать под контролем окружающие государства, вычищает собственную сцену от оппонентов и при этом тратит огромные средства на то, чтобы создать имидж цивилизованной страны.

Российский правящий класс не только лишает общество жизнеспособности. Он строит западню для себя. Ведь самым успешным механизмом самосохранения (в том числе и элиты), который выработало человечество, является свободная конкуренция. Как только восточноевропейские элиты договорились, что они не будут держаться за власть, они гарантировали и развитие своему обществу, и собственную безопасность. Тот факт, что российская правящая команда пытается обеспечить для себя нескончаемую (пожизненную!) монополию, свидетельствует о ее неуверенности и неспособности управлять свободным обществом. Монополия означает необходимость ее постоянно защищать и невозможность спокойно покинуть власть, не опасаясь за свою жизнь. Это замкнутый круг, и вырваться из него без страха за личную безопасность удалось пока только Михаилу Горбачеву. Судьба арабских правителей, потерявших власть либо вынужденных ее отчаянно защищать, не может не вызывать у российских правителей тревожных мыслей. Если они надеются, что им удастся избежать участи других «единодержцев», то придется их расстроить: за последние 20 лет не было примера удачного конца единовластия. Кремлевские хозяева уже упустили шанс кончить так, как, скажем, филиппинский президент Маркос и тунииский президент Бен Али, которые нашли убежище за пределами своих стран. Можно было использовать

медведевскую паузу для поиска механизма, который гарантировал бы правящей команде личную безопасность и возможность покинуть Россию. Это создало бы условия для мирного выхода из стремительно деградирующей системы. Правящая команда решила играть до конца, тем самым обрекая страну на драматический сценарий...

«Новая газета», 12 сентября 2011

Тенденции, которые оформились после протестов 2011–2012 гг., подтвердили неспособность власти и системы к обновлению и готовность Кремля забетонировать общество, чтобы ликвидировать любую возможность вызовов и сопротивления. Все перечисленные в статье факторы деградации и упадка продолжают работать, став только более очевидными. Процесс загнивания правящей элиты и политической конструкции, которую эта элита соорудила, продолжается.

В то же время российская власть продемонстрировала способность к поискам новых форм выживания. Но механизм выживания, к которому власть обратилась после 2011 г., только подтвердил: правящая команда копает себе могилу. Система, которую укрепляет Кремль, не способна к саморазвитию, ибо развитие угрожает ее стабильности.

События, произошедшие с нами в 2011–2012 гг., заставили меня пересмотреть свои прежние ощущения безнадежности и обреченности. Оказывается, часть общества жива; она демонстрирует эмоции, чувства и способность если не к организованному сопротивлению, то по крайней мере к проявлению своего несогласия с властью. А значит, у России есть будущее! Видите, чем дальше я продвигаюсь, тем больше избавляюсь от своего нытья по поводу нашей беспомощности. Правда, источник моего возрастающего оптимизма все же не в нашей способности строить антикремлевский проект. А в растущем понимании российским обществом ущербности кремлевского проекта...

ПРОТЕСТ 2011–2012 гг.: ПРОТИВ ВЛАСТИ ИЛИ ПРОТИВ СИСТЕМЫ?

Первый в период путинского правления массовый протест застал врасплох и российский режим, и российское общество, и российскую оппозицию. Но так было везде и всегда. Социальные и политические взрывы, даже те, которых давно ждут, обычно происходят неожиданно. Подтверждений тому множество: и украинская «оранжевая» революция, и грузинская революция «роз», и революция «тюльпанов» Кыргызстане, и «арабская весна», и массовые протесты 2013 г. в Турции, Бразилии, Болгарии, Боснии.

Первый российский протест в путинское время стал для власти, несомненно, шоком, прервав безмятежность ее самодовольного существования. Однако этот протест по своему содержанию не был направлен на демонтаж самодержавия. То было вышедшее на поверхность недовольство городских слоев, причем вполне обеспеченных слоев и прежде всего в Москве, тем, что власть демонстративным и унижительным для общества способом дала ему понять: «Мы будем править, как мы хотим и сколько мы хотим. Нам плевать, что вы о нас думаете!» В Кремле полагали, что подданные продолжают свою полудрему. Причем, вот это «плевать!» означало новое качество политического режима: власти стало безразлично, что о ней думает население. Власть собиралась править, не тратя особых усилий на имитацию нормальности и цивилизованности. Кремлю стало лень, недосуг, и в кремлевских коридорах возобладало чувство агрессивной самоуверенности.

Что конкретно послужило толчком к протесту? Возвращение Путина в Кремль, которое произошло в виде келейной сделки внутри правящей команды и манипуляций с выборами и их результатами для того, чтобы придать этой сделке чисто поверхностную легитимность.

Ни одна идеологическая сила — ни либералы, ни левые, ни националисты — не преуспела в политическом структурировании протеста и в управлении им. Впрочем, идеология в протестном порыве играла второстепенную роль.

Можно ли считать движущей силой протеста средний класс? Думаю, что нет. В России средний класс в традиционном смысле этого слова, как социальный слой, не зависимый от государства и осознающий свои корпоративные интересы, так и не успел оформиться. На российскую улицу в декабре 2011 г. вышли те, кого вскоре назвали «рассерженные горожане». Этот термин вполне корректно определяет ту аморфную социальную общность, которая тогда проснулась и в которую входили представители самых разных профессий и носители разных социальных ролей.

Известные интеллектуалы и гламурные лица стали голосом и символом декабрьского протеста 2011 г. — «декабризма». Именно гражданская инициатива, а не политическая оппозиция, в ситуации, когда политическое поле оставалось фрагментированным и аморфным, стала важнейшим фактором мобилизации «рассерженных горожан». По крайней мере в декабре 2011 г. — марте 2012 г. в основном интеллектуалы, люди творческих профессий, а не политическая оппозиция, выступили рупором в большинстве своем все еще не политизированных людей. В первых рядах протестных маршей шли политики — Борис Немцов, Михаил Касьянов, Владимир Рыжков, Гарри Каспаров, Сергей Удальцов, Геннадий и Дмитрий Гудковы, Илья Пономарев, Сергей Митрохин, Константин Крылов, Владимир Тор. Либералы, в частности Владимир Рыжков, были ведущими самых массовых митингов. Но не политики привлекали людей, вышедших на улицы. Их в большей степени привлекали неполитические публичные лица. Либо (может быть, даже в большей мере) стремление быть вместе, ощутить общность с другими, которые думали либо чувствовали то же самое.

Борис Акунин, Дмитрий Быков, Леонид Парфенов, Сергей Пархоменко, Виктор Шендерович, Ольга Романова, Лия Ахеджакова, Евгений Ясин и другие представители творческой и экспертной интеллигенции, многие из которых до этого момента не числились в политической оппозиции, присоединившись к протестным митингам, способствовали расширению общественной базы протестного движения, став его публичным лицом. Наличие в протестном движении известных и популярных интеллектуалов и людей творческих профессий сделало сам протест легитимным событием среди людей вполне системных, людей конформистского склада.

Присутствие и даже активное участие, особенно в первой фазе протестных событий, некоторых лиц российского гламура, представителей бизнеса и политического класса сделало этот протест модным даже в совсем не политизированной и совсем не оппозиционной среде. Хотя, как вскоре станет ясно, расширение массовости протеста за счет популярных персонажей, которые оставались включенными в систему, вряд ли расширило его поддержку в «Большой России», т. е. за пределами московской кольцевой дороги, и вряд ли облегчило его консолидацию.

Попытка «сделать» массовость за счет снижения политического накала и уровня требований, возможно, соответствовала настроениям кабинетных «хомячков» и другой неполитизированной аудитории. Но она противоречила логике общественного протеста как несогласия с властью, которая требовала не только его политической организации. Эта логика диктовала эскалацию требований, которые заставляли бы власть осознавать, что за счет обычной имитации ответа на сей раз не отвертеться.

Вышедшие на улицу «рассерженные горожане» требовали повышения своего статуса, признания своих (именно своих) прав и честного суда, который мог бы им гарантировать соблюдение их прав. Вот самое важное: они требовали свободы и честных выборов в рамках нечестной и несвободной системы.

Саму систему самодержавия большинство протестующих опасались трогать. Они не были готовы ни к ее слому, ни к ее трансформации. Они все еще, видимо, надеялись улучшить власть и уговорить (заставить?) ее вести себя прилично и в соответствии с законом. Они пытались достучаться до власти и убедить ее начать перемены.

Кирилл Рогов, думаю, правильно уловил настроения протестного «класса» (хотя эти люди не были консолидированы в социальную общность), который тогда вышел на улицы: «Они считают ее (путинскую эпоху. — Л. Ш.) вполне успешной, но хотят двигаться дальше. От путинских спецопераций и самодержавия, от сверхцентрализации и экстралегальности они хотят возвращения к некоей нормальности — легальности и сбалансированности».

Требования протестующих нашли отражение в заявлениях и выступлениях ораторов на протестных митингах, тех, кто стал признанным выразителем взглядов и настроений

«Болотной» и «Сахарова». Ораторы акцентировали одну тему — гражданственность протеста. Они не хотели его политизации. Они не хотели идти ни под какие политические знамена, избегали роли идеологов. Никакой политики и никакой борьбы за власть — вот их кредо.

Даже требование «Путин, уходи!» являлось вполне системным требованием, ибо оно не означало изменения принципов, на которых строится система. Словом, протест был направлен на очищение системы. Он был антипутинским, конечно. Ибо протестующие уже не верили, что Путин обеспечит для них их понимание нормальной жизни и желаемого уровня жизни. Но этот протест оставался системным протестом. Люди требовали честных и прозрачных выборов, но в рамках правил, которые обеспечивали монополию на власть. Монополию на власть никто не трогал! Вынесенные волной протеста наверх протестные лидеры не призывали менять систему. У них вообще, кроме недовольства Путиным, вначале не имелось убедительной повестки дня.

И в этом заключался парадокс тогдашнего протеста. Те, кто вышел на улицу, еще не сознавали, что монополия на власть не давала возможности провести честные выборы.

Вот что писал Игорь Клямкин в предисловии к новому изданию их книги с Александром Ахиезером и Игорем Яковенко «История России: Конец или новое начало?»: «Остановлюсь лишь на самом лозунге “честных выборов”. Будучи по своей направленности политическим, он, однако, многими протестующими, если не большинством, таковым не воспринимался. Наоборот, люди, по предварительной договоренности в социальных сетях выходившие на улицы и площади Москвы (в других городах митинговая волна была намного слабее), подчеркивали свою принципиальную аполитичность и нежелание идентифицировать себя с именами оппозиционных политиков. И уже одно это (хотя, разумеется, и не только это) было симптомом скорого спада протестной активности: движение, чужавшееся политической субъектности и политического лидерства, не могло стать исторически результативным... Оно несло в себе недовольство персонами, играющими не по правилам, но не запрос на институциональные изменения, которые бы такую игру блокировали».

Давайте посмотрим, какие лозунги выдвигали ораторы на протестных митингах и какие лозунги имели наибольшую

поддержку среди демонстрантов. Вот самый популярный тогда «лозунговый» набор: «У нас украли голоса!», «Мы за честные выборы!», «Россия будет свободной!», «Один за всех, и все за одного!», «Не забудем — не простим!», «Единая Россия — партия жуликов и воров!». В дальнейшем к этим лозунгам добавились следующие: «Долой Диктатуру!», «Свободу политзаключенным!», «Досрочные перевыборы!».

Как видите, это были боевые и динамичные лозунги. Однако данные лозунги и «кричалки» требовали очищения самодержавия, но не его демонтажа.

Правда, на последнем в то время массовом митинге 12 июня 2012 г. именно политики предложили собравшимся «Манифест Свободной России», уже выражавший политическую повестку и определявший задачи, которые обществу нужно реализовывать «после Путина». В манифесте в качестве «главных мер» строительства Свободной России предлагались и выборы, и разработка новой Конституции. Последнее означало переход к антисистемному протесту. Хотя авторы манифеста до конца не определились в своем отношении к самодержавной конституции. Так, в том же документе говорилось, что необходимо «провести демонтаж политического устройства (самодержавия. — *Л. Ш.*) в рамках действующей конституции». Но все дело в том, что действующая конституция включала встроенные в нее механизмы, которые блокировали любой подкоп под персоналистскую власть. И все же этот манифест представлял собой огромный прорыв в направлении политического структурирования протеста. Однако он был сделан, когда протест начал выдыхаться.

Наиболее активные представители «гражданского» крыла, доминировавшего в протестном движении, создали структуры, задачей которых стал контроль над выборами, — «Лига избирателей» и «Гражданин наблюдатель». Тысячи наблюдателей, которые пришли на избирательные участки, были кошмаром для власти. Добытые в процессе наблюдения над парламентскими и президентскими выборами 2011–2012 гг. доказательства их фальсификации стали ударом по легитимности власти, и прежде всего лично Владимира Путина.

Осенью 2012 г. активисты и организаторы протеста создали свой координирующий орган — Координационный совет оппозиции, избранный в ходе демократической процедуры голосования и включивший представителей не только

либеральных сил, но и левых и националистов. К сожалению, КС так и не стал реальным координатором протестной активности. Даже не потому, что был сформирован, когда эта активность пошла на убыль. Хотя и этот факт имел значение. Причина паралича, в котором оказался КС практически с момента его создания, структурная: вся энергия организаторов ушла сперва на разработку демократического и честного механизма его избрания, а затем на определение регламента его работы. Следовало начинать с другого — с определения программы деятельности, поиска консенсуса среди кандидатов относительно основных целей, которых они собирались добиваться посредством протестных акций. Вначале стоило решить, будет ли протестное движение добиваться улучшения системы либо попытается предложить обществу программу демонтажа самодержавия и строительства новой системы. Организаторы КС избрали другой подход — сначала всех изберем, а потом решим, что будем делать. Получилось то, что и должно было получиться, — Ноев Ковчег, в котором оказались идеологически непримиримые люди. Ну, что же, неудачный опыт, пожалуй, даже ценнее успешного.

Пусть с созданием координирующих структур протестантам не повезло. Но они сумели совершить другой прорыв. То, что сделали гражданские активисты — Борис Акунин, Дмитрий Орешкин, Евгения Чирикова, Ольга Романова и другие — в период первой протестной волны, конечно, помогло разбудить дремавшее городское общество. Хотя отдадим должное политикам и политическим силам, в первую очередь движению «Солидарность», РПП–ПАРНАС, «Яблоку», Левому фронту. Без их актива и организационных усилий вряд ли протестная волна состоялась бы в организованном виде. Нужно, однако, признать, что не политические партии и не политики тогда собрали столь массовую аудиторию — ее собрали гражданские лица, не связанные с политикой. Что говорило о запросах недовольных в тот период, которые не хотели ассоциироваться ни с одной политической партией.

Общественный протест и возникшие под его влиянием гражданские инициативы позволили расшевелить общество и подтолкнуть его недовольные и сердитые слои занять более активную гражданскую позицию. Но одновременно опыт первого массового протеста продемонстрировал, что движение с доминированием гражданского недовольства не смогло за-

ставить власть соблюдать формальные правила. «Декабризм» потерпел неудачу. «Декабризм» не мог победить на том этапе и с теми лозунгами. Хотя бы потому, что его инициаторы и активисты по-разному смотрели на его цели. Однако, чтобы российское общество перешло к политическому протесту с четкой повесткой дня и организацией, нужно было, видимо, пройти этап гражданского недовольства. Все зависит от того, какие выводы общество и оппозиция сделают из того времени.

В любом случае роль гражданских лидеров протеста себя исчерпала. По крайней мере на данный исторический момент. Они не стали ни политиками, ни революционерами, ни персонификаторами антисистемного — подчеркиваю, антисистемного — общественного недовольства. Все они оставались критически мыслящими людьми и не упускали возможность выразить недовольство властью и даже подвергнуть ее резкой критике. Но, за редким исключением, они не пытались выйти за пределы своих профессиональных ролей и вступить в жесткое противостояние с властью, как сделали в свое время, скажем, Вацлав Гавел или Адам Михник. Подавляющее большинство интеллектуалов-протестантов остались в своей гражданской нише — системных недовольных.

Могли ли мы требовать от Акунина либо Парфенова чего-то другого? Конечно же, нет! Символы гражданской инициативы сыграли свою роль. Интеллигенты-протестанты облегчили формирование критического фермента. Они сумели помочь разбудить, наконец, часть общества, сделать идею несогласия с властью общепринятой, даже популярной идеей и фактором общественной жизни. Одновременно они продемонстрировали пределы гражданского недовольства, которое достигло своего апогея и вряд ли могло стать источником новой волны протеста либо толчком к ней.

Приходится констатировать, что интеллектуалы, которые в глазах общества приобрели роль выразителя общественного протеста, могут сыграть и отрицательную роль. Это произойдет, если они продолжат убеждать общество и тех, кто им верит и доверяет, что российскую власть можно изменить к лучшему, не меняя ее принципов и без политической борьбы. В таком случае они превратятся в охранителей. Нередкий случай в мировой практике.

Какой путь изберут российские интеллектуалы, отождествившие себя с протестными настроениями? Поживем —

увидим. Период наступления реакции, в который вползла Россия,— время испытаний для всех нас. Но мы не можем требовать самопожертвования и революционного энтузиазма от тех, кто к этому не готов.

На протяжении 2012–2013 гг., в ситуации, когда Кремль начал политическую зачистку, можно было ощутить, как немалая часть интеллектуального сообщества уходит в тень, в привычное пространство тихого брюзжания. Но было бы преждевременно считать его уход с общественного поля окончательным. Даже представители «слоек», не готовые сопротивляться системе открыто, оставались несогласными. Таким образом, они расширяли пространство внутреннего сопротивления либо по крайней мере молчаливого отторжения системы. Особенно в крупных городах и среди наиболее динамичных слоев населения.

Конечно, продолжались и споры о том, чего требовать от власти. Было бы странно, если бы этих споров, причем ожесточенных, не было. На протяжении 2012 г. проявилось открытое противостояние с одной стороны тех, кто считал необходимым менять как власть, так и политическую систему, причем кардинальным способом, с другой стороны — тех, кто полагал, что можно ограничиться влиянием и частичными реформами внутри системы. Я назвала первых «революционерами», а вторых — «адаптантами». Хотя понимаю, что последнее определение могло звучать обидно для тех, кто заносился в эту графу.

В дальнейшем Андрей Илларионов предложил несколько иную, возможно, менее обидную терминологию. Вот что писал он в ноябре 2012 г., как всегда, разобрав суть спора со собственной ему методичностью:

«...Среди вопросов, обсуждаемых сейчас в КС (и во всем российском обществе), центральное место, несомненно, занимает вопрос о власти. Точнее: вопрос об отношении к нынешней власти... влиять на нее или изменять ее. Многими комментаторами предлагались различные варианты названий для сторонников двух позиций в этой дискуссии — “адаптанты”, “соглашатели” — с одной стороны, “революционеры”, “непримиримые” — с другой. Представляется, что корректными терминами являются термины “роялисты” (вариант: “лоялисты”) и “республиканцы”. В самом деле: суть жарко дебатированного вопроса заключается в том, могут ли граждане только “влиять на власть” (общаясь с ней путем петиций, воззваний, обращений, сепаратного лоббирования, частного коррумпирования,

решая с ней свои житейские вопросы во сне и наяву) или же граждане сами имеют право избирать (и, естественно, менять) власть в ходе честных выборов. В конечном счете вопрос сводится к тому, как участники дискуссии понимают природу нынешней власти в России. Сторонники “царско-божественного происхождения власти”, т. е. идеи, в соответствии с которой жители России могут лишь “влиять на власть”, оказываются, естественно, “роялистами” (“лоялистами”). Сторонники идеи, в соответствии с которой граждане сами имеют право выбирать (и менять) государственную власть, оказываются “республиканцами”. Вопрос о том, какой может (должна) быть будущая власть, какую политику она будет проводить — либеральную, левую, националистическую или какую-то иную, — является вопросом вторичным по отношению к первичному вопросу о том, каков источник государственной власти — царско-божественный или же гражданско-республиканский».

Соглашусь с этим разбором основного источника размежевания среди тех, кто пытался предложить повестку дня для протестного движения и шире — для гражданского общества и оппозиции. Принимаю илларионовские определения, как более строгие и не несущие эмоциональной окраски.

Благодаря влиянию на массмедиа, финансовые и организационные ресурсы лоялисты получили немалые возможности для выражения своей позиции. Республиканцы не имели ни достаточного ресурса, ни организованности, ни сплоченности, ни влияния на массовую аудиторию.

Лоялисты и республиканцы столкнулись в борьбе за влияние на Координационный совет оппозиции. Именно КС стал площадкой противоборства и более четкого оформления этих двух линий в политическом дискурсе. Их непримиримость заблокировала нахождение общей позиции КС. Но сам факт оформления конфликта между республиканцами и лоялистами можно считать позитивным явлением. Этот конфликт сделал более выпуклым ключевой вопрос, который в России должна будет решать любая оппозиция.

Я приведу основные тезисы тогдашней дискуссии и аргументы сторон.

Выражая мнение группы лоялистов («Группа граждан»), ее самый активный в тот момент член Ксения Собчак предложила сделать темой очередной протестной акции, которую должен был организовать КС, требование независимого суда

и выдвинула пять основных лозунгов момента, связанных с «честным судом»:

1. Выборность мировых судей и федеральных судей районного звена.

2. Запрет на работу судьями бывшим сотрудникам правоохранительных органов.

3. Повсеместное введение суда присяжных для тяжких преступлений.

4. Судебные округа не должны совпадать с административно-территориальным делением.

5. Обязать судей и их родственников публиковать декларации о доходах.

Сергей Пархоменко, в то время член той же группы, дополнил этот список следующими требованиями:

1. ДОЛОЙ «ПОДРЯД»! Отмена положения о «двух сроках» в ст. 81 Конституции РФ.

2. НЕЧЕГО ТУТ ЗАСИЖИВАТЬСЯ! Возвращение 4-летних сроков пребывания у власти Президента РФ и Государственной думы РФ.

3. ВЕРНИТЕ НАМ РЕФЕРЕНДУМ! Отмена положений ст. 5 Федерального закона «О референдуме», запрещающих ставить на голосование любые политически значимые вопросы.

4. КОНТРОЛЬ ЗА ВЫБОРАМИ — ИЗБИРАТЕЛЯМ! Обеспечение гарантий доступа граждан, выдвинутых общественными собраниями, в состав избирательных комиссий всех уровней (без нынешнего административного «фильтра», позволяющего отвергнуть любую кандидатуру).

Как видим, Сергей Пархоменко расширил собчаковский список. Но тоже остался в рамках требований «почистить» систему.

Их оппонент, представитель республиканской линии Андрей Пионтковский, так прокомментировал лозунги «Группы граждан» в ноябре 2012 г. (привожу в сокращенном виде):

«...Позиция Собчак относительно декабрьской акции протеста органично вытекает из той философии отношений оппозиции и власти, которую она неоднократно артикулировала как бы от имени “Группы граждан”: мы должны влиять на власть, вносить конструктивные предложения, готовиться к следующим выборам, заниматься малыми полезными делами и, главное, ни в коем случае не требовать отставки дяди Володи, что привело бы к маргинализации протестного дви-

жения. “Конструктивный” диалог с властью, но уже в сфере политической реформы, намечается и в наборе предложений гражданина Пархоменко... Весь политический гарнир, предлагаемый Пархоменко, так же неуместен сегодня, как и судебный гарнир Собчак... Замечательные лозунги для начала какой-нибудь оттепели, перестройки, перезагрузки... В сегодняшней российской реальности эти призывы — предложение пораженной сифилисом власти припудриться и до следующих выборов (через 5–6 лет) лечиться арбидолом... Оппозиции же оба гарнира нанесут серьезный психологический и политический ущерб. Мы требовали честных выборов. Выборы были вызывающе бесчестны. Тогда мы заявили, что власть нелегитимна и потребовали досрочных выборов. Власть обрушилась на нас с точечными репрессиями и готовится к более массовым и жестоким. И что же теперь предлагает нам группа граждан? Пойти на попятную. Демонстративно отказаться от нашей моральной и политической позиции непризнания нелегитимной власти и стараться влиять на эту власть своим конструктивным лепетом об уиках в 2018 году и мировых судьях. Если мы на это согласимся, у власти будут все основания презирать нас и делать с нами все, что угодно. Ей не нужны навязчивые прогрессисты-консультанты... Моральная капитуляция оппозиции символично закрепляется в концепции Собчак – Пархоменко конгениальным брендом “Юрьев День”. Какая замечательная проговорка по Фрейду. Умрите, Ксения и Сергей, лучше не скажете! “Юрьев День” — шествие группы крепостных граждан в поисках доброго барина».

Едко и зло, как всегда у Андрея Андреевича. Но по делу. Завязалась дискуссия, причем горячая. В своем ответе Пионтковскому и республиканцам Собчак предложила своеобразный «манифест» лоялистов. Вот его основные тезисы:

«...Лично моя цель — сделать протест популярным. Власть боится не суровых лозунгов и статей коллеги Пионтковского, а только массовости. Соответственно все наши силы должны быть брошены для решения именно этой задачи... Я твердо убеждена, что на данном историческом этапе нам надо увеличивать численность, не отпугивая рассерженных горожан радикальными лозунгами, а думая об их прямых интересах. Эти люди уже явно показали нам, как говорится, “ногами”, что они за перестройку и эволюцию власти, но против революции...»

Короче: нужно повысить массовость протестного движения, а для этого нужна умеренность требований в адрес власти. Словом, никакой пугающей революционности!

В этом «манифесте» чувствовались коллективная рука и коллективные усилия. Несомненно, «список», который артикулировала Собчак, выражал интересы весьма влиятельной группы недовольных (либо не совсем довольных), ставших активной силой общественного протеста и пытавшихся его структурировать в соответствии со своими взглядами. Эти недовольные действительно ничего не хотели крушить. Сделав акцент на судебной системе и честности выборов, они тем самым подтвердили, что они не против монополии на власть. Они даже не упоминали монополию на власть, что позволило без колебаний отнести их к лоялистам. Они, видно, были готовы жить при самодержавии, но хотели бы его упорядочить при помощи независимого суда, выборных судей, референдумов и контроля над выборами, а также ограничения пребывания у власти национального лидера. Они явно надеялись, что всех этих хороших вещей можно было добиться при сохранении в Кремле лидера, которому Конституция предоставляла полный контроль над политикой и обществом и которому та же Конституция дала право быть совершенно бесконтрольным!

Возникает естественный вопрос: с какой стати лидер соглашлся бы на ограничение своих прав и возможностей? Где прецедент подобного поведения в истории? Если даже мы его и найдем, с какой стати Путин последовал бы благородному примеру? Только потому, что в Москве на улицу вышло 100 000 человек? Но ведь оставались миллионы, которые за него голосовали!

РАЗМЕЖЕВАТЬСЯ, ЧТОБЫ ОБЪЕДИНИТЬСЯ?

Я и сейчас считаю: несмотря на всю жесткость тогдашней полемики, хорошо, что она состоялась. Конечно, хотелось бы, чтобы страстей было поменьше. Но, увы, по-другому, видимо, мы еще спорить не научились. Эта полемика заставила стороны подумать над аргументами и выявила основную линию политического размежевания между системной и антисистемной оппозицией.

Выдержки из Пионтковского и полное послание Собчак были опубликованы на страницах «Новой газеты», где я имела честь прокомментировать обе позиции в статье, которую предлагаю ниже. Правда, в этой статье я еще использовала свою терминологию — «революционеры» и «адаптанты».

РАЗМЕЖЕВАТЬСЯ, ЧТОБЫ ОБЪЕДИНИТЬСЯ?

Координационный совет оппозиции, от которого ждут действий и который обвиняют в бездействии, совершил прорыв, пусть и непреднамеренно, в другом. Он дал возможность выплеснуться наружу конфликту, который тлел давно, парализуя оппозиционное поле. Речь идет о конфликте «революционеров» и «адаптантов». Первые — сторонники трансформации российской системы с ее конституционно-правовым и режимным обеспечением. Вторые призывают к влиянию на самодержавие, к диалогу с ним, к попыткам его очеловечивания через реформу его отдельных блоков.

На разных этапах развития новой России в конфликте между революционерами и адаптантами обычно побеждали последние. Они входили во все правительства при самодержавных президентах, начиная с Ельцина, либо работали в сфере обслуживания их власти, в том числе и в качестве системной «оппозиции». Они получали возможность пользоваться влиятельным медийным ресурсом. Они имели в распоряжении немалые финансовые средства. Именно им российское самодержавие обязано своей внутренней и международной легитимацией.

Но вовлечение адаптантов в сферу поддержки самодержавия привело к вполне определенным последствиям — дискредитации реформаторской идеи, и прежде всего либерального «пакета», коль скоро наиболее влиятельные адаптанты взяли на себя представительство либеральных идей. Адаптанты, а не сама власть, стали основным гробовщиком системной альтернативы в России.

«А что же революционеры — они что, совсем не виноваты в том, что с нами произошло?» — спросите вы. Да, революционеры не сумели противостоять конформистскому большинству. Не смогли выйти за пределы своего политического гетто. Оказались не готовы к разговору с обществом и кропотливой работе по формированию массовой поддержки для идеи строительства правового государства, когда в 90-е годы и в период первого президентства Путина у них была определенная свобода для самовыражения. Но их ответственность за то, что мы получили сегодня, неизмеримо меньше, хотя бы в силу их ограниченных возможностей влияния и жесткого подавления со стороны режима.

Сегодня давний конфликт между революционерами и адаптантами нашел выражение в столкновении платформ внутри Координационного совета оппозиции. Первые представлены либеральной группой, включающей Гарри Каспарова, Бориса Немцова, Андрея Илларионова и Андрея Пионтковского. Вторых представляет «Группа граждан» (ГГ, до этого — «Гражданская платформа»), взгляды которых представили (надеюсь, адекватно) Сергей Пархоменко и Ксения Собчак.

Речь идет о столкновении двух противоположных стратегических векторов. И это столкновение в той или иной форме существует внутри широкого оппозиционного поля, которое включает партии и разнообразные политические группировки. Причем вот главное: речь не идет о тактических либо идеологических различиях между либералами, левыми и умеренными националистами, которые вошли в КС. Критерием размежевания внутри Координационного совета является отношение его членов к системе самодержавия.

Что же говорят революционеры? Они утверждают, что российская система нереформоспособна и ее нужно трансформировать, т. е. менять правила игры и основные принципы, начиная с ее конституционной основы. Но при этом нужно искать пути ненасильственной, мирной трансформации системы власти, т. е. механизм российской «бархатной» революции.

Правда, мне думается, что революционерам нужно более четко акцентировать две вещи. Первое: уход Путина не означает

отказа от системы персоналистской власти, которая может себя продлить через формирование нового режима личной власти. Второе: смена системы требует конституционной реформы, и в первую очередь отказа от самодержавного президентства (ощущается, что пока не все представители этого лагеря выдвигают эту задачу как основную). Перед революционерами стоит и проблема поиска сочетания политических и социально-экономических требований, который должен расширить протестную базу оппозиции.

А теперь о том, чего требуют адаптанты. Их позиция была структурирована Сергеем Пархоменко и Ксенией Собчак и уже была подвергнута жесткой — и заслуженной — критике Андреем Пионтовским...

Предложения адаптантов укладываются в концепцию влияния на самодержавие. Собственно, это концепция, которую исповедовали и пытались осуществлять начиная с 1991 года все реформаторы, которые находились либо во власти, либо в окружении власти, либо оппонировали власти в рамках Думы.

Что значат предлагаемые «ГГ» конституционные изменения? Они означают возвращение к ельцинской Конституции, которая является основой нынешнего самодержавия. Именно эта Конституция ставит президента над обществом и остальными ветвями власти. Сколько президент, обладающий диктаторскими полномочиями, будет находиться во власти — 4 либо 6 лет, — не имеет значения. Он может сделать свое правление пожизненным, в частности через смену назначенных им преемников.

Что при системе конституционного самодержавия может изменить референдум, коль скоро исполнительная власть обеспечивает его результаты? Румынский диктатор Чаушеску, как, впрочем, и другие диктаторы, обожал референдумы, ибо они давали возможность имитации всенародной легитимации.

А требование предоставить контроль над выборами избирателям? Неужели кто-то всерьез думает, что это требование (скорее, просьба к власти) будет властью принято во внимание? Возможно, да. Но это будет означать, что власть найдет своих «избирателей», которые и будут ее контролировать, гарантируя Кремлю «определенность результата». Что касается предложений по судебной реформе, то они звучат постоянно все последние годы, и каков прогресс?

Сам тот факт, что адаптанты обращаются к власти, призывая ее улучшить себя, вести себя прилично и обеспечить свою

сменяемость, не требуя от Кремля демонополизации власти и немедленной отставки правящей команды, означает, что они признают эту власть легитимной. Но это не только отказ от требований митингов на Сахарова и Болотной, но и отказ от основного принципа создания Координационного совета как органа координации протестной активности, направленной против этой власти. Более того, характер выдвигаемой повестки, тем более «медийными фигурами», популярными в обществе, может создавать иллюзию, что эту власть действительно можно изменить влиянием и убеждением, отдельными шагами в отдельных сферах.

Представители адаптантов убеждают нас, что «люди за перестройку и эволюцию власти, но против революции». В таком случае и людям, и «Группе граждан» придется объяснять, что эволюция и перестройка самодержавия невозможны. О чем свидетельствует весь период нашей жизни после 1991 года. Самодержавие будет только загнивать и деградировать, что оно и делает. А результатом этой деградации может стать слепой и беспощадный бунт, чего опасаются (и правильно опасаются) наши «эволюционисты». Следовательно, единственным способом избежать этой неприятности является коренная структурная трансформация системы, которую ряд наших несистемных либералов называют «мирной и ненасильственной революцией». Если кого-то пугает слово «революция», давайте использовать понятие «трансформация».

Но создается впечатление, что противники таких перемен намеренно пытаются породить в обществе ассоциации с кровавыми революционными потрясениями прошлого века и создать видимость дихотомии: либо эволюция нашей власти, либо нечто ужасное. Заметим, что эта логика размышлений и страхов полностью совпадает с логикой запугивания, которую осуществляет Кремль. Как это ни покажется странным, сторонникам трансформации системы противостоят те, кто пришел в КС как гражданские активисты, отрицавшие свою связь с политикой (а некоторые даже интерес к политике). Сегодня «гражданские активисты» предложили откровенно политический выбор. Вопрос только в том, насколько те активисты, которые неожиданно политически «прозрели», осознают, что означает позиция, заявленная от их имени?

Впрочем, некоторые члены, видимо, понимают, чего они хотят. Они шли в КС, отрешиваясь от принадлежности к оппозиции, заявляя о своем стремлении «влиять на власть». В таком случае им нужно было присоединиться не к Координационному совету оппозиции, а войти в Общественную палату, президентский совет

по правам человека либо любую думскую партию. Ибо повестка дня, озвученная представителями «ГГ», вполне может быть поддержана прокремлевской элитой. А пути совершенствования судебной системы, выдвинутые «ГГ» в качестве основного лозунга следующего митинга, недавно обсуждались (причем в более структурированной и радикальной форме) на встрече президентского совета по правам человека с президентом.

Если Координационный совет примет предложения «ГГ», то он вполне может рассчитывать на то, что власть, включая президента, сочтет возможным участвовать в их обсуждении. Правда, можно с уверенностью сказать, каков будет результат. Таков, как и результат обсуждения предложений совета по правам человека: президент их выслушает и скажет: «Нужно подумать». А потом сделает по-своему. Как это произошло с законом о государственной измене.

В случае если Координационный совет одобрит идеи «ГГ», можно быть уверенным, что власть с удовольствием предоставит ему медиаресурс для их пропаганды. Даже странно, что до сих пор Кремль об этом не задумался. Или я ошибаюсь?

Представители «Группы граждан» могут в ответ возразить, что предложения революционеров столь же нереальны, как и их требования-просьбы. Да, соглашусь. Программа революционеров имеет мало шансов быть осуществленной в ближайшее время. Тем более что протестная волна спадает, и мечтать о том, что завтра общество выйдет на улицу требовать демонтажа системы, не приходится. Но ведь все дело в стратегической направленности. Программа трансформации системы нацеливает на перемены. Она помогает разделаться с иллюзиями относительно нынешнего порядка и возможности изменить его сверху. Этот вектор помогает консолидироваться во имя курса на будущий прорыв и позволяет осознать цену этого прорыва.

Программа адаптантов ориентирована на сохранение статус-кво с надеждой на его улучшение либо на повышение статуса определенных слоев внутри старого порядка.

Неужели тогда, скажете вы, нет возможности использовать во имя перемен системные механизмы — диалог с властью, выборы, политику «малых дел»? Почему же! Все зависит от того, как заставить системные механизмы работать на общество, а не на власть. Так, диалог с властью возможен только в ситуации равенства потенциала партнеров. Пока оппозиция не набрала веса для такого диалога. Что касается участия в выборах, то при сохранении монополии Кремля на властный ресурс у оппозиции есть

только один шанс — легитимировать успех власти. Но возможны ситуации (например, выборы мэра в Москве), когда оппозиция должна использовать легальную деятельность (если к тому времени она еще останется) для обращения к населению со своей программой.

А в целом размежевание, которое произошло внутри Координационного совета, само по себе позитивно. Коль скоро не удалось разрешить спор между системными и несистемными силами на других площадках, дискуссия в КС способна помочь политизированной части общества увидеть, что стоит за каждой позицией. Возможно, и сами адаптанты осознают моральные и политические издержки своей повестки. И, кстати, нынешнее размежевание должно заставить прошедших в КС «технологов», среди них и борцов с коррупцией, определиться наконец с идеологической ориентацией и с тем, на чьей они стороне (здесь я имела в виду Алексея Навального и его группу, которая в КС обычно голосовала и поддерживала лоялистов). В противном случае они могут стать еще одним препятствием на пути консолидации реальной оппозиции. Ведь до сих пор антикоррупционная активность, лишенная системных критериев, оказывалась средством воспроизводства личной власти, но во главе с новым персонификатором.

Приходится, впрочем, признать: существование внутри Координационного совета сторонников трансформации системы и сторонников облагораживания самовласти не дает возможности этому составу КС осуществить те задачи, для решения которых он был избран. Можно согласовывать различия в рамках одной стратегии. Но невозможно примирить непримиримое. Это стоит иметь в виду при создании будущего механизма координации оппозиционной активности.

Но при всех различиях представители дебатующих сторон согласны в одном: и те и другие поддерживают требование освобождения политических заключенных и прекращения политических репрессий, в первую очередь по «делу 6 мая». Призвать общество на митинг (демонстрацию) под этим лозунгом — дело чести Координационного совета. И не нужно делать этот митинг (демонстрацию) заложником пока не разрешенного стратегического конфликта.

«Новая газета», 19 ноября 2012

В разгар полемики между лоялистами и республиканцами «Новая газета» опубликовала письмо Михаила Ходорковского, который отреагировал на эту полемику. Он встал на сторо-

ну лоялистов. Ходорковский мог действительно считать, что систему можно реформировать, требуя справедливого суда. Правда, у меня есть некоторые сомнения в том, что Михаил Борисович в его положении, пройдя через то, что он прошел, серьезно верит в возможность честного суда при сохранении Путина во власти либо при любом самодержце в России. Как бы то ни было, Ходорковский поддержал требование «реалистичности» лозунгов, которое было требованием лоялистов. Он писал: «Я согласен с теми членами КСО, которые настаивают, что все лозунги должны быть реалистичными и реализуемыми в краткосрочной или среднесрочной перспективе. Заведомо неосуществимые идеи могут привести к быстрой дискредитации совета...» «Реалистичной» и «реализуемой» целью является реформа суда, говорил Ходорковский, повторяя доводы лоялистов.

Лозунг «реализуемости» и «реалистичности» вскоре станет лозунгом и аргументом тех, кто хотел постепенности и умеренности. Но давайте спросим себя: насколько формирование «честного суда» реалистичнее требования отказаться от монополии на власть? Придется повторять: «честный суд» в рамках монополии на власть заведомо невозможен. Да, соглашусь, что и отказ путинской команды от монополии на власть невозможен. Во всяком случае добровольный отказ. Власть никогда от своей монополии не откажется добровольно. Власть может отказаться от монополии только под давлением общества, причем массовым давлением. Российское общество к такому давлению пока не было готово — время не пришло.

Но требование отказа от монополии по крайней мере означает понимание того, при каких условиях возможен «честный суд». Требование отказа от монополии на власть означает выбор модели развития — в сторону приоритета прав личности и общества, а не подавления личности государством. Призывать же просто к реформе судебной системы, к референдумам, к контролю над выборами и даже не упоминать самодержавие означает уводить внимание общества от необходимости смены модели развития.

Лоялисты и республиканцы сталкивались еще не раз. Лоялистам не удалось стать центром консолидации протестного общественного мнения. В очередной раз надежды на частичные изменения внутри самодержавия оказались

призрачными. Надежды на повышение массовости протестного движения за счет снижения требований к власти также не дали результата.

Позиция республиканцев — сторонников трансформации системы получила больше поддержки в социальных сетях, которые становились все радикальнее. Но признаю и другое: республиканцы, кроме лозунгов, не смогли ни предложить концепцию трансформации, которая получила бы массовую общественную поддержку, ни убедить политическую оппозицию заняться ее разработкой. Так что на том этапе республиканцы не успели, не смогли, не попытались конвертировать момент общественного оживления в организацию широких дебатов о путях выхода России из самодержавия.

Весной 2012 г. протестная волна спала. Некоторое время еще продолжались отдельные ее всплески, но они не меняли сущности того, что наступало. Должно пройти некоторое время и возникнуть дистанция по отношению к недавнему прошлому, чтобы появилась возможность более спокойно и трезво оценить тот период и все, что за ним последовало. Но уже сейчас можно сделать предварительную, конечно, не окончательную оценку тогдашних событий.

Вначале об исторических параллелях. Первый российский протест путинской эпохи уже начали сравнивать с общественным подъемом на завершающем этапе существования СССР в 1989–1991 гг. и с «бархатными революциями» в Восточной Европе в 1989 г. При сравнении видишь, как различны эти протесты. Так, общественный взрыв в период горбачевской перестройки в конце 1980-х гг. не просто имел политическую направленность, но и бросал четкий вызов коммунистическому порядку. Требованием общества в тот период была отмена 6-й статьи Конституции СССР о «руководящей роли КПСС», т. е. отказ от монополии компартии. Да, общество тогда скорее демонстрировало стремление к демонтажу прежней системы. У общества и молодой оппозиции еще не было ясности, как строить новый порядок и новое государство. Однако общество не питало иллюзий относительно того, что советский строй можно исправить, скажем, за счет улучшения деятельности советских судов или введения честных выборов при сохранении монопольной роли компартии.

Если же речь идет о «бархатных революциях» в Восточной Европе в 1989 г., то они носили еще более откровенный анти-

системный характер, ибо их целью являлись разрушение властной монополии и строительство нового общества на основе политической конкуренции. На фоне тех событий российская протестная волна 2011–2012 гг. отличалась умеренным характером, и в ней отсутствовал трансформационный потенциал. Но эта волна сделала свое дело, встряхнув общество. Тогда власть победила, сумев взять себя в руки и приступив к бетонированию своих позиций. Но это была тактическая победа. Приближались новые столкновения общества с властью. Когда они могли произойти, было еще не ясно. Но они были неизбежны.

ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ?

В апреле 2012 г. я опубликовала в «Новой газете» (2012. 3 апр.) свои выводы об итогах российского протеста. Постараюсь коротко пересказать основные тезисы.

Я начала с того, что попыталась описать настроения в протестных кругах. Многим, особенно в либеральной среде, весной 2012 г. казалось, что власть пошла на уступки улице. Вот каков был вывод многих (большинства!) либеральных наблюдателей в то время: «Декабрьское движение — это победа гражданского общества!» Правда, имелись и другие мнения, в основном в левой среде. «Протест слили. Упущен исторический шанс!» — рефрен Эдуарда Лимонова. Впрочем, со своими стенаниями по поводу «слитого» протеста и «украденной» у него роли его лидера Лимонов оставался в одиночестве. Хорошо сказал по поводу лимоновского плача Виктор Шендерович: «У него украли роль Отелло!»

В среде либералов превалировал оптимистический настрой. Оптимисты твердили: под давлением митингов власть вынуждена пойти на либерализацию. Действительно, медведевский Кремль одобрил новое законодательство о партиях, заговорил о прямых выборах губернаторов и даже обещал созыв Конституционного собрания. Правда, непонятно для чего. Произошло невиданное: оппозиция приняла участие во встречах с президентом Медведевым, а самые радикальные оппозиционеры были допущены на телевидение. И главное — власть в тот момент отказалась от насилия в отношении протестантов!

Словом, создавалось впечатление, будто власть пошла на попятную, начав «российскую весну». Решающим аргументом, убедившим серьезных и критически мыслящих людей в том, что началась разгерметизация, стали поправки к закону о партиях, которые снижали потолок членства, необходимый для их регистрации. Именно этот закон дал возможность Сергею Алексашенко, Сергею Пархоменко, Матвею Ганаполь-

скому, Станиславу Белковскому, Андрею Колесникову, Сергею Удальцову, Дмитрию Гудкову и многим-многим другим выразить воодушевление (пусть и в разной степени). Вот что говорили перечисленные выше товарищи: «Вперед к покорению Думы, вперед к президентству! Поле для конкуренции увеличивается. Результат (протеста. — *Л. Ш.*) мы держим в руках. Закон играет скорее на руку оппозиции». Таковы были в то время настроения в экспертной и журналистской среде на либеральном фланге.

Признаюсь, этот оптимизм застал меня врасплох. Я не видела никаких — ну просто никаких! — оснований для воодушевления. Напротив, я считала предложенные властью законы, в том числе новый закон о партиях, откровенным издевательством. Они явно преследовали вполне понятную цель — успокоить «рассерженных горожан». Так, новый закон о партиях вместо создания оснований для политической конкуренции поощрял борьбу новичков друг с другом. Но отнюдь не с властью, монополия которой по-прежнему защищалась железобетонными непробиваемыми блоками. Это и разрешительный способ регистрации партий. И возможности Минюста под любым предлогом умертвить любую из партий. И сохранение контроля власти над избиркомами. Это и отказ в формировании избирательных блоков. Конечно, звучали и трезвые голоса, которые предупреждали: НЕ верьте и не обольщайтесь!! Например, Константин Мерзликин из РПР–ПАРНАС, который представлял оппозицию в «рабочей группе» Володина, созданной Медведевым и готовившей поправки к закону о партиях, уже вскоре заявил: «Профанация. У исполнительной власти остаются почти все инструменты произвола». Ни одна существенная поправка оппозиции, которая могла создать реальную конкуренцию для власти, так и не получила одобрения Кремля.

Словом, было непонятно, чему радоваться? Можно поздравить кремлевских технологов, которые предложили изящную комбинацию — разрешать все партии (и чем сильнее партийная толчея, тем лучше) и одновременно всех держать под прицелом минюстовского пистолета. Вскоре стало ясно, что даже разрешали не всех! У меня тогда возникло впечатление, будто власть даже не ожидала, что представители протестного движения и оппозиционеры все это дело воспримут с такой эйфорией. Оппозиционеры и протестанты выглядели как

мазохисты, сами напрашивающиеся на новый подарок в виде закона о «прямых» выборах губернаторов, естественно, с президентским фильтром, через который независимому кандидату не проскочить.

Что касается других доказательств «оттепели», то они приняли форму дозированного допуска в политическое и информационное пространство, в частности «в телевизор», избранных представителей оппозиции и гражданского общества. Этот допуск решал три задачи: во-первых, создать более цивилизованный имидж российских лидеров для внешнего употребления; во-вторых, дискредитировать оппозирующую сторону либо заставить ее выглядеть легковесной; в-третьих, вовлечь в сферу обслуживания власти новых лоялистов.

Собственно, мотивы тогдашней тактики власти были понятны. В преддверии инаугурации Путина, назначенной на май 2012 г., правящая команда решила снять недовольство жаждущих свобод граждан обещаниями либерализации. Путину была нужна инаугурация в спокойной Москве! Поэтому и сыпались кремлевские обещания, но все — сомнительного свойства, рассчитанные на наивность протестного сообщества либо на его готовность успокоиться.

В отношении же тех, кого подобная реформа не могла удовлетворить, в государственном арсенале имелись и другие меры воздействия. Вот что Дмитрий Песков, кремлевская «говорящая голова», сказал о тех, кто критикует Путина и пытается «повести за собой людей»: «Есть такой бизнес — всегда клеймить Путина. С кем они делают этот бизнес — отдельная история. Есть ли смысл с ними общаться и что-то объяснять? Думаю, что нет...» Это было предупреждение о том, что государство собирается принять другие меры в отношении неисправимых критиканов. Предупреждение о том, что уже готовилось.

Но пока Кремль решил сделать акцент на обволакивающим подходе. Этот подход работал великолепно! Оппоненты, которые являлись рупором протестного движения, фактически приняли кремлевские правила игры и позволили власти завлечь их на ее поле. На этом поле у них не было шансов победить. Медведев, внимательно слушающий в своей резиденции митинговых лидеров (кто бы еще недавно вообразил, что подобное возможно!), создавал новый облик власти, при этом ничего не давая взамен. Телевидение при помощи Гор-

дона с Соловьевым и НТВшников с «Честным понедельником» без особых усилий делало из оппозиционеров участников базара, который у аудитории оставляет недоумение: «Да они там все одинаковы!»

Скептики, наблюдавшие за этим действием, могли вопрошать: почему представители оппозиции и протестного движения пошли на диалог с Кремлем? Я объясняла их поведение следующим образом: в ситуации, когда власть не выполнила ни одного требования «Декабря», у лидеров протеста было естественное стремление найти хоть какие-то доказательства того, что люди, выходявшие на улицу, чего-то добились. Возможно, кое-кто из оппозиционеров и протестантов действительно верил, будто власть ощутила свою слабость и готова пойти на перемены. Они, видимо, размышляли так: лучше добиться таких перемен, сидя за столом, чем подставляя головы под полицейские дубинки. Этот ход размышлений понятен. Но он оказался ошибочен. Власть не собиралась идти на уступки протестантам.

Но правы ли были те, кто повторял, что протестное движение закончилось полным провалом? Я как тогда, в апреле 2012 г., так и сейчас уверена: нет, пессимисты были не правы. По моему мнению, «декабризм» завершил затянувшуюся в России паузу, продемонстрировав, что общество (или хотя бы часть общества) жизнеспособно. Общество начало выходить из спячки, в которую оно впало еще при Ельцине. На сцене появилось новое поколение, которому душно жить в чулане. Начался процесс делегитимации российской власти, остановить который невозможно без смены и правителей, и самой системы. Так что те, кто выходил на площади, и те, кто помогал организовывать «декабризм», открыли новую страницу в российской истории. Российское общество за несколько месяцев проделало путь, на который в другие времена потребовались бы десятилетия. Мы все приобрели неоценимый опыт. Но, прежде чем начать писать новую главу, нам нужно было этот опыт осмыслить.

Вот как я видела уроки общественных протестов — «декабризма» — весной 2012 г.:

«1. «Декабристская» повестка дня и ее лозунг «За честные выборы» сыграли свою роль, дав возможность населению получить наглядные доказательства узурпации власти со стороны правящей команды. Но нужно признать, что эта повестка дня,

как и сам лозунг, не имеют трансформационного ресурса, и в их нынешнем виде они начали работать на единовластие. Ну, какие могут быть честные выборы при монополизации власти?

2. Гражданские лидеры, несомненно, расширили базу протеста за счет прежде аполитичных слоев и внесли в сам процесс морально-этическое измерение. Между тем новое протестное движение нуждается в политизации как инструментов, так и лидерства.

3. Диалог оппозиции с властью всегда и везде был успешным (для оппозиции, конечно) только при одном условии: когда за ней стояло мощное общественное движение, заставлявшее власть идти на уступки. Диалог с позиции слабости завершается, как правило, танцем под кремлевскую дудку.

4. Ответственность за выбор оппозицией средств осуществления своих целей почти всегда несет сама власть. Наша правящая команда, цепляющаяся за монополию на власть, программирует общество на один способ поведения — выталакивает его на улицу.

5. Пора избавляться от эйфории по поводу социальных сетей и их роли в организации информационного и политического пространства. Сеть может вывести народ на улицу. Но она пока еще нигде не смогла сыграть роль объединителя людей в эффективную политическую организацию. Сеть — это еще и новая форма атомизации общества. А потому правы те, кто призывает вернуться к рутинной работе по организации партий и искать сочетание сетевых и политических инструментов.

6. “Нам не нужны ваши концепции, мы люди действия”, — говорят представители молодого поколения фрондеров. Словом, слезайте — мы сядем. Но можно ли заменить стратегию технологией? Как можно выходить на улицу, не задумываясь, какое государство и с какой конституцией ты хочешь построить? Если все сведется к борьбе “технологии протеста” с “технологией удержания власти”, то в этом столкновении у нового протеста нет шансов. Победит держатель более мощного ресурса, пока, конечно, он еще способен его удерживать.

7. Исключительно важна проблема, которую подняла Татьяна Ворожейкина (см.: Новая газета. 2012. 12 марта): как соединить протест городского населения с его акцентом на политические свободы и социальный протест остальной России? Увы, нынешний “Декабрь” проигнорировал Россию за пределами “Кольцевой”. И, если мы не перекинем мостик к этой Рос-

сии, она вновь начнет искать харизматического лидера и популистский ответ.

8. Не исключено, что прав и Владимир Пастухов (Полит.ру. 2012. 2 янв.): мы проскочили развилку, на которой еще можно было увести революцию “на запасный путь”. Возвращение Путина в Кремль является мощным ускорителем революционных событий хотя бы потому, что его лидерство означает: власть не допустит смены власти. Поэтому возвращение Путина в Кремль и не самый худший сценарий — лучше знать, чего ожидать. Любой другой лидер породил бы неопределенность (и надежды), что может только продлить агонию системы и сделать ее более мучительной».

К тогдашним своим выводам (ни от одного не отказываюсь) добавлю несколько новых, сделанных позже, которые, впрочем, являются продолжением сказанного.

Россия еще раз подтвердила, что гражданское возмущение без четкой политической программы, без наличия политической силы, способной оформить эту программу и придать протесту организационную основу, не может иметь успеха. Несомненно, эта политическая сила должна строить свою программу на основе консенсуса относительно механизма перемен, а не «супового набора» из эклектических лозунгов, которые выдвигаются для того, чтобы придать протесту массовость, но на деле не имеют реформаторского содержания.

Общественный протест не имеет шансов на успех, если его лидеры не готовы полностью посвятить себя политической деятельности. И, наконец, общественный протест обречен, если он не ведет к формированию общедемократического движения, которое включало бы все группировки, заинтересованные в демополизации власти и правовом государстве. Ни одна политическая сила в России — ни либералы, ни левые, ни националисты — не могут сегодня претендовать на монополию в протестном движении. Но либералы могут предложить этому движению объединительную идею — идею правового государства. Впрочем, для этого либералам еще придется сплотиться и вернуть себе доверие своих сторонников, изрядно растраченное.

В период общественного подъема вполне понятно, что все внимание мы сосредоточили на российской сцене. Между тем, вокруг России происходили не менее серьезные события,

которые говорили о том, что не только Россия, но и окружающий нас мир входит в новое время. Несмотря на то что Россия, Ближний Восток, Запад и молодые демократии находились в разных цивилизационных эшелонах, оказалось, что в столь разных обществах начался общий, перекрывающий все границы и различия процесс. Речь идет о появлении в самых разных странах поколения «новых рассерженных», которые вышли на улицы и площади, став потенциальной бомбой, способной в любой момент подорвать любые политические и государственные устои. «Новые рассерженные» вначале вышли на улицу в арабских странах. Затем они появились в Турции, Бразилии, Болгарии. Одновременно недовольство, пусть и не столь открытое и не столь эмоциональное и массовое, ощущалось в Париже и Афинах, Риме и Лиссабоне. Поначалу казалось, что это не связанные друг с другом события. Но потом стало очевидно, что в них есть общая мелодия: люди в демократических и авторитарных государствах выходили на митинги, требуя справедливости и свободы, борьбы с коррупцией и уважения человеческого и гражданского достоинства. Вне зависимости от политического режима протестанты были недовольны властью, но притом разочарованы и в оппозиции и не хотели отдавать свою поддержку ни одной из оппозиционных партий. Это было гражданское движение морально-нравственной направленности. Но так как оно выражало недовольство существующей политикой и политиками, то являлось и политическим, хотя и без политиков во главе.

Да, это были вспышки гнева, вылившегося на площади самых разных стран. В большинстве случаев власть с ними справилась, правда, не без насилия, но ограниченного. Однако причины, их вызвавшие, никуда не делись. Недовольство осталось тлеть до следующей вспышки.

Почему вдруг массовый протест охватил столь разные общества? Почему вдруг люди в таком массовом количестве разочаровались в институтах и лидерах?

Над этим еще предстоит думать. Можно бы сделать вывод о совпадении общественных циклов, что происходит крайне редко. Так, явно завершался очередной цикл в развитии либеральных демократий, которые вошли в кризис. Речь идет о кризисе модели либеральной демократии, т. е. механизмов осуществления либерально-демократических принципов. Демократии уже пережили два кризиса — в середине 1930-х и в 1970-х гг.,

и каждый раз кризис заставлял либеральные демократии обновлять модель экономики и политическую систему, что обеспечивало переход общества к новой стадии прогресса.

Но ведь недовольство охватило и молодые, совсем незрелые демократии — Турцию, Бразилию, Болгарию. Протест в ситуации, когда общество недовольно всеми существующими политическими организациями и не доверяет политике, если не отреагировать на эту проблему, может стать угрозой для демократических институтов.

Одновременно мы могли наблюдать и кризис авторитарных обществ в арабском мире, чего не все ожидали, полагая, будто арабское общество не способно размышлять о свободах и достоинстве личности. Оказалось, однако, что арабы хотели того же, чего сегодня хотят граждане в европейском обществе.

Начала оживать Россия. И вот неожиданность! Наиболее проницательные наблюдатели стали с тревогой поглядывать на Китай, который лет десять рассматривался в качестве примера стабильности и устойчивого роста. Между тем феноменальный китайский экономический рост закончился к 2013 г., и эксперты по Китаю, вдруг очнувшись, бросились делать вывод, что Китай исчерпывает свою устойчивость. Если учесть, что последний китайский общественный катаклизм произошел в 1989 г. (трагедия на площади Тянь Ань Мынь в Пекине), в момент бурного оживления и в СССР, и Восточной Европе, то китайская система, возможно, живет по тому же циклу, что и российская. Словом, просыпается Россия. Пошли трещины в китайской системе. Возможно, российское и китайское общества начнут подниматься в одно и то же время. Тогда выбор авторитарными гигантами своего нового пути станет решающим вызовом для человечества.

Но я отвлеклась. Вернусь к главному в данном контексте. Возникновение массового протестного движения, разочарованного в существующей политике и в политиках, означает и возможность появления в обществе тяги к новому популизму либо национал-популизму. На этой волне легко рождается стремление найти лидера с авторитарными наклонностями. Такие страны, как, скажем, Турция и Бразилия, уже имеют определенные демократические традиции, а следовательно, обладают противоядием, которое может нейтрализовать ностальгию по новому кандидату в деспоты. Но способна ли Россия уберечь себя от новой веры в Вождя?

События, которые пронесли за последние несколько лет, позволяют уточнить наше понимание сущности и российской политической системы, и политического режима. Стало ясно, что проведение различий между системой и режимом исключительно важно для понимания механизмов их выживания. Иначе мы не увидим противоречивую картину, когда система может выживать за счет падения режима и даже будет в этом заинтересована. Кстати, замечу, что в понятии «режим» нет ничего негативного, а тем более ругательного. Я использую это понятие в политологическом смысле — как способ правления конкретной правящей группы и конкретного лидера, который стоит во главе власти. Система — это более широкая совокупность привычек, традиций, состояния умов, настроений самых разных слоев, формальных и неформальных механизмов осуществления власти и организации общества.

Кремлю довольно быстро — еще в 2012 г. — удалось восстановить контроль над расплывающейся политической материей и нейтрализовать городское недовольство. Почему Кремль так легко справился с протестом? Да потому, что у него оставались существенные ресурсы, и потому, что это недовольство все еще не было массовым, но главное — не было политически оформленным. Общественный протест оказался для Кремля не опасным, скорее даже полезным. Да, именно полезным, заставив Кремль мобилизоваться и начать искать новые формы продолжения своей власти.

Правда, внешние признаки спокойствия, возобладавшего летом 2012 г., были обманчивы. Затишье в обществе, внутри которого начались турбулентные процессы, не могло быть долгим.

На интеллектуально-политическом поле не только в среде либерального меньшинства, но и по всему оппозирующему власти спектру постепенно начал формироваться консенсус относительно состояния и российской власти, и российской системы.

Давайте посмотрим, что по этому поводу говорили известные российские наблюдатели.

Георгий Сатаров: «...Отчетливо просматривается переход к “охранной диктатуре” со всеми вытекающими последствиями, включая непредсказуемость и взрывоопасность ситуации».

Кирилл Рогов: «Консервативная мобилизация из тактического превращается для Кремля в стратегический и идеологический проект, в центре которого — ревизия ценностей, ассоциируемых с Западом».

Дмитрий Орешкин: «...Пряник больше не работает. Позитивные стимулы для наращивания поддержки исчерпаны... В конце концов им (Кремлю. — *Л. Ш.*) придется создавать атмосферу тотального страха, когда все боялись — именно как при Сталине... Снова будут нужны еще большие репрессии, либо мы перейдем к брежневскому варианту, когда лидер сдавал и сдавал позиции, государство слабело и в итоге наступил крах...»

Любопытна эволюция вполне себе системных экспертов, которых еще недавно трудно было заподозрить в чересчур критическом настрое. В этой связи интересны доклады Центра стратегических разработок, сделанные под руководством его президента Михаила Дмитриева при участии Сергея Белановского. Доклады разрабатывались авторами, которых никак нельзя причислить к революционерам. Так вот: Дмитриев и его коллеги первыми предсказали взрыв общественного возмущения в 2011 г. Они первыми из системных авторов заговорили о падении доверия населения к власти и подтвердили этот вывод на фокус-группах еще до того, как протест вышел на поверхность. Они предупреждали и о вхождении России в политический кризис, и о возможности перехода кризиса в «острую и неуправляемую фазу».

В докладе, подготовленном в 2012 г. («Движущие силы и перспективы политической трансформации России в 2012 г.»), ЦСР заявил, что «существующая неконкурентная политическая система постепенно теряет способность к саморазвитию».

А вот еще более драматический анализ ситуации, неоднократно выдаваемый Глебом Павловским. В нем нет оригинальных выводов. Этот анализ любопытен другим: его делал бывший инсайдер, участвовавший в создании режима, который он теперь пытался анатомировать. Павловский, так же как

Дмитрий Орешкин (и многие другие), констатировал: да, режим будет поворачивать к репрессиям и тактике устрашения. Именно таким способом Кремль будет пытаться сохранить контроль над ситуацией. Послушаем Глеба Павловского:

«Из обломков управляемой демократии Кремль монтирует новую консолидированную власть... Монополия власти, импровизирующей смену своей модели, из подручных средств может рассчитывать только на страх... Процесс этот неуправляемый, хотя руководителям сверху видится иначе... Раньше были правила игры, которые соблюдались. Теперь этих правил нет... У власти нет плана; она снова, как 10 лет тому назад, импровизирует. Но тогда у импровизаций была модель, теперь нет... Нет былого путинского консенсуса общества и правящих элит, нет скрепляющей его путинской харизмы... Вчерашнее согласие рухнуло после рокировки 24 сентября и после Болотной — то есть после потери Путиным Москвы... Кремль сам лишил себя центральной роли — универсального защитника и гаранта стабильности».

Позволю себе сделать пару замечаний. С диагнозом Павловского можно согласиться. Интересна скорее психологическая картинка. Павловский не может избежать ностальгии по прошлому и своей роли в этом процессе: вот раньше — все было нормально; была стабильность; было согласие; была модель; была политика; был путинский консенсус. А теперь все полетело к черту... Причем Павловский никоим образом не чувствует ответственности за систему, которая летит в тар-тарары. Он не хочет признавать, что непосредственно причастен к формированию той логики, которую так беспощадно критикует. Неужели он тогда не мог предположить, к чему эта логика приведет? Да, видимо, у политехнологии — короткий горизонт обозрения...

Послушаем Сергея Караганова, близкого к Кремлю эксперта. Говорит он то, что говорят и российские оппозиционеры. Причем карагановская оценка тем более важна и весома, ибо она отражает то, что, видно, думают и другие (пусть не все) люди внутри этой системы:

«...Страна теряет вектор развития... Что сейчас? Некое безвременье, трясина, в которую все время прорываются какие-то идеи, темы, которые глупо и странно обсуждать в масштабах общества, страны... Мы подменяем задачи, которые нам давно надо бы решить».

Цитирование можно продолжать до бесконечности. Идея, повторяемая в бесчисленных высказываниях даже тех наблюдателей, которые вчера были вполне удовлетворены российской реальностью, одна: мы живем в нестабильном государстве, потерявшем устойчивость и вектор.

Но давайте все же конкретизируем: в каком состоянии оказались российская система и российская власть после того, как испытали встряску, пусть и не угрожавшую монополии этой власти?

ЛИДЕР ПРЕЖНИЙ, А РЕЖИМ ВЛАСТИ НОВЫЙ

Попытаюсь обобщить рассуждения — и свои собственные, и других авторов — относительно того, что происходит с российской системой и политическим режимом и на какой траектории находится Россия. Когда я писала эти заметки (осенью 2013 г.), пожалуй, уже никто не пытался утверждать, будто Россия находится на линии восхождения. Кроме разве что кремлевских пропагандистов, не опасавшихся выглядеть неадекватно. Да, многие избегали использовать слово «упадок», возможно, даже по причине психологической — некомфортно жить в период упадка! Однако вне зависимости от терминов и определений неприятная, вдобавок все более угрожающая правда была очевидной: система потеряла источники развития. Но какая основная тенденция выходила теперь в России на поверхность?

Даже близкие к власти аналитики и ранее осторожные наблюдатели начали твердить о кризисе без прежней осторожности. Понятие «кризис» стало широкоупотребительным, даже модным. Его перестали бояться. Давайте, однако, уточним, о каком кризисе может идти речь. Можем ли мы говорить о системном кризисе, т. е. кризисе правил игры и принципов организации власти и общества? Либо то, что переживает Россия, есть только кризис режима — способа управления со стороны определенной группы людей? А может быть, на поверхность вышли лишь некоторые проявления этого кризиса, пока не опасного для власти? А если так, идет ли речь о ситуативных явлениях либо долгоиграющих тенденциях? Может быть, мы просто преувеличиваем угрозы? Наконец, если признать, что Россия входит в кризис либо приближается к кризису, то что это за кризис — ведущий к новому подъему или свидетельствующий о необратимом упадке системы и самого общества?

Думаю, протестные события, заставшие путинский Кремль врасплох, дают нам основания сделать вывод, что самая динамичная часть городского населения отторгла нынешнее лидер-

ство — лидерство Владимира Путина. И даже уйдя с улицы, эта часть населения не изменила своего отношения к Путину и его власти. Налицо — кризис лидерства, пусть оно и отторгается всего лишь частью общества. Ведь речь идет об исключительно важных слоях, которые придают обществу драйв и способность к переменам! Кризис лидерства означает и неизбежный кризис режима, который обрамляет персоналистскую власть. Правда, надо признать, что путинский Кремль сумел снять острые проявления кризиса, пройдясь катком по политической сцене и тщательно ее утрамбовав. Но причины и истоки кризиса власти никуда не делись — они только загнаны внутрь и, возможно, на какое-то время подморожены. А когда начнется их размораживание — мы можем только гадать.

Давайте перечислим факторы, которые продолжают раскачивать российскую власть. Во-первых, правящая команда теряет социальную базу (хотя сохраняет свой традиционный электорат). Во-вторых, произошел необратимый подрыв легитимности режима среди политически мобильных слоев в крупных городах. В-третьих, появляются признаки недовольства режимом среди его политической опоры — как системных либералов, так и части бюрократии, которые начинают сомневаться в том, что путинский режим сможет гарантировать осуществление их интересов. В-четвертых, признаком наступления кризиса является тот факт, что режим вынужден все активнее прибегать к репрессивным мерам. В-пятых, ухудшающаяся экономическая ситуация сужает возможности патернализма и задабривания населения. В-шестых, мы видим политический режим, который осознанно делает акцент на деморализацию населения как способ сохранения своего контроля над ним.

Все это признаки вступления политического режима в полосу потери жизнеспособности. Но это еще не смерть нынешнего режима власти. Возможно, даже не последняя стадия его существования. Происходящие внутри общественной материи процессы способны вызвать разные и для власти, и для общества последствия. Они могут привести к полномасштабному кризису, а этот кризис — либо к обвалу власти, либо к ее трансформации. Могут стать источником длительного и беспросветного гниения — такой вариант развития не оставляет надежд на обновление власти и возрождение общества. А могут породить своеобразный гибрид — кризис в мегаполисах (прежде всего в Москве) и деградацию власти и общества в других регионах.

Именно так развивались события в СССР: в конце 1970-х гг. начали накапливаться проявления кризиса в Москве, но в других регионах можно было говорить скорее о процессах гниения.

На протяжении 2012–2013 гг. мы могли наблюдать, как политический режим отбросил прежнюю формулу выживания (о ней я говорила выше), которая была гораздо эклектичнее, и возвратился к русской классике, т. е. механизмам, к которым российская элита всегда обращалась в моменты, когда теряла свои позиции. Перечислим их:

- мобилизация за счет создания образа врага;
- реальная либо виртуальная милитаризация общественной и политической жизни;
- обращение к помощи церкви и ее включение в систему опорных механизмов власти;
- «национализация» элиты, т. е. требование Кремля, чтобы политический класс возвратил свои капиталы в Россию;
- превращение принципа лояльности лидеру в абсолютный, требующий постоянного подтверждения со стороны элиты.

В той или иной степени власть использовала большинство из этих механизмов и прежде, но в комбинации с имитационными средствами и не столь жестко и определенно. Сейчас они стали стержнем политической системы. Возврат к «классике» свидетельствует о переходе путинского режима в новое качество. Потрясение, которое испытал Кремль (конечно, потрясение!), когда люди вышли на улицы, оказалось недостаточно сильным ни для обвала власти, ни для ее реформирования. Но это потрясение послужило достаточным импульсом для власти, заставив ее искать пути укрепления своих позиций.

За годы своего первого правления (2000–2008) Путин перестроил мягкий авторитарный режим с олигархическим уклоном, который достался ему в наследство от Бориса Ельцина, в авторитарно-бюрократический режим с сильной персоналистской составляющей и подчинением бюрократии (и бизнеса) лидеру. В 2011–2013 гг. Кремль сумел за короткое время перейти от авторитарно-бюрократического режима к режиму, который условно можно определить как преторианский патримониальный. Я ввожу эти понятия для того, чтобы показать особенности российской власти и ее отличие от других авторитарных и диктаторских режимов.

Прежний режим власти в России опирался на имитацию демократии, относительную свободу деятельности общества, если оно не пыталось подрывать власть, возможность интеграции элиты в западное общество и сотрудничество власти с Западом при весьма слабой защите российской внутренней жизни от западного влияния.

Новый кремлевский режим переходит к опоре на иные принципы: открытые (пока выборочные) репрессии в отношении общества; отрицательное отношение лидера к интеграции элиты в Запад; сотрудничество с Западом на кремлевских условиях; жесткое сдерживание влияния Запада как внутри российского общества, так и на постсоветском пространстве. Если недавно Кремль определял вектор России как движение в Европу (правда, с массой оговорок), то теперь вектором Кремля стал возврат к России как «уникальной цивилизации».

В течение двух лет (2011–2012) была исчерпана модель властвования, которой пользовались Ельцин, Путин и Медведев и которая строилась на игре в имитации и создании надежд. На этом держался мягкий авторитарный режим с относительно низким порогом репрессивности. Собственно, решающий удар по нему нанесли даже не выборы и недовольство людей манипуляциями власти на этих выборах. Решающий удар нанес Дмитрий Медведев, который использовал по максимуму механизм «потемкинских деревень», порождая ожидания модернизации и либерализации даже среди скептически настроенной части населения. В ходе его президентства его модернистская риторика оказалась в резком несоответствии с практическими действиями. Ведь именно во времена Медведева началось ужесточение режима — власть пошла на изменение конституции, продлив срок полномочий президента и парламента до 6 и 5 лет соответственно, начав расширение полномочий репрессивных органов. Владимир Гельман справедливо писал об этом периоде: «Риторика властей стимулировала нарастание спроса на либерализацию и верховенство права, но сами власти не заботились о воплощении этих лозунгов в жизнь... В результате углублялся разрыв между общественным спросом и государственным предложением...»

Но что означает «преторианский» режим? — спросите вы. Используя понятие «преторианский», я хочу обратить внимание на основного носителя власти в современной России. Это представители силовой структуры — спецслужб — либо

близкие к ним люди, разделяющие их мировоззрение. Коро-че, представители профессионального слоя, который должен обслуживать и защищать власть, стали властью, чего никогда в российской истории не было (Юрий Андропов, руководитель КГБ, став руководителем советского государства, и не думал приводить к власти команду силовиков). Режимы силовиков существовали в разных странах. Но это были режимы, создаваемые чаще всего армией. Вопрос, в чем режим спецслужб отличается от армейского, — увлекательная тема. Но не буду на ней сейчас останавливаться. Преторианские режимы означают приход к власти представителей силовых структур, которые подчиняют себе все остальные правящие слои, в том числе и гражданскую бюрократию, а также общество.

Преторианцы правили в Бразилии, Таиланде, Турции, Чили и других странах. Пример недавнего преторианского режима — режим Мубарака в Египте. На первых порах преторианцы часто представляли интересы среднего класса, из которого вышли офицеры, заинтересованные в модернизации своих стран. Но затем преторианцы все чаще становились защитниками статус-кво. История показала, что силовики не могут управлять сложным и динамичным обществом; они стремятся к администрированию и рано или поздно начинают препятствовать прогрессу. Большинство преторианских режимов превращались в коррумпированные правления, которые падали в результате социального взрыва либо переворотов.

Повторю: в России не было традиции прихода к власти преторианцев. Путин и его команда — первые, кто это сделал. Правда, гражданскую традицию правления прервал Борис Ельцин. Именно его мы можем благодарить за этот подарок, который получила Россия, и еще не понятно, как она от него сумеет отделаться. Особо подчеркну — преторианский характер власти делает борьбу власти за выживание более ожесточенной и бескомпромиссной.

Понятие «патримониальный» в качестве дополнительной характеристики власти я ввожу для того, чтобы показать, что данная власть опирается на принцип вовлечения во власть только на основе лояльности, родства либо личной зависимости и преданности.

Можно спорить о временных сроках такого рода режимов. Совершенно очевидно, что они ограничены. Пока российский политический режим сумел себя консолидировать за счет пе-

реноса опоры на более традиционалистские слои, за счет введения тактики устрашения и наказания, за счет ликвидации импульсов, которые могут консолидировать общество на антисистемной основе. Но учтем логику, проверенную веками: отказ власти от обновления и ее стремление закупорить политические сосуды только откладывают итог, который не трудно предвидеть.

Готов ли обновленный за счет возврата в прошлое режим более активно двигаться в сторону тоталитаризма и откровенной диктатуры? Короче, готов ли Кремль перейти к полному подавлению общества и индивида? По-видимому, даже Кремль и его стратеги не в состоянии ответить на этот вопрос. Пока власть функционирует по принципу: «Ощутил опасность — бей!» Причем реагирует в первую очередь на то, что считает непосредственными угрозами для своей монополии. Вот как, видимо, размышляет Кремль. Угроза нашей информационной монополии? Зачистим прессу и ликвидируем свободу СМИ, но только тех, кто имеет широкую аудиторию, а мелочь оставим. Угроза манипуляциям на выборах? Ликвидируем неправительственные организации, которые этому препятствуют. Вот «Голос» нужно размазать. А остальные пусть еще копошатся, но мы их заставим постоянно чувствовать дыхание власти. Угроза со стороны политической оппозиции? Дискредитируем ее лидеров и посадим некоторых в назидание прочим либо дадим им условный срок. Других «подвесим» в неизвестности. Угроза массовых протестов? Выдернем из толпы рядовых участников и бросим в тюрьму — докажем, что каждый может быть на их месте.

Именно такова политика сдерживания и устрашения общества, которую Кремль взял на вооружение в 2012–2013 гг. Конечно, власть не сразу нашла оптимальную для себя формулу правления недовольным обществом. Она принялась экспериментировать. Начались подгонка, шлифовка, тестирование, в ходе которых Кремль пытался найти механизм властвования, гарантирующий контроль и устрашение, но не усиливающий сопротивление общественного материала.

Когда власть увидела, что устрашение и выборочные репрессии сыграли свою роль, т. е. удалось снять открытое недовольство и погасить уличную активность, она перешла к новой тактике, решив поставить эксперимент с выборочной конкуренцией, но без угрозы для власти. Собственно, это была

«конкуренция с петлей на шее». Власть решила позволить некоторые элементы политической борьбы и посмотреть, чем это обернется. Хотя явно сомневалась, до каких пределов можно допускать конкурентов, что находило выражение в ее подчас суматошных и необъяснимых действиях. Но власть четко знала, что ее оппоненты не могут выиграть, если нет гарантии, что их можно кооптировать во власть и усмирить.

Так, в Москве к мэрским выборам в сентябре 2013 г. был допущен Алексей Навальный — ему власть разрешила участвовать в выборах московского мэра, при этом дав гарантию, что он не избежит обвинительного приговора за якобы совершенное «мошенничество»! В ряде других городов к выборам допустили не угодных для местной элиты кандидатов. В Екатеринбурге таким «подопытным кроликом» стал харизматический Евгений Ройзман, которого местная власть терпеть не могла.

Это, конечно, издевательская форма «демократии». Этакая новая версия сурковской «суверенной демократии» для нового времени, которое означало для власти необходимость иметь дело с начавшим роптать обществом. Несомненно, когда кремлевские технологи власти увидят, что тактика «конкуренции без смены власти» не работает либо начала работать против власти, Кремль перейдет к новой тактике и начнет затягивать петлю. Собственно, это неизбежно...

Существует аксиома, которую нам предстоит еще увидеть, а кое-кому, возможно, ощутить на себе: власть, вставшая на путь насилия, пусть вначале и выборочного, не может изменить курс. Ее уже несет в определенном направлении; она должна постоянно доказывать свою силу и продолжать устрашать; любое послабление либо остановка политического катка немедленно вызовет консолидацию обиженных, притесненных или желающих реванша.

Вот как наблюдатель изнутри — Алексей Чеснаков, входивший в руководящие структуры «Единой России» (бывший заместитель секретаря генерального совета «Единой России»), — описывал эволюцию политического режима:

«...Серых зон и полутонов стало меньше. Более того, эти зоны и полутона не сами “отмирают”, они сознательно уничтожаются. Это стало задачей нынешней власти. А между тем настоящая политика всегда делается в серых зонах и полутонах. В черно-белом мире нет места политике. Есть только место войне. Выбранная стратегия имеет серьезный минус: она

сужает пространство для маневра. Выход предполагается только на последней остановке, как бы сильно вас ни тошнило. Власть, конечно, может повоевать с частью общества. Но, начав воевать по-серьезному, запустив машину подавления, она уже не сможет остановиться. И чем больше она будет использовать подавление несогласных как инструмент консолидации сторонников, тем хуже будет ей самой — она все больше будет зависеть от формируемых ею настроений и псевдореальности. Придется играть на самых низменных чувствах. В нашей истории это уже не раз бывало. В России политическая борьба — это не игра по правилам, не соревнование, это реальная борьба за выживание. По логике, следующей мишенью вслед за несогласными будут представители элиты и самой власти».

В то же время «закон репрессий», загоняющий любую власть, прибегнувшую к репрессиям, в узкий коридор насилия, из которого выбраться нельзя, всегда требует определенных условий. Механизм массовых репрессий нуждается в идеологии подавления и подчинения, которая бы их обосновывала и оправдывала; лояльном госаппарате, готовом поддержать лидера, переходящего к диктатуре; наличии боеспособных, а не развращенных силовых структур и их веры в лидера; поддержке режима со стороны отмобилизованной элиты. Есть ли все это у Кремля в наличии? А если пока нет, то может ли возникнуть этот «пакет насилия», когда и при каких условиях?

Учтем, что гниль, расползающаяся по всем этажам и отсекам «вертикали» — не лучшая среда для диктатуры. Сколько бы мы ни обвиняли Кремль в неадекватности (чаще всего оправданно), власть пока, видимо, не готова резко повернуть в сторону массового насилия, даже не потому, что осознает ограниченность административно-силового ресурса и возможные последствия для себя его использования. Власти, по крайней мере в момент написания этих строк, удавалось удерживать стабильность, используя устрашение и ограниченное насилие либо угрозу применения насилия. Мне могут возразить: разве политический процесс по делу Болотной либо процесс по делу Навального не являлись свидетельством перехода власти к кровожадности? Все так. Но было очевидно и стремление Кремля контролировать разгон репрессивной машины, применять силу и административный ресурс дозированно и по мере возникновения реальной угрозы власти.

Правда, было очевидно и другое: власть готовится и к более жестким действиям по защите своей монополии — каток не остановить. Не все мы это еще понимали. Возможно, даже во власти не все понимали неизбежность того, что должно было наступить — рано или поздно. Александр Подрабинек летом 2013 г. охарактеризовал создание лагерей для интернирования мигрантов как подготовку к массовой изоляции оппозиции и недовольных. Не исключено, что чутье его не обманывало... Конечно, те, кто создавал эти лагеря, могли в тот момент и не думать об их «мультифункциональности».

ИММОРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО?

Я пишу о настроениях и ощущениях на протяжении 2013 г. Вряд ли они могли быстро и радикально измениться. Скорее всего, речь идет о более стойких тенденциях.

Создавалось впечатление, именно впечатление, что власть еще не осознавала степень угроз, с которыми ей предстоит столкнуться в будущем. Многие из этих угроз недостаточно оформились. Но логика власти, коль скоро она решила продлить себя в бесконечность, заставляла ее идти все дальше в направлении ужесточения правления. Возможно, и без особого желания со стороны правящей команды либо ее отдельных членов. Эту тенденцию не меняли никакие эксперименты власти с послаблениями с целью выпустить пар из котла и попытками выглядеть цивилизованно.

Власть, у которой сужается база, сокращаются ресурсы, уже не может быть гибкой и не может быть привлекательной. Она может только давить и угрожать, угрожать и давить — у нее очень ограниченное поле маневра. «Закон репрессий», который можно отменить только вместе с властью, начавшей ему следовать, способен в любой момент привести к вспышке государственного насилия. Тем более что власть для себя решила: сжатый и поднятый кулак должен ударить!

Если взглянуть на историю подобного рода преторианских патримониальных режимов, то все они были обречены. Однако в ситуации атомизации общества, его деморализации и отсутствия политической альтернативы, которую власть методически уничтожает в зародыше, эти режимы могут откладывать свой конец довольно долго. Но и здесь начинает работать аксиома: чем дольше власть откладывает свой конец, тем драматичнее он оказывается и для самой власти, и для общества.

Конечно, важно понять степень и пределы устойчивости нынешнего политического правления. Здесь опасны крайности: и заявления о том, что режим падет завтра или послезавтра, и вывод о том, что он обеспечил себе бесконечность. Ибо

и то, и другое ведет к появлению ошибочной реакции на эту власть со стороны общества.

Прислушаемся ко Льву Гудкову, который доказывал, что важнейшим фактором, обеспечивающим сохранение и нынешнего правления, и системы в целом, все же является состояние общества. Твердых сторонников Путина в обществе не так много, говорил Гудков, около 15%. Но все дело в том, что само общество после многолетнего путинского правления деморализовано или, точнее, «имморально». У большей части населения «нет воли» к изменению сложившегося положения вещей, хотя оснований для недовольства у него более чем достаточно. Поэтому и получается, что, с одной стороны, в обществе есть понимание разложения режима, а с другой, оно не может противостоять ни этому разложению, ни собственной деморализации. Лев Гудков показывает, как происходит деморализация населения: официальная пропаганда ведет к формированию в обществе даже не традиционных, религиозных ценностей, а «суррогатов и имитации фундаментализма». Последние вытесняют и дискредитируют другие нормы и представления, в первую очередь «либеральные ценности, представления о неотчуждаемых правах, о сути и достоинстве частного человека, идею реформ и понимание возможности лучшего будущего, десакрализованные понятия власти и государства». В результате в обществе пропадает тяга к прорыву, к попыткам бороться за свои элементарные права.

Словом, кремлевская политика создания «скреп» лишает общество любых, не обязательно либеральных, норм, принципов и табу. Так что возврат России к традиционным ценностям (каким конкретно?), о которых твердят кремлевские пропагандисты, вряд ли возможен. Эти ценности в российском обществе были уничтожены еще во времена коммунизма. В результате мы получили общество в виде атомизированной субстанции, этакий песок, который трудно объединить под любой идеей. В нем разорваны социально-культурные связи, которые должны придавать ему устойчивость и жизнеспособность; такое общество легко распадается на несвязанные фрагменты, подобные каплям ртути. Путинская система вполне осознанно уничтожает еле-еле сохранившиеся либо начавшие возрождаться социальные связи, только усиливая деморализацию населения и подавляя и так слабое ощущение общности на самом низовом уровне — на уровне человеческих взаимо-

связей. Общество окончательно теряет способность к самоорганизации, а следовательно, и к сопротивлению.

Сделаю небольшое отступление, дабы показать драматизм нашего состояния. Для этого сравню российское общество с азиатским. Азиатское общество сохранило механизм жизнеобеспечения и выживания при разных режимах, включая авторитаризм, найдя форму воспроизводства социальных связей и внутренней сплоченности вне зависимости от политического режима. Первым этот феномен самовывживания описал в 1995 г. Фрэнсис Фукуяма в известной и наделавшей в свое время много шума статье «Приоритет культуры». Он показал, что, в то время как западный политический проект заключается в формировании политической конструкции «сверху вниз», начиная с институтов, азиатский политический проект строит себя «снизу вверх». Такой сценарий развития «снизу вверх» является следствием укоренения в азиатском обществе иной политической культуры, в основе которой лежит конфуцианская доктрина, позволившая осуществить социализацию через подчинение индивидуализма семье. Но в XX в. оказалось, что политическое конфуцианство либо его модификация легко отделяется от «повседневного конфуцианства», регулирующего обыденные отношения и социальные связи в обществе на низовом уровне. «Политическое конфуцианство» стремится к созданию государства, построенного на основе жесткой иерархии и авторитарного правления, даже деспотизма. Так вот, азиатское общество может с ним расстаться, не теряя социального единства и моральных табу.

Именно это «обыденное конфуцианство» либо другие версии азиатской культуры, то, что мы бы в России назвали «традиционными ценностями», помогает азиатскому обществу пережить общественные и политические переломы. Япония смогла довольно быстро, правда, не без помощи генерала Макартура, отбросить прежний политический порядок и перейти к либеральной демократии, при этом сохраняя внутреннюю сплоченность, основанную на азиатской модели культуры. От себя замечу: конечно, Япония демонстрирует, что ее модель социального сплочения все же влияет и на политическую культуру, т. е. на то, что происходит на «верхнем уровне». Стоит только взглянуть на режим правления Либерально-демократической партии, которая в какой-то степени воспроизводит традиционные черты «большой политической семьи». Но мы видим

в Японии и вполне развитые (нам бы в России такое!) остальные институты демократии, начиная со свободной прессы и свободного парламента. Да, и японские либерал-демократы могут терять свою власть.

Южная Корея представляет собой еще один пример, на мой взгляд, подтверждающий вывод Фукуямы, что азиатская либеральная демократия строится не на принципе индивидуализма и прав личности, а на основе «морального кода, который определяет сильные социальные связи в обществе» и не препятствует политической конкуренции в «высшем эшелоне» общественной конструкции.

Если тот феномен, о котором говорил Фукуяма, по-прежнему сохраняется, то Китай может легче, причем без апокалиптических встрясок, себя трансформировать, чем деморализованное российское общество. Я говорю все это только для того, чтобы подчеркнуть, что политика путинского Кремля по уничтожению российского социального пространства, конечно, будет затруднять для России выход из цивилизационного паралича.

Кроме того, попытка власти навязать нам свои «скрепы» будет провоцировать конфликт между теми, кто готов потреблять этот суррогат, и теми, кого от них тошнит, провоцируя в обществе дополнительную напряженность. Правда, сама вероятность такого конфликта — ну просто счастье! Она свидетельствует о сохранении драйва, по крайней мере среди части общества.

Учтем и другое: сам факт осознанной и планомерной политики власти по разрыву социальных взаимосвязей в обществе будет усиливать в нем дарвиновскую форму отношений, в том числе и отношения общества к власти. Словом, власть сама провоцирует в обществе враждебное к себе отношение.

В этой связи возникает вопрос: если власть уничтожает и так слабые социальные инфраструктуры российского общества, означает ли это, что общество все же не сможет подняться и сформулировать осознанную альтернативу деградации и ее реализовать? Протесты 2011–2012 гг., правда, протесты локального характера, внушают надежду, что «атомизированный песок» все же может попытаться сплотиться. Во всяком случае, есть надежда, что в российском обществе либо внутри его отдельных сегментов начинает формироваться способность к сплочению — против власти. Пока, однако, не ясно, способ-

но ли сплочение на почве отрицания стать устойчивым и сумеет ли оно перерасти в сплочение во имя коллективного взаимодействия по поиску позитивной программы выхода?

Не ясно также, удастся ли власти и обществу избежать конфронтации? В момент падения коммунистического режима в августе 1991 г. путчисты так и не посмели пойти на применение вооруженной силы против Белого дома и ушли мирно. Сейчас векторы движения власти и самой прогрессивной, модернистской части общества настолько разошлись, что, видно, их расхождение может разрешиться только через конфронтацию. Тем более что преторианская власть обычно не соглашается уходить мирно. Но какую позицию в этой конфронтации займет «болото»?

Надежда надеждой, но среди интеллектуального и политизированного сообщества продолжает циркулировать «теория безнадеги». Она приобрела своих постоянных проповедников и немало последователей. Как ни странно, даже после протестов некоторые, казалось бы, вдумчивые, но главное — неравнодушные, наблюдатели продолжали твердить: общество — овощ! Признаюсь, мне стало грустно, что эту песню затянул один из наиболее ярких публицистов, появившихся в последние годы, Владимир Пастухов. Летом 2012 г. много шума наделала его статья «Государство диктатуры люмпен-пролетариата», которую опубликовала «Новая» и которая даже в редколлегии газеты вызвала сомнения: публиковать или нет. Ведь «Новая» является газетой, стоящей на демократической позиции, а тут такой откровенный гимн диктатуре! Владимир Пастухов утверждал следующее: «Современная Россия — это страна победившего люмпена... Нельзя убедить в преимуществах демократии народ, который при ней никогда не жил...» Что же нам рекомендовал наш пессимист? А вот что: «Как это ни тяжело осознавать, но надо быть готовым к тому, что путь к демократии лежит через диктатуру». Диктатура должна общество вылечить, а потом можно будет переходить к демократии, которая, в свою очередь, должна будет ликвидировать «издержки диктатуры».

Такой путь выхода можно обсуждать, но при одном условии: если бы автор объяснил, почему все предыдущие режимы самодержавия в России не только не смогли побороть криминальные структуры, с которыми Пастухов призывает бороться при помощи диктатуры, но каждый раз порождали все новые?

Конечно, есть основания быть разочарованным в нашем обществе. Но «пастуховщина» говорит о том, что не меньше, а может, и больше оснований у нас для разочарования в тех, кто должен просвещать общество. Даже удивительно, насколько умные, образованные люди не понимают закономерностей диктатуры, тем более в такой стране, как Россия, не пытаются

ся задуматься над уроками предыдущих российских диктатур. Что это — элементарное незнание истории своей страны?

История со статьей Пастухова кончилась, как и следовало ожидать. Редакция задала ему ряд вопросов относительно способности новой диктатуры очистить Россию от криминальных кланов и всего плохого и «вылечить» общество. Пастухов на эти вопросы не смог ответить, ибо ответить на них невозможно.

Владимир Пастухов любопытен как пример эксперта антирежимного склада, т. е. настроенного против власти Путина и отторгающего систему, выстроенную Путиным. Но ведь важно не то, что он отторгает, а что он предлагает. Пастуховскую «честную диктатуру», которая должна нас вывести из криминального авторитаризма к демократии, в другой ситуации и в другое время можно было бы считать игрой воображения либо попыткой эпатажа автора, с тем чтобы привлечь к себе внимание. Осталось бы только пожалть плечами и забыть. Но все дело в том, что у нас такие попытки дезориентируют, отвлекают внимание и энергию от поиска реального выхода. Следовательно, затрудняют выход.

Упомяну и еще одну категорию публицистов, предлагающих выход на том же направлении, что и Владимир Пастухов. Они так же смело атакуют власть и лично Путина, демонстрируя личное мужество. И они тоже призывают к диктатуре. Но при этом, в отличие от Пастухова, они полагают, что российское общество вообще не заслужило демократии. Если Пастухов рассматривает диктатуру как средство, они рассматривают диктатуру как конечную цель. Уж никоим образом это население нельзя допускать к реальной демократии, а тем более позволять им избирать, говорят они. Иначе Россия неизбежно покажется по египетской дороге, либо ее ждет еще худший конец. В общем, шлягер знакомый и перепетый многими. Лучшим его исполнителем был в свое время Андраник Мигранян, воспевавший прелести авторитаризма. Правда, он не видел в авторитаризме средства построить либеральную экономику. Он скорее рассматривал единовластие как средство спасения государства.

Обращу ваше внимание на публицистов (причем популярных и весьма производительных), не первый год убеждающих нас в необходимости самовластья, которое построит в России экономический либерализм. Их можно определить как «системных антирежимников». Да, именно системных, ибо они продолжают защищать идею самодержавия, диктатуры, пусть

и с новыми людьми во главе, пусть и нацеленной на создание успешной экономики. Суть не в этом — суть в том, что речь идет о власти, отрицающей политическую конкуренцию и демократию.

Примером системного антипутинизма на либеральном фланге является один из самых талантливых российских публицистов — Юлия Латынина. Мало кто из российских перьев нанес больше урона имиджу Владимира Владимировича, чем Латынина с ее искрометным сарказмом. Однако вбиваемый Латыниной в общественное сознание с использованием всех возможных либеральных средств информации тезис — нельзя давать народу право всеобщего волеизъявления — и ее нескрываемые симпатии к авторитарным лидерам делает ее системным публицистом. Причем, в силу ее яркости и энергетичности, — эффективным с точки зрения пропаганды новой персоналистской власти.

Опасения и страхи либеральных интеллектуалов и публицистов насчет российского народа понятны. Но непонятно, на чем зиждется их вера либо даже уверенность, что российский Ли Куан Ю, во-первых, возможен. Ну кто, скажите, может претендовать на эту роль? Где тот, кто способен железной рукой навести порядок, но по законам правового государства? Во-вторых, как можно вообще привести Россию к правовому государству, сохраняя персоналистскую власть после стольких неудачных экспериментов с единовластием, которое вело Россию в противоположном от закона направлении?

Хорошо, согласимся, что авторитарные модернизаторы в отдельных странах (Чили, Южной Корее, Сингапуре) сумели осуществить индустриальную революцию. Но где в мире есть пример, который явился бы основанием для вывода, что единовластие может провести постиндустриальные реформы, требующие раскрепощения личности? Почему наши поклонники Пиночета не говорят о том, что пиночетовская диктатура привела Чили к экономическому кризису и только ее смягчение и возвращение к плюрализму позволили Чили из него выйти? Почему они не говорят (может, просто не знают?), что диктатура привела к кризису Южную Корею и только либерализация и демократизация (в том числе возвращение к честным и свободным выборам) позволили этой стране найти более успешную модель экономики и управления? Почему не говорят, что Сингапур и Тайвань начали либерализацию и постепенный,

очень осторожный (пока не завершённый) переход к политическому плюрализму, когда там осознали, что общество задыхается в авторитарных рамках и эти государства не в состоянии обеспечить новый уровень экономического прогресса?

Попутно замечу, что призывы к ограничению демократического волеизъявления имущественным и прочим цензами возвращает нас к дискуссиям, которые велись в Европе и молодой Америке в конце XVIII и на протяжении XIX в. Возвращение к аргументам Гизо и Милля может, конечно, продемонстрировать исторический кругозор. Но сегодня повторение их аргументов выглядит если не проявлением стремления к эпатажу, то намеренной попыткой увести обсуждение в тупиковое русло и отвлечь внимание от реальных проблем.

Пока трудно окончательно сказать, каково соотношение пользы и вреда для общества в активности отечественных системных антипутинистов. Думаю, свое позитивное дело они уже сделали, способствуя росту антипутинских настроений. Сейчас они, скорее всего, исчерпали свою конструктивную роль — сущность путинизма в тех слоях, к которым они обращаются, давно ясна. Продолжая гимн «сильной руке», они начали приносить вред, работая на сохранение в обществе иллюзий относительно возможности прихода российского Авторитарного Модернизатора.

Вот еще один пример того, как популярный рупор недовольства оказался обычным системным апологетом. Послушайте дифирамб Дмитрия Быкова в адрес Сергея Собянина, который тоже является своего рода отражением поиска выхода. Вы сейчас увидите, в чем и в ком видит выход Быков. Описание Быковым этого выхода хорошо раскрывает ментальность системного интеллектуала. То, что системный интеллектуал стал одним из рупоров общественного недовольства недавнего прошлого, еще раз свидетельствует, какова природа этого недовольства. Итак, читайте Дмитрия Быкова:

«Собянин становится более легитимной политической фигурой, чем практически все проходившие через фальсифицированные или более или менее нечестные выборы... Как он распорядится этим новым политическим капиталом, зависит только от него. Он может начать самостоятельную игру... Мне кажется, что Собянин — просто наиболее очевидный преемник. Поэтому его легитимация желательна. И поскольку он, действительно, по многим чертам вписывается очень хорошо

в российскую матрицу, сходство с Ельциным, сибирские корни, хозяйственный опыт, прямой такой человек... И, действительно, ведет себя неплохо в последнее время. Как-то возникает ощущение, что на него делается ставка. Поэтому я думаю, что его хорошая победа в Москве желательна. Он как бы компромисс для Москвы между Кремлем и либерализмом. Он не совсем кремлевский, он из глубины пришел. Все-таки он, действительно, не выходец из кооператива “Озеро”. Он — человек немножко не отсюда, да? Он может взбунтоваться, как взбунтовался Ельцин, тоже до поры совершенно номенклатурный персонаж. А у него даже внешнее сходство есть. Я вижу, что, если он захочет, он может стать вторым Ельциным. То есть вот самая, конечно, оптимальная ситуация, мы же все верим, что что-то сверху произойдет, да? Единственная фигура сверху, которая способна сегодня на бунт и возглавление уже неостановимой оппозиции, это, конечно, будет фигура Собянина».

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать комментарий Андрея Пионтковского к этому гимну авторитаризму:

«Поэзия, как известно, должна быть, прости Господи, глуповатой, но не до такой же степени. Член путинского Политбюро во главе неостановимой оппозиции (он же компромисс для московской интеллигенции между Кремлем и либерализмом)? Простите, но мы именно там уже были четверть века назад. Чем все закончилось, хорошо известно — “Береги Россию, Володя”, столетней кавказской войной и курсом на национальную смерть русского народа. Мастер увлекся, выполняя творческую задачу, и ему несколько изменило чувство меры и гармонии. Так случается у больших художников в работе над образами состоятельных и влиятельных клиентов».

Можно было бы пройти мимо быковской «аналитики». Но вот ведь в чем проблема: Быков высказал то, что ощущают многие интеллектуалы и люди творческих профессий. Пройдемся по быковским пунктам и составим политический портрет системного интеллектуала. С помощью Быкова, разумеется.

Этот интеллектуал ждет преемника Путина, т. е. нового царя. Какие там реформы, реорганизация власти... Зачем все это? Нужен преемник, который будет внимательно относиться к подданным. Причем не просто преемник, а тот, кто вписался бы в «русскую матрицу» с ее Петром, Иваном Грозным,

Иосифом Виссарионовичем. Это ведь наша матрица, не правда ли? Словом, Россию должен возглавить новый человек, который гарантирует сохранение старого русла — матрицы. Кто может ее возглавить? Только похожий на того, кто это смог сделать. На Ельцина, конечно. Надо поддержать такого преемника, на которого делается «там» ставка! Не нужно никакой инициативы снизу — сделаем, как «там» хотят. Ну, вы понимаете, где находится это «там»!

Вот он — компромисс «между Кремлем и либерализмом». Мало кто так непосредственно и откровенно говорит о либерализме как о силе, готовой к сделке (и, судя по словам Быкова, жаждущей этой сделки!) с Кремлем. Пожалуй, такого о левых и националистах не скажешь — обидятся!

Вот это называется «оптимальной ситуацией». Не нужно программ и прочей дребедени. Нужен преемник. И он есть — его имя Собянин! Словом, наш интеллеktуал хочет продолжения того, что было. Ну, и, видимо, чтобы о нем не забыли, конечно... Сергей Семенович, вы там не забудьте Быкова! Он одним из первых встал в очередь сторонников!

Можно только поблагодарить Быкова за то, что он так откровенно набросал для нас портрет системного интеллеktуала, чаще всего обретающегося на либеральном фланге. Но это одновременно и уничтожающая характеристика, которая говорит прямо: этот интеллеktуал — защитник архаики, и ему комфортно в архаике! Он точно не борец за новый мир. Он — колода на пути выхода России из прошлого.

Ладно бы эти мысли излагал какой-нибудь захудалый эксперт из политологической среды. Но ведь это делает на весь честной мир популярный писатель, неожиданно оказавшийся почти лицом российского протеста! Он имеет массовую аудиторию, которая его любит и которая ему верит! Его ответственность за заблуждения этой аудитории намного весомее, чем ответственность людей неизвестных. Свое непонимание ситуации, отсутствие ценностного стержня (ценностного не в смысле обыденных моральных критериев, а понимания, куда должно двигаться общество, если оно хочет быть передовым) Быков несет в массы... А массы слушают... Надежда лишь на то, что слушают критически.

КАК ДОЛГО УСТОИТ СИСТЕМА?

Давайте обратим теперь внимание на российскую систему. Могут ошибаться, но пока у меня впечатление, что ее потенциал выживания намного выше, чем потенциал политического режима. Ведь интересы, питающие эту систему, гораздо шире интересов, которые поддерживают Владимира Путина и его окружение. Система охватывает широкие слои бизнеса, среднего класса, региональных элит, бюджетников, системных и не совсем системных либералов, часть националистов и оставшихся империалистов, которые заинтересованы в сохранении самодержавия либо его определенных элементов. Все, кто в той или иной степени поддерживает нынешнюю модель президентства, стоящего над обществом, великодержавный статус России, антизападничество, контроль власти над бизнесом, — все они находятся на системной орбите. Все они в любой момент могут прийти к выводу, что Путин и его команда — не лучшая гарантия обеспечения их интересов, и начать искать ему замену, с тем чтобы сохранить самодержавие. Вот так-то.

Многие могут быть недовольны Путиным и его командой. Но вместе с тем эти недовольные находят свое место в рамках системы самодержавия. Так, ты можешь быть противником Путина и ежечасно требовать его ухода. Но, если ты поддерживаешь, скажем, Конституцию, которая является основой самодержавия, — ты демонстрируешь системность и пусть даже поневоле, ноходишь в социальную либо политическую базу самодержавия.

Как я уже упоминала, среди адептов самодержавия можно увидеть откровенных и ярких оппозиционеров и либеральных медийных гуров. Они жестко клеймят Путина и режим, но при этом надеются на приход нового Модернизатора. Они заявляют о себе как о либералах, но на деле они — охранители, которые работают на возврат общества в прошлое.

Оппозиционеры на левом и националистическом краях сцены тоже неистово борются с Путиным и провозглаша-

ют идеи справедливости и свободы. При этом они устраивают митинги против НАТО как основной угрозы для России, тем самым поддерживая кремлевскую антизападную политику и механизм антизападной консолидации общества. И в этом антизападничестве также проявляется их системность. Потому они — тоже охранители.

Есть еще одна группа, которая говорит о необходимости «малых дел», «конкретных шагов». Вот их аргумент: система все еще дает возможность для практики «малых дел». Практика «малых дел» — любимая тема системных реформаторов. Они нам говорят: большая трансформация пока невозможна. Но нельзя терять время. Можно ведь идти малыми шагами, добиваясь результатов в конкретных делах. Действительно, при любом режиме нужно помогать школе и детскому дому. Кого-то выпустят из тюрьмы. Где-то построят дороги. Кому-то дадут квартиру. Можно будет порадоваться за тех, кому политика «малых дел» поможет.

Можно вспомнить и помощь волонтеров детским домам, их борьбу за сохранение леса и т. д. Волонтеры совершили гражданский подвиг, помогая населению Крымска в период наводнения. Те, кто помогал затопленному Крымску и стал инициатором массового волонтерского движения (Алешковский, Попова, Баронова и многие другие), те, кто затем боролся с последствиями наводнения на Дальнем Востоке, не только реально помогли населению, брошенному в беде властью. Они разбудили лучшие чувства в нашем обществе и среди его молодого поколения в особенности. В ситуации, когда государство заиклено на решении своих проблем, общество вынуждено создавать механизм взаимопомощи и решать свои проблемы самостоятельно.

Массовость таких «малых дел», которые вовлекают уже тысячи наших граждан, способна создать впечатление, что, занимаясь социальными проектами и помощью людям, можно изменить нашу жизнь. Порой возникает иллюзия, будто частность в состоянии изменить целое. Но на деле система жестко отторгает все действия, которые могут угрожать ее жизни. Если те, кто занимается «малыми делами», пытаются доказать, что этих дел вполне достаточно для того, чтобы изменить систему, в которой они живут, они — пусть и неосознанно — начинают работать на эту систему.

Существование разнообразных и внешне столь непохожих системных либо полусистемных людей, слоев и объединений,

которые в силу разных причин нашли свое место в рамках самодержавия и лишь пытаются его улучшить, сделать более работоспособным, более честным, конечно же, продляет его жизнь.

Во всяком случае, сегодня для российской системы нет угроз, которые могут привести к завершению ее жизни в ближайшем будущем. Если говорить о путинском режиме как правлении определенной группы лиц, то он более уязвим. Хотя бы потому, что не только отвергается динамичным меньшинством, но от него постепенно отворачивается «болото». Либо, во всяком случае, «болото» начинает с трудом переносить эту власть. Еще более существенно, что выживание системы самодержавия требует время от времени смены власти и самой персонификации единовластия. Так что даже не логика протеста, а логика системы сокращает жизнь нынешнего политического режима. Его конец становится неизбежностью, и эта неизбежность осознается многими. В том числе и на уровне элиты.

Но вот когда конкретно это произойдет — через год, два, пять, семь? Помню, один из доброжелательных читателей-слушателей прислал мне следующее письмо: «Я от вас слышу о крахе системы уже несколько лет. А система все живет! Получается, что все это говорильня. Значит, нельзя дать точный прогноз?»

Видно, надоела я аудитории со своими предсказаниями о неизбежном крахе. А власть не только не падает, но еще и укрепляет себя! Между тем я никогда не говорила о сроках падения либо о сроках кризиса персоналистской власти. Я всегда говорила об исчезновении «точек роста» и развития, о сужающемся потенциале, о неспособности системы к динамике и прогрессу. Это и есть те признаки, которые говорят: данная система нежизнеспособна. Признаю, что начала вещать об этом, когда подобные заявления казались полным бредом. Но что было делать: молчать и наблюдать, как вокруг захлебываются от восторга вначале по поводу демократизма Ельцина, потом по поводу путинской стабильности и его способности делать реформы? Следовало предупреждать о том, чем закончится эксперимент с неправовым государством и поддержкой его со стороны тех, кто должен защищать свободы. Теперь многие из моих тогдашних оппонентов думают, как я. И слава Богу! Правда, у меня нет в этой связи удовлетворения. А лишь сожаление о потерянном времени.

Но можно ли все-таки предвидеть момент, когда Россия вновь встанет перед новым выбором? Мои друзья и коллеги постоянно пытаются угадать момент падения либо путинского режима, либо системы (правда, мало кто разделяет эти вещи). Помню, как-то слушала передачу Натэллы Болтянской на «Эхе» (дело было в 2012 г.), где три участника определяли срок жизни путинского правления: Андрей Пионтковский был убежден, что осталось ему полгода (правда, потом Андрей Андреевич утверждал, что путинский режим падет в 2013 г.), Крыштановская, если не ошибаюсь, давала режиму лет шесть. А Сергей Марков, естественно, удлинял период жизни путинской власти в некую бесконечность.

Впрочем, и я некоторое время пыталась определить для себя (но не публично) возможные временные границы как режима, так и системы. Пока не убедилась в тщетности этих усилий. Мы можем обосновать основные тенденции. Можем обсудить логику движения власти и самой системы. Но момент соединения всех ключевых тенденций, которое должно произойти под влиянием множества не всегда предсказуемых факторов, вычислить невозможно. И не нужно тратить на это время и энергию. Важнее понять направление движения — а оно сегодня очевидно и не вызывает сомнений.

Стоит учесть и другое. Противники путинского режима не должны радоваться признакам исчерпания его динамики. Ведь на смену этому режиму может прийти новый Лидер-Персонификатор. Система сменит режим и команду в Кремле и продолжит свое существование. Нельзя полностью исключить и повторение старого фокуса. Помните, как падение СССР в 1991 г. облегчило сохранение самовластья, но уже в пределах России? Это было воспроизводство системы за счет сбрасывания старого государства-империи. Возможно, изменение в очередной раз географического формата государственности — скажем, отсечение Северного Кавказа — станет способом воспроизводства персоналистской власти уже в ином географическом пространстве. Жаль, что нет с нами больше Дмитрия Фурмана. Он первым начал задумываться о неизбежности конца нашей полураспавшейся империи и о том, возможен ли переход к национальному государству. Вопрос лишь в том, что до сих пор не ясны ни пути такого перехода, ни его последствия, если такой переход начнется. В том, что он начнется, тоже уверенности нет.

КРИТЕРИИ РАЗВИТИЯ И КРИТЕРИИ УПАДКА: НЕМНОГО ТЕОРИИ

Я сознательно пытаюсь в этих заметках бежать от птичьего языка политологии и теоретизирования. И скучно, и раздражает, и отвлекает внимание от живой материи. Но вот сейчас как раз такой момент, когда не избежать обращения к тем, кто давно начал осмысливать процессы, о которых я рассказываю в публицистической форме. Хочу процитировать трех авторов, которых я ценю за проделанную ими громадную работу по осмыслению тенденций цивилизационного развития и упадка. С ними можно спорить. С ними можно не соглашаться. Но для того, чтобы их опровергнуть, нужно представить более убедительную картину политического мира. У нас в России пока этого еще никто не сделал. Возможно, потому, что мы так вовлечены в текущее и преходящее...

Итак, я сейчас призываю помочь мне Арнольда Тойнби, Сэмюэла Хантингтона и Фрэнсиса Фукуяму. Именно их я процитирую, чтобы показать, каков на данный момент оптимальный подход к анализу состояния политической системы (либо политического порядка, как ее определяет Хантингтон), каковы критерии политического развития и критерии политического упадка. Не исключено, что вы решите, будто оптимальным является совсем иной подход — буду рада выслушать аргументы.

Итак, вначале обратимся к Арнольду Тойнби. Я уже говорила о его способе изучения жизни, надлома и смерти мировых цивилизаций (обществ) через их способность отвечать на вызовы (внешние и внутренние). Именно так, через «вызов — ответ», Тойнби в своем великом труде «Постижение истории» показал, как возникали и уходили в небытие мировые общества. Если общество было не в состоянии справиться с вызовами, держалось за отжившее, оно теряло дух и погибало. Уход обычно длился долго и проходил мучительно. Те же общества, которые были готовы к новым вызовам, получали стимул к развитию. Вначале общества развивались под влиянием внешних

вызовов. Так, феодализм возник как ответ на скандинавский вызов. Затем западное общество, встав перед внутренним вызовом — необходимостью ответить на социальную напряженность, перешло к формированию суверенных государств и расширению личной свободы граждан. От себя добавлю: XX в. принес Западу сочетание внешнего вызова — мирового коммунизма — и внутреннего вызова, которым стала постиндустриальная революция.

Сегодня внутренние вызовы являются главенствующим стимулом в развитии цивилизаций-обществ. Не все из этих обществ с ними справляются. Если мы взглянем на Россию, то увидим, что впервые за долгое время российскому обществу ничто не угрожает извне. Россия сталкивается с нагромождением внутренних вызовов. Не имея способности и готовности отвечать на эти вызовы, российская власть вновь, как и в прежние времена, пытается подменить внутренние вызовы внешними — создать внешнего врага и сделать борьбу с ним фактором собственного выживания.

Какие критерии свидетельствуют, что система способна к развитию и обновлению? Здесь нам поможет упорядочить ход размышлений Хантингтон. Его работа «Политический порядок в меняющихся обществах» остается непревзойденным примером анализа, который сохраняет свою актуальность и поныне. Все еще работает набор критериев развития (и упадка), сформулированный Хантингтоном в конце 1960-х гг. Итак, что может служить доказательством того, что мы имеем дело с системой, у которой есть потенциал? В первую очередь, развитая «институционализация». Имеются в виду институты, которые облегчают эффективное функционирование общества. Эти институты должны выражать интересы всех слоев общества, предотвращать монополизацию власти и гарантировать ее легитимацию. «Институционализация», в свою очередь, может быть успешна при наличии следующих гарантий.

Во-первых, важна готовность системы адаптироваться к требованиям среды, находящая выражение в способности к реформированию. Ригидность системы, т. е. ее неспособность к переменам и стремление сохранить себя в прежнем виде, — знак того, что система не жизнеспособна.

Во-вторых, условием развития является сложность организации управления обществом. Чем больше в системе функциональных подразделений и чем сложнее эта система, тем

она гибче и эффективнее. Простая организация, особенно та, что формируется по принципу «вождь – массы», — самая уязвимая. «Простейшей политической системой является та, которая зависит от одного человека, — пишет Хантингтон. — Она же и наименее устойчива». Напомню, еще древние вывели аксиому: «Сложность — гарантия стабильности. Простые формы правления — самые неустойчивые».

Как говорит история, в сложных системах могут происходить постоянная диверсификация и перенос центра тяжести с одного блока на другой. Так, французская система Третьей и Четвертой республик постепенно стала тяжеловесной и начала стагнировать. Власть во Франции в тот период концентрировалась в Национальном собрании и в руках бюрократии. Фрагментация того и другого вела к параличу процесса принятия решений. Де Голль изменил соотношение власти в пользу президентства, дав толчок политическому развитию. Правда, тоже временно. Но и после де Голля французская система проявила адаптивность и вновь усовершенствовала свои механизмы управления.

В-третьих, автономия отдельных блоков системы правления — еще одна гарантия жизнеспособности политического порядка. Жесткое подчинение, а тем более насилие верхов с целью обеспечить подчинение низов — это путь системы на кладбище. Самостоятельность общества, самоуправление, независимость партий от исполнительной власти, не зависимый от исполнительной власти парламент, независимые СМИ — вот что продлевает жизнь системе. Самой высокоорганизованной системой является та, которая исключает роль насилия.

Хантингтон также показывает на множестве примеров, что именно автономия и существование не зависимых от власти и государства организаций облегчают подготовку профессиональных кадров для системы управления. Эти организации играют роль фильтров и одновременно стимулов при продвижении кадров наверх. Система «инкорпорирует новые общественные силы и новые кадры, не жертвуя своей целостностью». При такой системе не может быть кадровой политики по принципу лояльности. Невозможно выдвижение кадров — из ниоткуда.

В-четвертых, чем больше сплочена система, тем выше ее эффективность. Сплочение означает не подчинение, а согласие на основе общности интересов и норм, признанных об-

ществом. Сплочение отнюдь не мешает автономии отдельных блоков системы. Это сплочение на основе общих интересов и ценностей является единственным средством противодействия наступлению гоббсовского мира с его ожесточенной борьбой всех против всех.

Ну, и как — есть ли в России перечисленные выше критерии устойчивости и развития системы?

Давайте пойдем дальше и обратимся теперь к Фрэнсису Фукуяме, который обновил идеи Хантингтона для нынешнего времени и добавил свои наблюдения относительно критериев развития и упадка. В своей последней работе «Истоки политического порядка» (в момент, когда я писала эти строки, вышел первый том) Фукуяма привел дополнительные доказательства того, что политическая система может развиваться и обновляться, отвечая на вызовы, только при одном условии — если внутри системы существует институциональная конкуренция. «Соревнование является решающим для процесса политического развития, так же как оно является решающим для биологической эволюции», — утверждает Фукуяма. Если же конкуренция, соревнование отсутствуют, то это означает «отсутствие давления на институты; следовательно, нет стимула для институциональных инноваций либо реформ».

Отсутствие конкуренции, которая является источником политического развития, ведет, как доказывает Фукуяма, анализируя историческую эволюцию общества и государства, к политическому упадку. Процесс политического упадка принимает, на его взгляд, две формы. Первая: институты перестают отвечать на вызовы общества либо внешние вызовы и закостеневают. Причем, предупреждает Фукуяма, нередко элиты даже не понимают, что они, стремясь сохранить статус-кво, провоцируют сбой или блокировку в функционировании системы. Столкнувшись с проблемами, элиты пытаются решать их тем же способом, который привел к дисфункции, тем самым порождая новые сбои. Не напоминает ли вам эта реакция на проблемы что-то очень знакомое? Цивилизации погибали, пытаясь ответить на вызовы с помощью механизмов, которые когда-то помогали, но потом стали причиной деградации.

Вторая форма упадка цивилизации — неопатримониализм. Фукуяма имеет в виду попытки правящей элиты опираться на лояльность и передавать контроль над властью и собственностью по наследству.

Институциональная ригидность, жесткость, неспособность к обновлению и неопатримониализм обычно случаются одновременно, и тогда у системы не остается поля для маневра — она обречена.

Читатель сам может применить вышеперечисленные критерии к России и увидеть, какова траектория российской системы, решить, есть ли у этой системы способность к обновлению.

В системе российского самодержавия нет механизмов, которые обеспечивали бы развитие и самой системы, и общества. Российское самодержавие демонстрирует отсутствие и реальной институционализации (опора на «вертикаль»), и автономных от власти блоков, и консенсуса общества по вопросам стратегического вектора и норм, и, наконец, жесткую ригидность. Следовательно, вывод однозначен: система вступила на путь исторического упадка. Этот процесс может оказаться длительным, мучительным и хаотическим. Падение цивилизаций в истории, казалось, происходило мгновенно. Но они шли к своему концу долгое время.

Конечно, все еще сохраняются факторы, которые какое-то время будут подпитывать российскую систему. Среди них — неготовность либералов к формированию цивилизационной альтернативы; державничество как важнейший элемент политического сознания самых разных групп; сохранение среди элиты и части общества поддержки персоналистской власти, которая для них предпочтительнее других форм организации власти; благоприятное для системы международное окружение (в первую очередь кризис либеральной демократии и политика попустительства Запада в отношении России).

Но траектория системы очевидна. Вряд ли нас может успокоить то, что конец российского самодержавия, скорее всего, находится за пределами нашего отрезка жизни. Некоторых не беспокоит их существование внутри обреченной конструкции, и они умеют использовать эту обреченность в собственных интересах и в свое удовольствие. У других обреченность пути, по которому нас несет, начинает вызывать готовность размышлять о том, как из нее выскочить и изменить русло. Таких размышляющих становится все больше, и это показывает, что Россия перестает быть загнивающим болотом.

Самым главным для России я считаю отказ от монополии на власть, которая закреплена в ельцинской конституции, принятой и одобренной в 1993 г. Вот это и есть самое главное. Пока Основной Закон государства обеспечивает монополию на власть одной политической силы и ее персонификатора в лице президента, стоящего над обществом и не ответственного перед обществом, ни честные выборы, ни честный суд, ни свободы и права личности невозможны.

Таким образом, вопрос о «пакете», который увязывал бы три фактора: предпосылку трансформации — признание нелегитимности власти; инструмент смены власти — честные и свободные выборы; смену правил игры — признание необходимости обновления Конституции, является стратегическим для российской оппозиции и гражданского общества. Что касается двух первых элементов этого «трехчлена» — признания нынешней власти нелегитимной и требования честных выборов, то российская аудитория уже осознала важность и первого, и второго. Остается проблема с признанием необходимости реформы Конституции, которая закрепляет самодержавие. Вот и поговорим о том, в каком состоянии находится дискуссия о реформе Конституции, кто против этой реформы и почему.

Подавляющее большинство тех, кто задумывается над стратегией выхода из самодержавия, продолжает считать, что главное — свободные выборы и приход новой власти. Конституцию, говорят они, лучше не трогать, ибо обвалится вся постройка и общество лишится организующих начал. Если что-то в Конституции менять, то нужно обеспечить ограничители для президентства — два срока подряд по четыре года, и не более! Немало копий было сломано в этой дискуссии.

Мы вместе с либералами-единомышленниками, Игорем Клямкиным и Михаилом Красновым, предложили свое обоснование необходимости реформы Конституции. Причем для нас с Игорем Клямкиным чрезвычайно важно было то, что Михаил

Краснов, один из лучших в России правовиков-конституционалистов, подготовил предложения по выходу из конституционного тупика, в котором Россия оказалась после 1993 г., т. е. принятия ельцинской Конституции. Предлагаю вам наши соображения, которые мы в дальнейшем уточняли, не меняя основной идеи. Это был наш коллективный меморандум. Опубликовали мы его, конечно, в «Новой газете». А где же еще? Вот наши тезисы по вопросу российской Конституции и мирного и правового демонтажа российского самодержавия.

В КОНСТИТУЦИИ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ МЕСТА ДЛЯ ВОЖДЯ

Дискуссии о Конституции, развернувшиеся в Интернете,
ведут людей от лозунга честных выборов
к лозунгу «Долой самодержавие»!

ИГОРЬ КЛЯМКИН, МИХАИЛ КРАСНОВ, ЛИЛИЯ ШЕВЦОВА

Люди, вышедшие в декабре на площади российских городов, протестовали против навязанной властью игры без правил. Против моральной и правовой деградации, на которую власть эта вместе с собой обрекала общество. Лозунг честных выборов — лозунг игры по правилам, объединивший тех, кто надеется получить эти правила в России, а не в дальнем зарубежье. Тех, кто остро ощущает их дефицит не только на выборах, но и в повседневной жизни, постоянно сталкиваясь с унижающим произволом чиновника.

Но уже после митинга 10 декабря (2011 г. — *Л. Ш.*) стало ясно: его беспрецедентная для путинской России многолюдность не заставит власть признать состоявшиеся парламентские «выборы» недействительными и назначить новые. Не отступила она и после протестной акции, еще более массовой, на проспекте Сахарова.

Зато не без удовольствия, наверное, власть наблюдает за тем, как ее оппоненты публично выясняют отношения по поводу формата предвкушаемых переговоров с Кремлем, как суетливо некоторые из них спешат присвоить себе статус главных переговорщиков.

Разреши митинги и проигнорировав их резолюции, власть как бы сказала митингующим: у вас есть право требовать перевыборов, а у нас есть право отказывать. У вас есть право выступать против третьего пришествия Путина в Кремль, а у нас есть право этого пришествия добиваться. И вы нас не одолеете, потому что

возведенная нами государственная конструкция обеспечивает нам контроль над всеми ресурсами, причем контроль узаконенный. Наше право сильнее, потому что оно охраняется российской Конституцией, дающей нам монополию на власть. И что сможет этой монополии противопоставить, собираясь на площадях, аполитичная публика, которая революции боится еще больше, чем нас?

Отсюда следует, что фальсификации выборов — лишь одно из проявлений узаконенной монополии на власть, а противодействие фальсификациям не есть еще противодействие самой монополии. Но на нее-то резолюции митингов не покушаются, сосредоточившись на фигуре Путина как ее персонификатора. Не наблюдаем мы и желания демонтировать эту монополию среди других политических лидеров. Ни среди системных, ни среди несистемных. Последние могут говорить о том, что «систему надо менять», даже не упоминая об изменении Конституции, эту систему узаконившей.

Монополия на власть и честные выборы

Власть, отказав митингующим в их требованиях и отослав обманутых избирателей выяснять их отношения с избирками в прославленные своей независимостью российские суды, заставила многих людей задаться вопросами, которыми они до этого не задавались. И едва ли не главным среди них стал такой: если она, власть, имеет возможность вести свою игру без правил, то, может быть, дело вообще не в Путине, Медведеве, Чурове или ком-то еще, а в самом государственном устройстве, такую возможность предоставляющем? А за вопросом, как водится, последовали и ответы. И в ответах этих рядом со словами «монополия на власть» появилось слово «конституция»...

Разумеется, требование честных выборов и консолидация вокруг него общества чрезвычайно важны. Потому что очень важно дать понять властям, что они имеют дело с гражданами, а не со стадом баранов. Но давайте не будем все же друг друга обманывать. И насчет возможности честных выборов в нашей государственной системе, и насчет их возможности сколько-нибудь существенно — при сохраняющейся узаконенной властной монополии — эту систему изменить. Могут ли, скажем, даже сверхчестные думские выборы существенно повлиять на экономический и политический курс? Ответ: не могут. Потому что парламентские выборы и их результаты в нашей конституционной конструкции такого влияния не предусматривают. В данном отношении они, строго говоря, вообще лишены какого-либо политического смысла.

Во-первых, Государственная дума не имеет почти никаких рычагов воздействия на правительство — ни на его формирование, ни на его деятельность, ни на его отставку. Во-вторых, курс внутренней и внешней политики, согласно действующей Конституции, определяет президент. И он может проводить его даже при оппозиционном парламенте, так как именно в его руках находится судьба правительства.

Вот почему чрезвычайно наивной выглядит позиция тех, кто видит выход из обозначившегося политического тупика в юридических границах действующей Конституции. Достаточно, мол, добросовестно следовать ее букве и духу, чтобы обеспечить свободную политическую конкуренцию и сменяемость власти в соответствии с народным волеизъявлением. Да невозможна же она, такая конкуренция, при нашем Основном Законе! И реальное политическое представительство разных социальных групп невозможно тоже. Если основные направления политики определяет президент, то соперничество партий на парламентских выборах, пусть и честных, может быть лишь конкуренцией в борьбе за думские кресла и привилегии, а не за возможность проводить в жизнь свои программы. За думский статус, но не за политическое влияние.

Нам, конечно, возразят, что президент, согласно Конституции, тоже избирается населением. А раз так, то при честных выборах оно будет якобы реально участвовать в определении экономического и политического курса. Но и это иллюзия. Потому что при тех полномочиях, которыми наделен Конституцией глава государства, его политика будет представлять собой не результат компромисса разных политических сил и стоящих за ними слоев населения, а монопольно навязываемую партийную политику, которая будет определяться окружающими президента «референтными группами», т. е. высшей бюрократией. Именно такую партийную политику и проводили все три наших президента, хотя формально они были беспартийными, а при Ельцине партия бюрократии организационно и политически еще даже не оформилась.

А теперь задумаемся о том, может ли партийный политик быть надежным хранителем конституционного строя («гарантом Конституции»), как ему предписано Основным Законом. Это ведь примерно то же самое, как если бы арбитр на поле играл за одну из команд. Что было бы? Правильно, была бы игра без правил.

Разумеется, президенту интереснее быть политиком, нежели гарантом. И он не хочет, чтобы ему мешали. И потому, кто бы им ни был, будет стремиться к подавлению идеологических и поли-

тических оппонентов. К встраиванию всех институтов, включая парламент, в бюрократическую вертикаль своей власти. У одних президентов, как у утратившего популярность Б. Ельцина, это получается хуже, у других, как у В. Путина, лучше. Но мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что выстраивание Путиным тотального контроля надо всем и вся — это страшный, но совершенно естественный в нашей конституционной конструкции ход событий.

Закономерно в этой конструкции и неудержимое стремление президентской власти к постоянному расширению своих полномочий. По данным исследования одного из авторов этой статьи, с момента принятия в 1993 году нынешней Конституции три российских президента получили 502 новых полномочия: 165 получил Ельцин, 226 — Путин и 111 — Медведев. Причем среди них, с конституционной точки зрения, много сомнительных, а то и просто не соответствующих Конституции. На время правления Ельцина таких приходится 41, Путина — 108, Медведева — 51. Закрепленная в Основном Законе монопольная власть тяготеет к экспансии, которую некому остановить. Но самое печальное в том, что ни от кого из политиков, претендовавших в разное время на президентский пост, мы не слышали заявлений о готовности от этих полномочий отказаться. Равно как и обязательств, в случае победы, инициировать изменение самой Конституции...

О парламентской республике и Учредительном собрании

Не будем останавливаться на предложениях, касающихся возвращения к четырехлетнему циклу президентства или изъятия из Основного Закона словечка «подряд», благодаря которому у Путина есть возможность вернуться в Кремль. Принципиально такие коррективы ничего не изменят. Могут они воспрепятствовать назначению новых «преемников»? Нет, не могут. Но, даже предположив, что очередной «преемник» на честных выборах будет избирателями отвергнут и избран кто-то другой, мы получим ту же монополию в исполнении победителя.

Похоже, что в мыслящей части общества недостаточность такого рода косметических реформ уже осознается. Свидетельством тому все громче звучащие голоса в пользу перехода к парламентской республике, которая позволит воспрепятствовать, наконец, возрождению российского единовластия. Для этого, в свою очередь, рекомендуется созыв Учредительного собрания. Что можно сказать по данному поводу?

Начнем с идеи Учредительного собрания. Ее, разумеется, надо обсуждать, но не скрывая при этом, что она означает революционный разрыв правовой преемственности. В том числе и от тех, кто выходит сегодня на площади с надеждой на мирные перемены без революционных потрясений. Идея Учредительного собрания, предполагающая полную отмену действующей конституционной законности и очередное начало российской государственной истории с нулевой отметки, от таких потрясений не гарантирует. Попутно скажем, что даже для полномасштабной замены действующей Конституции разрыв правовой преемственности и созыв Учредительного собрания вовсе не требуются. По той простой причине, что инструмент для такой замены этой Конституцией предусмотрен. Просто называется он иначе — Конституционным собранием. Оно может выработать и принять новую конституцию либо вынести ее проект на референдум. Вопрос лишь в том, надо ли использовать его для преобразования существующей формы правления в парламентскую республику.

О том, что парламентская форма правления более плюралистична и устойчива, чем президентская (или полупрезидентская, как у нас), известно давно. И о том, что она надежнее застрахована от авторитарного перерождения, известно тоже. Но сегодня, как и 20 лет назад, переход в России к парламентской республике несет в себе, на наш взгляд, опасность дезорганизации всего государственного механизма.

Парламентская форма правления эффективна лишь в тех странах, где сложились сильные партии и где укоренились демократическая политическая культура и конституционное правосознание. Но в постсоветской России возникшие партии не столько укрепились, сколько разлагались. И это естественно, так как ни одна из них не имела возможности взять на себя реальную политическую ответственность. Какая может быть ответственность при отстраненности от формирования и осуществления политического курса? Что касается политической культуры, то мы пока не изжили принцип «игры с нулевой суммой». В головах и политиков, и большинства общества она предстает как игра «Царь горы»: если я (мы) наверху, то все остальные внизу и должны только подчиняться.

Но по этой же причине России не подходит и вариант республики президентской, существующей в США и многих странах Латинской Америки. Вариант, при котором президент непосредственно возглавляет исполнительную власть. При неразвитой демократическо-правовой политической культуре данная мо-

дель ведет к конфронтации между ветвями власти, так как в ней ни президент не может распустить парламент (нижнюю палату), ни парламент не вправе выразить недоверие президенту и его администрации.

Мы должны считаться с наличным уровнем культуры российского общества. С тем, что принято называть ментальностью. Учреждение форм правления, заведомо с ней не совместимых, ни к чему хорошему страну не приведет. Но и фетишизировать эту ментальность, якобы и в XXI веке обрекающую нас на примирение с самодержавием, нам не пристало. Да, наш стиль взаимоотношений друг с другом, наше отношение к власти, как и ее отношение к нам, не очень-то соответствуют современному пониманию правового государства. И что же — ждать, пока мы до него «дорастем»?

Арбитра надо отделить от игроков

На наш взгляд, ничего лучше полупрезидентской модели мы для России не придумаем. Как показывает государственный опыт Франции, Португалии, Финляндии, Польши, Болгарии, Румынии, Словакии, Словении и других стран, модель эта вполне жизнеспособна. И не во всех них в пору ее утверждения население обладало высоким уровнем политической культуры и конституционным правосознанием. Почему же ни в одной из них нет персоналистского («самодержавного») режима, а у нас он есть? Почему ни в одной из них она не ведет, как у нас, к деградации этой культуры и этого правосознания, а ведет, наоборот, к повышению их качества? Да именно потому, что в этих странах полномочия всенародно избираемых президентов сбалансированы с полномочиями парламентов. Вот этого нам и предстоит добиться, изменив соответствующим образом российскую Конституцию.

Предлагаем для обсуждения следующие поправки (их принятие, кстати, созыва Конституционного собрания не требует), которые целесообразно было бы в нее внести.

Президенту должна быть отведена роль главного хранителя конституционного строя, гаранта честных правил политической жизни. Роли партийного игрока его нужно лишить. Для этого у него следует отнять такие функции, как определение основных направлений внутренней и внешней политики и обеспечение «согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти». Вторая функция, кстати, настолько туманна и размыта, что фактически представляет собой мандат

на вмешательство в деятельность любых государственных институтов. В то же время роль президента как гаранта нужно усилить. Скажем, предоставить ему право самому назначать Генерального прокурора и Уполномоченного по правам человека, наделив последнего более существенными, чем сейчас, полномочиями. Кроме того, целесообразно передать под непосредственное президентское командование Внутренние войска МВД, трансформировав их в Национальную гвардию.

Конституционная конструкция должна предполагать формирование правительства прежде всего Государственной думой. Для этого нужно, чтобы правительство слагало с себя полномочия не перед вновь избранным президентом, а перед вновь избранной Думой. Она же должна предлагать президенту для назначения кандидатуру премьера, а не наоборот, как сейчас. И только если расклад сил в нижней палате не позволяет фракциям об этой кандидатуре договориться, президент должен быть вправе сформировать свое правительство, которому через год Дума выразит доверие либо недоверие.

Вотум недоверия правительству должен вести за собой неизбежную его отставку. Сегодня, напомним, президенту предоставлено право выбора: он может или правительство отправить в отставку, или распустить Думу. Нетрудно догадаться, что при таком развитии событий он, скорее, выберет второй вариант.

Президент должен быть лишен права в любой момент по собственному хотению отправлять правительство в отставку.

Мы перечислили лишь главные поправки, которые необходимо внести в Конституцию. Поправки, без которых из самодержавной колеи выбраться, на наш взгляд, невозможно. Честные выборы в данном отношении ничего не изменят, так как при сохраняющемся в Основном Законе месте для вождя они всего лишь воспроизведут существующую систему, которая в силу своей природы будет тяготеть к их превращению в нечестные.

Остается, однако, открытым вопрос о том, кто и как может осуществить назревшую системную трансформацию — по сути своей революционную, но по методам эволюционную, предполагающую сохранение правовой преемственности.

О субъекте перемен

Есть мировой опыт таких трансформаций, и в нем, при всем его многообразии, есть нечто общее. Они происходят тогда, когда запрос на системные изменения созревает в обществе. Когда оно

перестает молчаливо примиряться с подавлением своей моральной и гражданской субъектности. Когда его наиболее образованные и инициативные слои отказываются признавать действующую тоталитарную или авторитарную власть легитимной, но настроены при этом не просто на замену одних властвующих персон и групп другими, а на смену государственной системы. А смена государственной системы — это не только легитимация власти на честных выборах (сами по себе они могут привести лишь к приватизации системы иными людьми), но и изменение конституционного строя страны.

Все успешные системные трансформации последних десятилетий именно потому и состоялись, что при их осуществлении признание действующей власти нелегитимной, требование честных свободных выборов и установка на изменение конституционных правил игры сочетались в одном пакете. Сочетались, консолидируя все оппозиционные силы. Там же, где эти условия обеспечены не были, происходили откаты к прежней системе при старых или новых правителях. Что же мы видим в сегодняшней митингующей России?

Мы видим, что в оппозиционном лагере нет единства даже относительно легитимности нынешней власти. Ведь если политик соглашается участвовать в проводимых этой властью выборах, то он ее легитимирует. И если требует от нее честных выборов, не требуя конституционной реформы, легитимирует тоже. Потому что тем самым подпитывает иллюзию, что честные выборы (и отмена результатов выборов нечестных) возможны и при сохранении системного статус-кво.

Речь идет вовсе не о том, допустимо или нет договариваться с действующей властью о новых правилах игры. Примеры Испании, Польши и других стран свидетельствуют о том, что такой вариант системной трансформации не только возможен, но и является наиболее безболезненным. Да, трансформация в данном случае начинается с законодательных норм, принимаемых существующей властью, которую оппонирующая сторона не считает легитимной. Но если эти нормы выводят из изжившей себя системы, существующей властью олицетворяемой, то такой прагматизм уместен. А вот готовность некоторых наших оппозиционных политиков признать за нынешней Государственной думой, объявленной ими нелегитимной, право принять отдельные «полезные» законы вызывает недоумение. Потому что дело касается законов, которые при сохранении персоналистской конструкции власти к выходу в новое системное качество не ведут...

Как бы то ни было, когда стратегия растворяется в тактике, серьезных успехов ждать не приходится. Не только быстрых, но и небыстрых. Лозунг честных выборов, адресованный российским властям, — это тактика. Лозунг «Ни одного голоса Путину!» — тактика тоже. Но ради чего она, такая тактика, ради какой цели? Ради того, чтобы слегка обновить состав безвластной Думы и привести к власти другого монополиста?

Мы полагаем, что сегодня желательно другое.

Желательно наметившийся сдвиг в общественном сознании в пользу конституционной реформы перевести в политическую повестку дня. Сделать его стратегической опорой оппозиции. Опорой, сохранение и укрепление которой много важнее исхода предстоящих президентских выборов.

Опорой, которая будет иметь решающее значение и после выборов, каков бы ни был их объявленный результат.

Быстрых успехов и этот путь, скорее всего, не сулит. Но в нем есть перспектива, а в том, что пока предлагается, таковая отсутствует. Перспектива мобилизует, ее отсутствие деморализует. И чем скорее это будет осознано, тем лучше.

«Новая газета», 9 января 2012

И СНОВА СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В 2011–2012 гг. нам удалось обратить внимание общественной аудитории на проблему Конституции. Хотя Конституция так и не стала основным предметом дискуссии. Больше спорили о другом: о коррупции, о Медведеве с Путиным, о выборах, о повестке протестных митингов. Вопросы государственного устройства многие предпочитали обходить стороной, говоря, что не пришла пора поднимать абстрактные темы, они-де уведут внимание от остроты политического момента. Хотя как можно ввязываться в политическую борьбу с властью, отрицая необходимость обсуждать, за что ты борешься, какое государство и организацию власти ты хочешь получить в результате?

Но, повторяю, какое-то внимание к Конституции нам удалось привлечь. Скажу сразу: те, кто вступал в спор по вопросу Конституции, в том числе и многие, если не большинство наших коллег по либеральному лагерю, продолжали считать, что никакой нужды трогать Конституцию нет.

Меня позабавил парадокс: вопрос о Конституции, т. е. правовом оформлении системы, интересовал прежде всего власть, которая таким способом стремится легитимировать и упрочить свою монополию. А вот оппозицию проблема правового закрепления власти практически не волновала! Да и сейчас не волнует. Я спрашивала и продолжаю спрашивать своих оппонентов: почему вы, сторонники альтернативы Путину, обходите ключевой вопрос о правовом обеспечении этой альтернативы? Ответа до сих пор не получила.

Фактически представители демократического фланга переняли у власти ее способ мышления, утверждая, что важнее не правовые формулы, а их применение. Что это значит? Это значит, что важнее неформальные правила игры. Но чем в таком случае оппозиция отличается от власти?

Не забыли мои оппоненты и население. В их понимании население, конечно же, не созрело для понимания правовых принципов. Населению еще нужно дорасти до всего этого. А пока

с ним следует говорить на понятном ему языке, т. е. об обыденных проблемах ежедневной жизни. Народ-де не поймет разговора о Конституции — это слишком сложно для народа! Знакомый аргумент кремлевских и околокремлевских кругов.

Я писала в 2012 г. («Ежедневный журнал»: Лилия Шевцова. Наконец-то спор о главном): «Распределение властных полномочий в ельцинской Конституции — это юридическая гарантия российского единовластия. Да, на этапе становления системы и при слабом лидере в 90-е годы политический плюрализм был возможен и при этой Конституции. Но сегодня реформировать забетонировавшую себя систему без изменения ее несущей конструкции — Основного Закона — невозможно! Отказ от обсуждения правовых рамок нашего политического порядка — это приспособление к неправовому государству. Речь идет о сознательном подчинении стратегического вектора тактическим задачам. Откладывать стратегические цели “на потом” — значит демонстрировать их отсутствие и превращать стратегию в тактику. Более того: решение тактических задач внутри все той же системы без изменения ее принципов зачастую (почти всегда) означает продление жизни этой системы!»

В ответ на эти аргументы те, кого Игорь Клямкин назвал «системными реалистами», твердили: нужно использовать все возможности нынешней системы, в первую очередь выборы. Если это делать постепенно и осторожно, то возникнут условия для ограничения властной монополии даже без изменения Конституции. Я в ответ спрашивала: «Почему тогда до сих пор развитие идет в обратном направлении — в сторону ужесточения авторитаризма, а выборы только его закрепляют?»

Мне пришлось, к неудовольствию некоторых моих коллег, высказаться и по поводу их резкой критики Путина при одновременной поддержке авторитарной конституции: «Да, придется однозначно сказать: непримиримая “мочилровка” Путина и его команды, попытки концентрировать внимание общества на борьбе с коррупцией, стремление повлиять на исход выборов, наконец, борьба с нынешним политическим курсом без увязывания этих действий с необходимостью изменения конституционных основ нынешнего порядка означают легитимацию системы. Ведь система, допускающая борьбу за свое улучшение и даже борьбу с режимом при согласии на ее принципы, создает впечатление своей реформоспособности. Так бывало в истории не раз: борьба с личным режимом облегчала выжи-

вание единовластия, но уже в новом персоналистском облике. Оппозиция, пусть даже выдвигающая требование смены власти и смены первого лица во власти, но при этом не ставящая вопрос о смене конституционных принципов организации власти, остается в рамках Системности!» Но честные выборы приведут к власти честных людей, спорили со мной. На эти аргументы я отвечала: «Борьба за власть, даже под лозунгом честных выборов, при сохранении конституционно закрепленного суперпрезидентства, ликвидирующего возможность реального разделения властей, означает неизбежность воспроизводства единовластия. Ну, придут новые силы к власти в результате честных выборов, и что? Они станут новыми обладателями монополии на власть. И где вы видели альтруистов, которые добровольно отказались бы от такого подарка, как полный и непрекращаемый контроль над властью?»

Прочитую Игоря Клямкина, который еще активнее занялся аргументацией в пользу конституционной реформы. Вот что он говорил в интервью журналу «Гептер» в ответ на возражения наших оппонентов:

«...Действующая Конституция часто не соблюдается, это, конечно, так. Но не соблюдаться она, не в последнюю очередь, может и потому, что один из властных институтов возносит над всеми остальными, наделяя его монопольными полномочиями. Ну, а монополист и ведет себя как монополист — чему тут удивляться?.. В Конституции провозглашены гарантии прав человека, но властные полномочия распределены таким образом, что права эти можно безнаказанно попираť. Не в том смысле, что такое попрание санкционировано, а в том смысле, что его возможность не заблокирована... Ни Путин с Медведевым, ни “Единая Россия” на конституционное ограничение президентских полномочий не пойдут... Что касается честных выборов, свободы СМИ и реформирования судов, то все это сегодня не более реалистично, чем конституционная реформа. К тому же честные выборы будут означать всего лишь честную борьбу за овладение властной монополией при отсутствии гарантий, что новый монополист не постарается превратить честные выборы в нечестные».

Приведу выдержки из статьи Михаила Краснова на ту же тему в «Независимой газете»:

«Та часть Конституции, которая посвящена ценностям правового государства, действительно отвечает запросам

российского общества. Но в Конституции есть еще “инструментальная” часть, закрепляющая определенную систему власти. В ней закреплена конструкция, отразившая “соотношение сил” на конец 1993 года. Какое-то время это, видимо, было оправдано. Но сегодня такая конструкция как раз и не позволяет укоренить конституционные ценности, в том числе и ценность человеческого достоинства... Нынешняя конструкция, воспроизводя персоналистский тип власти, препятствует политической конкуренции, подавляет развитие парламентаризма, наконец, предопределяет правление бюрократии, а не ответственных перед народом политиков».

В какой-то момент в 2012 г. могло показаться, что необходимость изменений в Конституции, которые демонтировали бы самодержавие, начали признавать отдельные политики. Вот мнение Геннадия Гудкова по этому вопросу:

«Путин должен дать обязательство не идти больше ни на какой срок, в обмен на это общество ему должно дать гарантию неприкосновенности, и он может остаться до 2018 года президентом, но с условием, что за это время произойдут конституционные перемены. Конституционная реформа ограничит власть президента, сделает страну либо президентско-парламентской республикой, либо парламентской республикой с сохранением роли президента как гаранта Конституции, стабильности, т. е. международного лица государства...»

Понятно, что интервьюер Гудкова воскликнул: «Но этого не будет, Геннадий Владимирович!»

У Геннадия Гудкова была здравая мысль о конституционной реформе. Только нужно было обращаться с этой идеей не к Кремлю, а к коллегам по оппозиционному «цеху».

Не все политики думали о Конституции так, как Гудков. Приведу типичный пример «конституционного мышления», на сей раз Михаила Прохорова, всю демонстрировавшего политические амбиции. Вот что Прохоров говорил по этому поводу:

«Наша Конституция просто-напросто не работает. Точнее — ей не дают работать. Парламент давно превратился в “не место для дискуссий”, орган, одобряющий только те законы, которые написаны или рекомендованы исполнительной властью. В СМИ, особенно на телевидении, произошла тотальная зачистка любого инакомыслия. О независимости судов можно разве что только мечтать. Вопреки духу Конституции, в стра-

не так и не заработала система административных судов, позволяющих людям эффективно обжаловать действия исполнительной власти. Вопреки букве Основного Закона, многих наших сограждан лишили права частной собственности...»

Не совсем верно, Михаил Дмитриевич. Возьмите в руки Конституцию и почитайте внимательно главы об организации власти, в первую очередь главу о полномочиях президента (глава 4 «Президент РФ», ст. 80–93). Вот она очень даже хорошо работает! Но именно потому, что работают статьи, гарантирующие самодержавие, не работают все остальные. Не работают те статьи Конституции, которые нам обеспечивают права и свободы.

И какое Прохоров предлагает нам решение, чтобы заработало то, что не работает? А вот какое: «Партия “Гражданская платформа” объявляет 2013 год “Годом защиты Конституции”. Для начала мы предлагаем восстановить общегосударственный выходной день 12 декабря — как день пропаганды заложенных в Конституции ценностей. Как день, когда каждый сможет вспомнить о своих правах и обязанностях. Когда народ сможет напоминать власти о ее обязательствах перед ним».

Неужели Прохоров искренне считал, что восстановление Дня Конституции напомнит власти о ее «обязательствах перед народом» и это напоминание что-то изменит?! Да и как народ, скажите, пожалуйста, может «напоминать власти о ее обязательствах перед ним»? Михаил Дмитриевич, поделитесь с нами своими предложениями! Нет, Прохоров так и не уточнил, как народ может «напомнить» власти о ее обязательствах перед ним. Но зато он продемонстрировал вольнодумство в пределах возможного и явно разрешенного. Вот вам пример аргументации и деятельности, которые должны приветствоваться властью.

Вскоре стало ясно, что, несмотря на все усилия, нам с коллегами так и не удалось переломить доминирующее в демократическом лагере мнение. Ниже — выдержки из разговора Михаила Соколова (радио «Свобода») с Виктором Шейнисом (партия «Яблоко»):

В. Ш. — ...Критики малых дел или отдельных акций, как правило, останавливаются вот на какой точке — надо изменить власть. И вот здесь возникает вопрос: каким образом власть изменить... Мой друг Лилия Шевцова недавно опубликовала статью в «Новой газете», где она говорит, что необходимо коренное изменение, связанное с изменением конституции.

М. С. — А что, она не права?

В. Ш. — Вы знаете, не права, потому что изменение конституции — это итог, а не предпосылка продвижения к политической реформе.

Вы видите, что даже яблочников, близких к нам по духу, и тех не удалось убедить в необходимости конституционной реформы. А что касается аргумента Виктора Леонидовича о том, что Конституция — итог, а не начало, то в ходе большинства мировых трансформаций было наоборот: реформаторы принимали новые конституции либо обновляли старые до того, как начинали реальные социальные и экономические реформы.

Справедливости ради, приведу и высказывания апологетов ельцинской Конституции в нашем же либеральном лагере. Вот любимая мною Валерия Новодворская, которую я считаю одним из лучших российских публицистов:

«Менять Конституцию — ящичек Пандоры. Попробуйте начать, и там ничего не останется. Ее вообще нельзя трогать, мы еще не доросли до этой Конституции, мы ее “на вырост носим”. Не то что Конституция для нас недостаточно хороша, а мы для нее недостаточно хороши. Это безумие, самый настоящий амок. Конституция — это единственное, что у нас осталось из элементов права, из подарков Ельцина. Если вы выбьете эту “скамеечку” у себя из-под ног — мы все закачаемся в петле».

Так и хочется возразить: «Дорогая Валерия Ильинична, мы в петле потому, что Конституция — это и есть петля». Могу лишь посоветовать Валерии Ильиничне то, что выше советовала Прохорову, — прочесть статьи Конституции, которые делают невозможным обеспечение наших прав и свобод. Нужно только почитать внимательнее и не спеша...

Но вот Тамара Морщакова высказала обоснованные опасения по поводу опасностей, которые могут возникнуть при раскурочивании Конституции, и ее опасения нужно, конечно, учесть. Она напомнила о проекте Конституции, который предложили профессора Московского университета и в котором речь шла фактически об «уничтожении основных конституционных ценностей». Тамара Георгиевна говорила о таких ценностях, как «личность человека и его права и свободы». Стремление традиционалистов уничтожить конституционное

обеспечение прав и свобод нужно иметь в виду при реформировании ельцинской Конституции. Но мы-то всегда говорили о поправках в главу, которая в Конституции определяет организацию власти.

Хотела бы поспорить с некоторыми нашими оппонентами, которые полагали, что те, кто призывает к конституционной реформе, стремятся «переключить внимание общества с проблем осуществления власти на вещи несколько утопические и, может быть, совершенно не востребованные, не необходимые сейчас». А некоторые (на нашем либеральном поле) нас даже обвиняли в том, что мы действуем чуть ли не по заказу власти! Один из моих критиков, очень достойный человек заявил: «Власть хочет увести общественное внимание в заоблачные выси. Власть предлагает говорить о поэзии мироустройства! Этот призыв находит отклик среди оппозиции, которая призывает к конституционным реформам!» Что-то я не слышала от власти призыва обсуждать поправки к Конституции. Вот ее-то власть как раз и не собирается трогать. А все остальное — в том числе и участие оппозиции в выборах — обсуждать можно, и даже участвовать в выборах не воспрещается. Не говорит ли этот факт о приоритетах власти и о том, куда власть хочет увести внимание оппозиции?

И все же: почему умные, все понимающие люди продолжали надеяться, что можно улучшить систему, не отказываясь от принципа монополии на власть? Как можно считать идею, скажем, честных выборов в рамках самодержавия менее утопичной, чем реформу Конституции? Да, сегодня невозможно ни то, ни другое. Но давайте будем объяснять обществу, что нужно делать для того, чтобы разгерметизировать систему и сделать первый шаг к правовому государству. То, что невозможно и выглядит утопично сегодня, завтра может стать реальным и возможным! А потом, ведь реформа Конституции вовсе не означает отказа от свободных выборов! Выборы и конституционная реформа должны обсуждаться в «пакете». Устала это повторять...

Примечательно, что если либералы все еще спорят о том, что важнее — конституция или выборы — и стоит ли трогать «ельцинский памятник», то умеренные националисты (национал-демократы) готовы поддержать конституционную реформу. Так, представитель этой политической группы Александр

Храмов писал в статье «За Конституцию свободы. Почему необходима конституционная реформа»:

«Среди оппозиционных активистов одно время было модно приносить на протестные акции брошюрку с текстом Конституции РФ. Выставив вперед Конституцию, как икону, оппозиционеры вставляли перед строем ОМОНа, как бы надеясь, что ее авторитет защитит их от милицейского беспредела. В итоге получались эффектные кадры, но как-то забывался очевидный факт: путинская вертикаль власти, с ее купленными судами, импотентным парламентом и дубинками ОМОНа, — прямое порождение Конституции образца 1993 года. Да и что другое могло вырасти из документа, итоговая версия которого писалась под аккомпанемент танков, расстреливавших Верховный совет, тогдашний парламент (какой бы он ни был)?»

И вот еще один фрагмент статьи Храмова:

«Российская Конституция инфицирована авторитаризмом и подталкивает к нему. Даже если на смену Путину придет человек самых либеральных взглядов, он все равно с очень большой вероятностью скатится к полуавторитарному стилю правления. Поэтому надо обсуждать не личные качества лидеров оппозиции, а требовать изменения системы власти в целом. Только изменив действующую Конституцию, мы сможем обеспечить безболезненный транзит власти и гарантировать, что “заскоки” одного-единственного персонажа в президентском кресле (кем бы он ни был) не заташат в бездну всю страну».

Возразить нечего. Почему либералы так стойко защищают ельцинскую Конституцию?

Спор далеко не закончен. Хорошо, что идея конституционной реформы зафиксирована по крайней мере в программе Республиканской партии — Партии народной свободы, где сказано:

«В сфере государственного устройства для сбалансирования полномочий и недопущения узурпации власти мы намерены реализовать следующие основополагающие меры. Мы предлагаем внести в Конституцию и другие законы поправки, ограничивающие полномочия президента и расширяющие полномочия парламента.

Правительство будет формироваться парламентским большинством по итогам парламентских выборов и будет подотчетно парламенту, а не президенту. Будут значительно расширены контрольные полномочия парламента, включая право

на проведение парламентских расследований. Президент будет отвечать за оборону, внешнюю политику, охрану правопорядка, а правительство — за социально-экономическую политику страны».

Хорошо, что оппозиционные партии начали задумываться о конституционной реформе. А мы пока продолжим спорить. Есть еще немало тех, кого нужно переубеждать.

О РАДИКАЛИЗМЕ И УМЕРЕННОСТИ

В этой главе я говорю вовсе не о средствах политической деятельности либо гражданского протеста. Словом, не обсуждаю, стоит ли пытаться влиять на власть через петиции, письма и участие в окол властных органах либо прессинговать власть через улицу и бульжник.

Я буду говорить о содержании процесса реформирования и его приоритетах, короче, о стратегии. Очень часто этот вопрос сводится к следующему: нельзя ничего делать быстро, нельзя ничего разрушать; нам не нужно больше революций; нужно совершать перемены не спеша. Стремление избежать хаоса, а тем более конфронтаций, которые сопровождают революции, естественно. Оно отражает стремление избежать действий, которые вновь ввергли бы Россию в гражданскую войну. Не только российское прошлое, но и мировой опыт, в том числе недавний, демонстрирует, как может быть губительна революция в обществе, которое пока не сумело стать полноценным гражданским обществом. Недаром Алексис де Токвиль предупреждал, что любая революция может привести к власти режим, который будет намного хуже предыдущего.

Но сторонники постепенности пока нам не объяснили, как надо реформировать самодержавие постепенно, чтобы превратить его в правовое государство. Их советы обычно сводятся к следующему: нужно идти шаг за шагом. Признаю, некоторые «постепенщики» все же начали конкретизировать, что они под этим понимают. Вначале они предлагают реформировать, скажем, экономику, потом социальную политику, затем взяться за суд, сделать прозрачными выборы и т. д. Либо начать с суда (теперь это самый популярный лозунг), а потом приняться за все остальное. И так вплоть до президентства, которое следует взять под общественный контроль. Но это конечная цель процесса. Надо же, умные люди всерьез верят, будто систему, спаянную круговой порукой и превратившуюся в жесткую, пусть и потерявшую былую упругость, вертикаль, можно ре-

формировать по частям! Почему же тогда частичные реформы до сих пор не получились? Ведь реформировать экономику пытались неоднократно, в том числе и сверху, и все неудачно. А как реформировать суд, который превратился в репрессивный инструмент самодержавия, не ликвидировав другие поддерживающие опоры личной власти? И вообще: как реформировать вертикаль, не затрагивая ее верхушку и основной принцип президентской вертикали — монополию на власть?!

Можно, конечно, попробовать. Результат может быть двойной: либо система адаптируется к частичным изменениям (что бывает чаще), либо обвалится, но на ее месте вовсе не обязательно вырастет нечто более цивилизованное. Именно так обвалилось государство, когда Михаил Горбачев ввел гласность и открыл информационные шлюзы. Общество, подсевшее на телевизор, глядя ночами на живые (!!!) репортажи со Съезда народных депутатов, не могло больше терпеть шестую статью конституции — о «ведущей роли компартии». Это был не только конец системы. Это был конец государства. Государство пошло вразнос в момент, когда власть начала реформировать всего лишь один из ее блоков. Но распад коммунистического государства не означал перехода к правовому государству, ибо новый политический класс такой задачи не поставил! Постсоветская система сегодня не менее авторитарна, цинична, коррумпирована, чем советский порядок.

Мне понятны опасения людей, которые боятся, что все рухнет, и пытаются изменить систему изнутри, не доводя ее до падения. Мне понятны мотивы Бориса Акунина, который предложил свою концепцию «центризма». Вот что он писал по этому поводу:

«Я — центрист, противник крайностей. Я готов слушать левых, правых, путинистов — и всегда буду надеяться на компромисс и консенсус... И больше всего лично мне сейчас не хватает партии центристов. Как только она сформируется, у страны появится шанс сохранить общественную стабильность при переходе от авторитарной системы к демократической... Я хотел бы, чтобы авторитарный режим рухнул не в одночасье, с грохотом и треском, а сменился в результате честных выборов всех уровней. Тогда, Бог даст, обойдется без коллапса».

Вот еще один, впрочем, более важный, пассаж от Акунина, который повторяет свой призыв бороться с конформизмом и коллаборационизмом:

«Значит ли это, что центристы должны сейчас сотрудничать с властью, “оздоравливая ее изнутри”? Ни в коем случае. До тех пор пока в России есть политзаключенные, всякое сотрудничество с режимом кажется мне стыдным. Я думаю, что те наши коллеги, кто в той или иной форме работает с этой администрацией или даже просто ее консультирует, совершают тактическую и этическую ошибку. Я уверен, что арестанты Болотной, арестанты ЮКОСа и другие политические до сих пор сидят за решеткой еще и потому, что нашлось изрядное количество людей с хорошей репутацией, которые заседают в разных благонамеренных советах и даже занимают официальные посты. Какими бы прекрасными соображениями эти люди ни руководствовались, на деле они коллаборационируют с путинским режимом и продлевают его существование».

Давайте поразмышляем над прочитанным и зададим себе вопрос: что такое «политический центр»? Попытаемся представить себе «центр» в западном плюралистическом обществе. Но даже там «центризм» вызывает сомнения. Каким может быть «политический центр» в США при монополизации сцены республиканцами и демократами? Что может выражать такой «центр» — понемногу умеренных идей от каждой партии? Но тогда каких идей? Почему до сих пор этот «центр» там не возник? А где «центризм» находится в Германии, и кто его выразитель?

Еще сложнее представить себе политический «центризм» в авторитарном обществе. Где он может находиться в рамках системы самодержавия? Только на орбите либо внутри этой системы. Если же попытаться выйти за ее пределы — это уже не будет центр. Это будет антисистемная оппозиция с требованием ликвидации самодержавия. «Центризм» в рамках самодержавия — это форма лоялизма с попыткой сохранить достоинство. Очередная несбыточная мечта. Евгений Ихлов верно подметил: «Строго говоря, центризм — это утопическая надежда вынудить государство вести себя прилично, не разрушая его».

Гарри Каспаров поймал Бориса Акунина на логическом противоречии. Вот что написал Каспаров:

«Объявивший себя закоренелым “центристом” Борис Акунин категорически не приемлет революционной смены вех, даже если такая революция будет носить абсолютно мирный, ненасильственный характер. При этом он отвергает

классическую центристскую формулу о благотворном характере влияния на власть изнутри. Невозможность каких-либо конструктивных переговоров с режимом, продолжающим политические репрессии, сегодня является для Акунина аксиомой. Только одно это признание апологета “умеренных” делает прошедший год важнейшим шагом вперед в процессе политического созревания российского гражданского общества... Ирония судьбы — подняв столь высоко планку этических требований, Акунин оказался в логическом тупике, ибо убежденный сторонник “центризма” по определению является конформистом, а под давлением обстоятельств вполне может стать и коллаборационистом. В любой системе координат центр служит источником сохранения статус-кво и по своему назначению не может генерировать импульсы перемен, направленные на изменение сложившегося равновесия... Кстати, идею центристской партии реформ за девять десятилетий до Акунина блестяще спародировал Ярослав Гашек, создавший состоящую только из него “партию умеренного прогресса в рамках закона о последних выборах”».

Да, верно: неприятие Борисом Акуниным конформизма и коллаборационизма подрывает основания его концепции политического центризма. И прекрасно! Для нас акунинский призыв «НЕ сотрудничать!» гораздо важнее любых его «центристских» построений.

Стремление к постепенности и умеренности при сохранении самодержавия, конечно, является системным. Потому что постепенные изменения не подрывают его основ, ибо — повторяю — они системой успешно усваиваются и перемалываются.

Существуют разные формы «системности». Самая распространенная — надежда на то, что удастся поставить во главе государства либо правительства своего человека, который будет вынужден осуществлять реформы. Но это должен быть обязательно человек «изнутри». Такой подход представлен в уже упоминавшихся докладах Центра стратегических разработок. Будем считать, что я делаю им добавочную рекламу. Михаил Дмитриев и его коллеги убедительны, когда говорят о серьезности нашей ситуации, и очевидно, что они осознают проблемы, которые накапливаются и которые власть не в состоянии решить. Но вот их рекомендации оказываются вполне системными. А потому беззубыми и несбыточными. Выход, который

предлагает ЦСР, повторяет старые идеи ИНСОРа. ЦСР, так же как ИНСОР, обращается не к обществу, а к политической элите, и даже не совсем к ней. ЦСР обращается к «центру власти», следовательно, к Владимиру Путину. А к кому же еще?!

Увы, для того чтобы соединить реалистический анализ со своей политической ориентацией на лидера как субъекта перемен, цзэсэровцы вынуждены жертвовать не только анализом, но и реалистичностью целей. Смотрите сами. В уже упоминавшемся докладе Центра стратегических разработок («Движущие силы и перспективы политической трансформации в России в 2012 г.») авторы доказывали, что Россия вошла в кризис и «власть в ее нынешнем состоянии не сможет обеспечить быстрые сдвиги к лучшему». Нельзя не согласиться! Но тут же они, как будто заразившись когнитивным диссонансом (который они же и анализируют), делают вывод: протесты «уже изменили вектор политического развития страны, усилив готовность властей действовать в направлении ускоренной социальной и политической модернизации». Но позвольте, как власть, которая «не может обеспечить сдвиг к лучшему», оказывается готовой к переменам?

Смотрим дальше. В целях ускорения процесса модернизации эксперты ЦСР предлагают не просто диалог между «сторонниками модернизации во власти и среди протестующих», но и «кооптацию протестующих в систему власти» (подчеркнуто мной. — Л. Ш.). Но если власть (кстати, кто там во власти сторонник модернизации?!) потеряла доверие продвинутых слоев населения, то к чему может привести «кооптация» в нее представителей этих слоев? Скорее всего, к их самодискредитации. Что и происходило на протяжении последних 20 лет со всеми, кто приблизился к Кремлю, вступив в окормляющие его симулякры.

Когнитивный диссонанс остается популярным состоянием среди экспертов и политиков либерального направления. Система нереформоспособна и власть нелегитимна, твердят они. Но все равно с этой властью нужно вести диалог. Его целью должно быть изменение системы. Но, если система нереформоспособна и власть нелегитимна, о чем с нею говорить? И с кем внутри власти можно говорить? Может быть, пока лучше говорить друг с другом и создавать независимые площадки для выработки стратегии? Нет, не хотят коллеги говорить друг с другом, хотят говорить с властью.

Еще один пример системности — призывы заняться самосовершенствованием. Нельзя изменить ситуацию, не начав с себя, говорят его сторонники. Вот к чему нас призывает Сергей Караганов, опять-таки после того, как он весьма критически оценил состояние, в котором очутилась Россия, определив его как «трясину» и «безвременье»: «...У нас модернизацию надо начинать с самого человека, с самих себя, а это значит — с образования, здравоохранения, здоровья нации, с повышения социального и человеческого капитала». Можно бы и согласиться. Но как изменить себя, не изменив условий, в которых ты живешь? Как «повысить» человеческий и социальный капитал, если власть, монополизировавшая ресурсы, заботится только о своем человеческом и прочем капитале?

Политика «малых дел», о которой я упоминала неоднократно, — еще одно проявление системности. Только один комментарий вдогонку. Мне попалась на глаза статья Максима Мотина, независимого депутата района Печатники (г. Москва). Он дал ответ сторонникам «малых дел», которые надеялись сделать что-то хорошее, избравшись в органы местного самоуправления. В августе 2012 г. он прокомментировал избрание в местное самоуправление Москвы 1500 независимых депутатов. И что? Они не имеют ни полномочий, ни средств. Они стали занозой для местной власти. И власть, говорил Мотин, нашла, как их обезвредить. Власть переложила на них свои проблемы, при этом не давая никаких ресурсов. Они стали «козлами отпущения», за которыми власть спряталась от населения. «Вы их выбирали. Вот и спрашивайте с них!!» — говорили местные начальники населению. Вот вам эффективность политики «малых дел» либо обновления по частям.

Не могу не вспомнить еще об одном проявлении системности — о «прохоровщине». Я говорю о политической активности олигарха Михаила Прохорова, который попытался стать представителем умеренного либерального крыла и даже участвовал в президентских выборах. Затем Прохоров начал создавать партию либерального направления. Все еще, кажется, пытается продолжать свой партийный проект. Не исключено, что к моменту издания книги закончит пытаться... А быть может, его партийный проект станет долгоиграющей пластинкой. Но уже нет сомнений, что она нам будет наигрывать.

Можно было бы даже поддержать прохоровский эксперимент участия в политике. Чтобы окончательно завершить

дискуссию о том, в состоянии ли российский олигарх в российской ситуации стать независимым политическим субъектом. Но ведь ответы на эти вопросы давно даны. Неужели судьбы Ходорковского недостаточно для того, чтобы больше к этим вопросам не возвращаться? Ведь Ходорковский наглядно и на себе доказал: Кремль не допускает самостоятельности олигархии; любые ее претензии на самостоятельную роль будут искореняться, а их носители будут наказаны.

Путин, добавим, сам неоднократно подтверждал, что Кремль не допускает реальной борьбы за власть. Политики, которые не борются за власть, автоматически становятся спарринг-партнерами власти. Прохоров это продемонстрировал на президентских выборах 2012 г. Зачем нам еще один прохоровский эксперимент — чтобы доказать очевидное совсем уж непонятливым? Если власть не позволяет реальной конкуренции, но позволяет Прохорова, значит, он нужен власти. Неважно, в каком контексте. Но, уж конечно, не для того, чтобы власть ослабить.

Впрочем, в том, что Прохоров — кремлевский проект, не было сомнений с самого начала. Это знали и те, кто за него голосовал на президентских выборах. Со стороны демократически настроенных избирателей голосование за Прохорова являлось скорее жестом отчаяния. Тем временем Прохоров четко следовал правилам кремлевской игры — после выборов забыл о своих избирателях и исчез с политической сцены. Понятно почему: он больше не был нужен Кремлю.

Что же означает тогда его новая роль — во главе «Гражданской платформы» — и его попытки участвовать в местных выборах? Да то же самое. Повестка Кремля не изменилась. Кремль не возражает против участия ручной прохоровской партии в местных выборах. Почему бы и нет — угрозы для власти никакой. А польза может быть: происходит некое шебуршение, создавая видимость какой-то политической активности. Не опасной для власти. Как только возникает момент, когда прохоровское шебуршение может стать неудобным для Кремля, Прохоров отползает... Так, он ушел с московских мэрских выборов, где, имея определенный электорат, ищущий альтернативу власти, пусть и мифическую, мог стать реальным соперником Собянина. Прохоров ушел моментально, не возмущаясь.

Ему разрешили играть в провинции. Прохоровская «Гражданская платформа» поддержала Евгения Урлашова, мэра

Ярославля, возглавившего список ГП на выборах в ярославскую областную думу, и Евгения Ройзмана на выборах мэра в Екатеринбурге. Но Урлашову власть даже развернуться не дала, арестовав его по обвинению в «покушении на получение взятки». Вы когда-нибудь слышали такое обвинение?! И как отреагировал Прохоров на арест своего человека? Да никак! Он молча проглотил очередную пощечину и ушел с ярославского поля. Даже не попробовав протестовать! Даже не пытаясь защитить своего человека! Жители Ярославля выходили на митинги, требуя освобождения Урлашова. Но прохоровской партии и самого Прохорова на этих митингах никто не заметил. Было понятно, что, если власть решит убрать Ройзмана, Прохоров проглотит и это. Но все дело в том, что пребывание Ройзмана в роли мэра Екатеринбурга ровным счетом ничего не изменит — в этом городе все ресурсы власти в руках сити-менеджера, а не мэра. Да и сам Ройзман неоднократно заявлял, что он не оппозиционер, а совсем наоборот, вполне системный человек, готовый работать с властью. Прохоров сделал безопасную ставку.

Прохоров откровенно, не стесняясь, делал все, чтобы его не заподозрили в бунтарских намерениях. Трудно избавиться от впечатления, что поразительная организационная слабость его ГП, а также тот факт, что ГП, как мусороуборочная машина, подбирала в регионах оставшихся не у дел единокоренных, тоже вполне намеренные — ему не нужно иметь сильный политический проект. Он понимает, что это опасно.

Единственное объяснение, которое возникало при взгляде на странную политическую активность Прохорова-политика, включая избирательную кампанию его партии и саму эту странную партию, следующее: Прохоров по рекомендации сверху, а может и без рекомендации, создал партийный симулякр, который должен работать на оппозиционном поле, собирая под себя недовольный электорат, гася его недовольство и оставляя его потом на пустыре. Именно так он поступил со своим президентским электоратом. Этаким пастушок, играющий на дудочке... Для чего он это делал? Удовольствия ради? Чтобы провести время? Надеясь на благодарность Кремля? Скорее всего, последнее. Благодарность в виде поста московского мэра оказалась невозможной. Попытается получить ее в виде поста председателя Московской думы. Власть скажет: «Нет!» — он пойдет играть дальше... надеясь на другой вид благодарности.

Гарри Каспаров в апреле 2013 г. «расчехлил» создание фальшивых альтернатив. Вот как он напомнил нам о «кредитной истории» Прохорова:

«В июне 2011 года он внезапно возглавил партию “Правое дело”, но в сентябре куда-то испарился. В декабре вдруг решил баллотироваться в президенты России и уже через 22 рабочих дня представил в Центризбирком 2,1 млн подписей! И без проблем был зарегистрирован кандидатом в президенты (тогда как, скажем, Явлинскому отказали в регистрации). А в марте 2012-го мгновенно признал итоги президентских выборов и... снова испарился, аж до самого октября! Понятно, что этот человек-громоотвод выполняет ответственные “партийные” задания. Своего рода прогрессор многоразового пользования, приходящий в политику и уходящий из нее по путинскому свистку».

Напомнил Каспаров и о «кредитной истории» Алексея Кудрина, который долгие годы был доверенным лицом Владимира Путина. Вот какой вывод он делал в отношении «тандема» Прохоров – Кудрин:

«Напомню, что системные либералы не оппозиция, а неотъемлемая часть правящей элиты, ее идеологическая стража, управленческая и финансово-экономическая опора. Тандем Прохоров – Кудрин пока верен Путину и старательно уводит общественный протест в безопасное русло, но волею истории вполне может стать и врагом Кремля. Они именно потому и находятся рядом с правителем, чтобы успеть вовремя подхватить падающую власть. И, естественно, сохранить в России сложившийся на обломках СССР криминально-олигархический режим. В этом их главная задача, и этому должна помешать реальная, а не “фейковая” оппозиция. Победить на честных выборах вожди сислибов, очевидно, не могут, а как будут проходить выборы под их контролем, все давно знают. Да и так ли уж незаменимы эти “проверенные кадры”? В России, я уверен, еще не перевелись ни таланты, ни честные профессионалы».

Что ж, Каспаров прав насчет того, зачем власть создает «фейковые альтернативы». Что касается олигархов, то ни претендовать на лидерство, ни стать политиками в путинской России им не грозит. Тем более в стране, которая не может решить проблему равенства и справедливости. Так что Прохоров вряд ли сможет подхватить «падающую власть» в случае ее падения — не получится.

Мне кто-нибудь, возможно, напомнит о Грузии и о том, что там президентом стал миллиардер Бидзина Иванишвили. Так почему не может быть перспективы у Прохорова? Отвечу: перед тем как победить на выборах, Иванишвили уже взял на содержание чуть ли не половину населения Грузии. Но самое главное, в Грузии выборы были свободными, и до выборов власть не пыталась использовать Иванишвили в своих целях, тем более «многократно». Он мог сохранить репутацию независимого политика. Так что эта аналогия не работает.

Коль скоро мы заговорили об олигархах в политике, еще один вопрос: имеет ли политические шансы бывший олигарх Ходорковский, когда он выйдет из тюрьмы? Михаил Ходорковский сам фактом противостояния с Кремлем и своей драматической судьбой создал для себя морально-нравственный и политический капитал, которого нет ни у одного российского политика, а тем более олигарха. Но это его дело — как он им распорядится.

Возвращаясь к Кудрину и Прохорову. Несмотря на сходство, у них есть основания для разной политической судьбы. Так, Прохоров решил участвовать в кремлевской политической игре. Политизация в наших условиях означает тесную привязку к власти и следование ее повестке дня. Иначе в самодержавной реальности нельзя! Прохоровский проект, как в период президентской кампании, так и в 2013 г., означал одно — увод активного и строптивого меньшинства в нейтральное, не опасное для власти поле и создание видимости политического плюрализма.

Мне могут возразить, что в Восточной Европе партии-сателлиты в момент общественного подъема и «бархатных революций» дистанцировались от власти и начали пытаться приобрести опору в обществе. И кому из них это удалось? Только некоторые партии-сателлиты сумели выжить, но в качестве маргинальной силы. Однако после того, как сменили лидеров, структуру, идеологию и зачеркнули прошлое — зачеркнули полностью!

Представить себе возможность независимой политической инициативы во главе с олигархом, тем более в ситуации, когда режим начал переходить к утрамбовыванию политической сцены, — это из области фантастики. Сама идея противоречит логике функционирования путинского режима.

Впрочем, давайте послушаем, что Прохоров говорит о своих политических планах и как он понимает перемены. Не потому, что владелец бренда интересен как личность или как политический субъект. А потому, что «прохоровщина», т. е. лозунги и ход мыслей, которые на данном этапе нашли своего носителя в лице Михаила Прохорова, еще будет востребована российским правящим классом и обслуживающими его группами. Ощущая неустойчивость путинской конструкции, опасаясь социального взрыва, они будут пытаться найти способ ее подлатать, придать ей хотя бы временную жизнеспособность, но с одной лишь целью — для того чтобы обезопасить свои позиции и интересы. Короче: изменить немножко, не меняя по существу.

Давайте обратимся к прохоровской аргументации, изложенной в статье, которая, видимо, предполагалась в качестве программной и была опубликована в «Ведомостях» в августе 2013 г. Вот что писал Михаил Прохоров: «Объективно любые перемены рано или поздно расшатывают основы политической конструкции, что приведет, надеюсь, к безболезненному обновлению власти уже в ближайшие годы». А теперь я прокомментирую. Во-первых, не все перемены, которые «расшатывают основы», могут привести к чему-то хорошему. Могут закончиться и хаосом, особенно если у тех, кто «расшатывает», нет понимания стратегической цели либо целью для них является их собственное выживание. Во-вторых, пока что путинские перемены на протяжении 2012–2013 гг. только укрепляли существующее правление. В-третьих, что означает «обновление власти», если автор не хочет менять правила игры, т. е. конституцию? Видимо, такое «обновление» может означать — слазьте, я сяду! И чем, скажите, пожалуйста, Прохоров лучше Путина?

А вот и еще более красноречивое прохоровское заявление, которое свидетельствует о политической ментальности автора: «На смену однопартийной системе... неизбежно должна прийти двухпартийная модель, и мы готовы стать одним из ее ключевых элементов. Только таким путем удастся удержать ситуацию в рамках конституционного поля и не позволить ей скатиться, с одной стороны, к реакции и вероятным политическим репрессиям, а с другой — к массовому политическому протесту, чреватому угрозой гражданского противостояния и насилия».

Я вам скажу: не нужно более ничего; достаточно только этого абзаца, чтобы понять, чего же хочет написавший эти

строки. Он, конечно же, выражает опасения и страхи представителей своего круга. Эти люди (речь идет о крупном бизнесе и их обслуге) не хотят репрессий, ибо опасаются, что и они могут попасть под каток. Но не меньше они боятся массового протеста, который может снести не только власть, но и их вместе с властью. Поэтому им бы хотелось убедить власть допустить их на кремлевскую площадку и дать возможность подновить конструкцию. Как подновить? Вот Прохоров предлагает свою партию в качестве замены старого спарринг-партнера власти — «Справедливой России». Но чем «Гражданская платформа» будет выглядеть убедительнее «справедливороссов»? С какой стати Кремлю вытаскивать на сцену партию олигарха в ситуации, когда начинают появляться знаки растущего социального недовольства! Ну, разве что для того, чтобы отвлечь внимание недовольных от власти...

Алексей Кудрин и его соратники пошли другим путем — они решили отказаться от создания политической партии. Словом, не играть во властные игры. И правильно сделали. Создав партию, они не только топтались бы на одном пятачке вместе с Прохоровым — они полностью закрыли бы для себя возможность ухода из системной сферы. Ибо политикой при нынешней власти могут заниматься только беззаветно лояльные ей силы и лидеры, которые должны доказывать власти свою лояльность постоянно.

Кудрин же выбрал поприще общественной и экспертной деятельности. Да, его КГИ (Комитет гражданских инициатив) подчеркивает свое стремление работать с властью и надеется на ее эволюцию. «Нужно дать власти шанс измениться», — говорит Кудрин. А что еще он может говорить?! В своих экспертных материалах кудринцы также обращаются к власти. Они призывают власть заключить новый «общественный договор» с обществом, который привел бы к либерализации отношений власти и общества и включению «рассерженного меньшинства» в активную политическую жизнь. Власть, понятное дело, советы кудринских соратников игнорирует.

Но все же тот факт, что кудринский КГИ избрал для себя экспертную сферу и общественные проекты, особенно в регионах, расширяет для него возможность сохранения некоторой независимости в суждениях и возможность создавать технологические решения, которые могут пригодиться в будущем. Короче, этой системной группе не нужно терять свое

достоинство, обслуживая власть напрямую. Жесткие критики власти скажут: отсутствие прямой работы на Кремль является маскировкой, которая должна сохранить Кудрина для следующего этапа, когда он вновь понадобится власти. Скорее всего, так. Пока же те конкретные проекты, которые делает КГИ, пока оппозирующее власти меньшинство все еще слабо, мне лично представляются полезными. Что плохого в экспертных заключениях на законопроекты — в том числе об НКО — иностранных агентах, о волонтерской деятельности, о контроле над расходами госслужащих и о реформе партийного законодательства? Что плохого в создании Центра гражданской взаимопомощи для обучения волонтерской деятельности (по словам Кудрина, уже созданы 24 центра в регионах и накоплено около трех тысяч дел)?

Давайте поглядим, что будет дальше происходить с кудринским КГИ. Ведь не нужно большой политической искренности для того, чтобы увидеть, где и когда деятельность таких организаций стимулирует полезную гражданскую активность, а где имеет целью направить эту активность на поддержку власти.

Выше я говорила о разных формах системности. Но и те, кто критикует центризм и умеренность (я к ним принадлежу), не очень-то продвинулись вперед. Мы постоянно твердим: нужна трансформация системы и нужна «дорожная карта» этой трансформации. Но пока те «дорожные карты», что мы сотворили, не убеждают и не привлекают общество, оставляя массу вопросов. Кроме того, не может быть стратегии, которую подержало бы общество, без общественного обсуждения. Между тем даже политизированная аудитория не проявляет особого желания дискутировать о теоретических вещах, тем более о таких, которые относятся к неопределенному будущему. Многие из тех, кто призывает писать стратегии, не готовы подписываться на долгий марафон. Более того, они даже не могут еще определить для себя приоритеты стратегии. Словом, сторонники трансформации в их споре с умеренными и центристами оказываются столь же неубедительны. Во всяком случае, в настоящее время.

Ну, а пока споры между сторонниками радикальных и умеренных перемен доминируют в общественной дискуссии. Сама вношу в этот спор свою лепту — на стороне радикалов. Не уверена, что возможно согласие между умеренным

и радикальным подходами относительно того, как начинать перемены. Дело не во взаимном неприятии, обидах и личной враждебности спорящих. Дело в нестыковке их позиций.

Конечно, эмоции и желчь в наших спорах тоже не облегчают дискуссию. Одни обвиняют других в экстремизме, те обвиняют своих оппонентов в соглашательстве и конформизме. А время уходит, и непонятно, где выход из тупика, в который мы все глубже забираемся...

Вот что по этому поводу не без сарказма писал Дмитрий Орешкин:

«...Два подхода. Один, передовой, устремленный в будущее, заключается в том, чтобы почаще напоминать окружающим, что ты самый умный, самый продвинутый и потому всем прочим козлам надлежит тебя слушаться. И тогда непременно наступит счастье. И правда: если бы все в России были такими умными, честными и бескомпромиссными либералами, как А.Н. Илларионов, Ю.Л. Латынина или А.А. Пионтковский, Лондон давно был бы заткнут за пояс... А все остальные — такие, например, как Л.М. Алексеева из МХГ, Н.Ю. Белых из Вятки, А.А. Венедиктов из “Эха”, Е.Т. Гайдар с того света, П.Н. Гусев (слава богу, с этого, из “МК”), Б.Е. Немцов, С.Б. Пархоменко и многие, многие другие — позорные соглашатели и прислужники режима... Переделать систему, уничтожив одного “неправильного” Кощея и посадив на иглу другого, “правильного”, пусть даже умного и кристально чистого, — невозможно... То есть не в Путине даже дело. Сегодня есть Путин, завтра его нет — какая разница... Непонятно другое: что мы могли и можем сделать для смягчения последствий ожидаемого провала путинской политики и минимизации человеческих потерь при выходе из-под развалин очередной потемкинской деревни... Лишь бы не по югославскому варианту — чтобы кровищи поменьше...»

Да, понимаю Орешкина. Нам нужно побольше спокойствия и взаимного уважения в полемике друг с другом; меньше агрессивности и самоуверенности. Да, согласна — Путин не основная наша проблема. Наша задача — переделать систему, но так, чтобы не сорваться в пропасть. Вот здесь мы все и спотыкаемся — ибо не знаем, как это сделать. Мы не сможем решить этот вопрос, пока не определимся в своем кругу — как трансформировать эту систему? Как убедить в этой необходимости общество? Но все, кого упомянул Орешкин, насколько я понимаю, придерживаются разных подходов к данной теме...

О КОАЛИЦИЯХ И УЧАСТИИ В ВЫБОРАХ

А теперь ряд вопросов из области «технологии» протеста и демократизации. Именно эти вопросы вызывают в России самые острые споры. Мы вообще любим больше спорить о технологии, а не о сущности и приоритетах. Начнем с вопроса, который всегда стоит на повестке дня любого движения, размышляющего о власти, — вопроса о политических коалициях. В момент политического оживления это один из главенствующих пунктов политической тактики: с кем и против кого? Опыт демократических транзитов в последние 50 лет говорит о том, что только широкое объединение сил, заинтересованных в демонополизации власти и политической конкуренции, может стать гарантией выхода страны из единовластия. Если где-то побеждала одна политическая сила, у нее немедленно появлялось тяготение к тому, чтобы воспользоваться плодами победы самостоятельно и ввести новую монополию на власть. Идеальным вариантом демократического выхода являлись «бархатные революции» в Восточной Европе. Признаю, что у них был объединительный фактор — существование СССР, от которого эти страны пытались убежать и спрятаться в объятиях Европы. Этого хотели все политические силы, включая националистов, настроенных там прозападнически.

В нынешней России нет этого облегчающего фактора. Возникает ощущение, что у нас вообще нет никаких стимулов для общедемократического объединения разных политических сил. Различия между либералами и националистами, либералами и левыми многими в либеральном сообществе воспринимаются как более серьезные, чем конфликт между либералами и властью. Короче, многие либералы готовы терпеть власть, но только не идти в одной колонне с националистами и левыми.

Давайте взглянем, как эти настроения отразил публицист Александр Подрабинек. Я часто с ним соглашаюсь. Однако по вопросу сотрудничества с другими силами не думаю, что он

прав. И чем дальше, тем больше я думаю, что он не прав. Подрабинек четко обозначил позицию, которую разделяют и другие «ортодоксальные» либералы (Валерия Новодворская — еще один яркий пример этого течения), — никаких контактов, а тем более союзов, обсуждений, совместных действий с левыми и националистами. Вот выдержки из статьи Подрабинека:

«...Левые представляют собой совершенно иной пласт политической культуры, имеют совсем другие моральные ценности и ориентированы на противоположный политический результат... Вся левая идея построена на том, что цель оправдывает средства, что мораль вторична, а брюхо и выгода — первичны... Следуя этим своим “принципам”, они могут замучить в ГУЛАГе миллионы людей ради построения коммунизма, а могут сдать своих товарищей ради собственного освобождения. Тут нечему удивляться, такова левая идеология и шкала их жизненных ценностей. От них надо шарахаться, как от зачумленных, но, похоже, это делают только те, у кого на красных выработался устойчивый иммунитет... Люди приходят протестовать, но, увидев красные знамена и коммунистическую символику, поворачиваются, уходят и больше не возвращаются. Сколько в результате этого либеральная оппозиция приобрела красных сторонников и потеряла своих, подсчитать невозможно».

То, что для левых «брюхо и выгода» первичны и подобного рода прагматизм — их родовая черта, является, мягко говоря, искажением исторической правды. Можно привести немало примеров подвижничества левых, в том числе и в российской истории. Можно не соглашаться с идеями, во имя которых они жертвовали свободой и жизнью. Но нельзя отрицать самого факта способности сторонников левых идей идти на самопожертвование. Так нелюбимый многими либералами Сергей Удальцов, сидящий под домашним арестом, имеющий все шансы оказаться в тюрьме и не имеющий средств для нормального существования его семьи, вряд ли может служить иллюстрацией тезиса Подрабинека о «брюхе и выгоде». А недавно скончавшийся от тяжелой болезни бесребреник, честнейший и самоотверженный Константин Косякин, координатор Левого фронта и постоянный заявитель митингов в защиту 31-й статьи Конституции, показывает пример подвижничества во имя идеи.

Напротив, примеров конформизма немало среди либералов, о чем свидетельствуют наша недавняя история и нынешняя практика. Страницы не хватит, если начнешь перечислять

тех либералов, кто своим поведением не оставляет сомнений в том, что именно «брюхо» для них является приоритетом.

Могут ли нынешние левые на протестном фланге (я не говорю о кремлевских левых в лице компартии Зюганова) «замочить в ГУЛАГе» миллионы? Хм... Справедливо задать и другой вопрос: а могут ли наши либералы, поклонники Пиночета, устроить в Москве свой стадион «Сантьяго» и начать операцию «Караван смерти»? Послушайте рассуждения Юлии Латыниной о ее любимых героях Пиночете и Фухимори и о необходимости кровопускания при достижении либеральных целей, в которой она пытается убедить массовую аудиторию.

Александр Подрабинек уверяет, что «Путин хоть и зло, но не абсолютное», сравнивая Путина с известными мировыми злодеями — начиная со Сталина и кончая Пол Потом. Трудно спорить. Дальше он утверждает, что «Россия под управлением Зюганова или Удальцова, Белова или Лимонова будет заведомо хуже путинской».

Не слишком ли проста и пропагандистски заточена система аргументов? Хотелось бы услышать аргументы поубедительнее. Давайте вспомним 1998–1999 гг. После того как власть, в которой за экономику отвечали именно либералы, ввергла Россию в дефолт и финансовый обвал одновременно, Ельцин был вынужден согласиться на формирование «левого правительства» во главе с Евгением Примаковым. Последний привел в правительство не просто левых — коммунистов! Помните фамилию Юрия Маслюкова, представителя фракции КПРФ в Думе? Между тем, Маслюков стал первым вице-премьером. И что произошло с Россией? Левое правительство, которое имело поддержку в парламенте, сумело провести непривычно жесткий для России бюджет, отказавшись подпечатывать деньги. А коммунисты в Думе были вынуждены поддержать все примаковские меры по финансовой стабилизации. Да, Примаков не стал реформатором. Но он, опираясь на левых, тогда предотвратил дальнейший обвал. Оказалось, что левые, когда ощутили на себе ответственность, смогли вести себя разумно. Это не означает, что все левые и впредь будут демонстрировать разумность в либеральном понимании этого слова. Это значит, что разрушительная роль левых в российских процессах — не аксиома, не то, что является безусловным и неизбежным.

Что касается ослабления протестного движения, то не участие левых и националистов (вовсе не преобладающее) по-

служило основной причиной затухания волны. Были другие причины, и более существенные. Среди них — слабость и невразумительность протестной повестки, которая формировалась прежде всего либерально ориентированными людьми, отсутствие заслуживающих доверия лидеров. А также неготовность подавляющей части протестантов продолжать протест, что требовало перехода от гражданского недовольства и хождения по бульварам к политическому протесту и политической борьбе со всеми ее рисками в условиях авторитарного общества.

Почему бы либералам не поразмыслить над тем, что можно и нужно предпринять, чтобы на левом и националистическом флангах оформились силы, готовые согласиться, что Россия достойна правового государства, и начать искать пути движения в этом направлении? Между тем тот факт, что во главе других политических и идеологических течений стоят люди, с которыми либералу не хочется даже общаться, не только следствие соответствующих настроений в отдельных слоях общества, не только заслуга власти. Нынешняя политическая мозаика России — это и результат отторжения нелиберальных течений со стороны либералов и стремления последних играть лишь на своем поле и лишь друг с другом. Либо на поле власти, что случается даже чаще. В результате либералы сами себя замуровывают в собственном гетто. Либо обрекают на сожительство с властью (в котором у них роль понятная и незавидная), все надеясь, что придет добрый и умный царь-реформатор и все устроит по-хорошему. Во всяком случае, после долгого господства в оппозиционном информационном пространстве (во времена Ельцина и раннего Путина — во всероссийском официальном пространстве) либералы так и не смогли расширить свою политическую и общественную базу. Не означает ли это, что либералам нужно подумать о контактах с другими политическими силами?

Мне в данном случае импонирует позиция Дмитрия Быкова. Вот цитата из разговора Виталия Дымарского и Дмитрия Быкова на «Эхе» (апрель 2013 г.):

В. Д. — ...Либералами же не обзывают Удальцова или этого националиста... как его там фамилия?..

Д. Б. — Их всех называют либеральной «Болотной тусовкой». Почему, Удальцов же за свободу слова? Он за «либеро», он за освобождение, он за свободу.

В. Д. — Никто не понимает смысла, что либерализм — это, в общем-то, свобода.

Д. Б. — Совершенно верно. И, конечно, круг врагов сегодняшней власти — он довольно пестр. У меня есть как раз новое стихотворение. Вот, я как раз собираюсь 18 апреля в зале Чайковского прочесть стихи новые, посвященные Косте Крылову, моему другу, оппоненту, товарищу, писателю очень хорошему. Он сейчас под огнем. Все мы это понимаем. У меня могут быть с ним любые расхождения, но у нас есть общая цель — нам сейчас нужно общее поле для борьбы, а когда у нас будет это поле, мы можем быть любыми врагами. Но сейчас мы едины, как едины люди в борьбе с саламандрой.

Нам в своем либеральном междусобойчике пора задуматься над тем, что происходит в других политических и идеологических кругах, которые занимают оппонирующую власти позицию. Что мы о них знаем? Насколько мы их понимаем? Насколько они понимают нас? Между тем в среде националистов, которых либералы на дух не выносят, появились новые течения. Игнорировать их нельзя. Вот что говорил Валерий Соловей, лидер национал-демократического течения «Новая сила», которое пытается занять умеренную нишу:

«Свобода и справедливость — вот что должно стоять сейчас в центре националистической повестки. И это отнюдь не мимикрия под популярные лозунги. Свобода, демократия, справедливость составляют содержание того самого национального государства — национального в европейском понимании, которое мечтают построить в России вменяемые националисты. Вместе с тем именно свободные, конкурентные и честные выборы — самый экономичный и безболезненный путь прихода к власти. Но если националисты хотят на этих выборах победить, тогда им надо перестать быть только националистами, а стать еще (и даже в первую очередь!) демократами и защитниками социального государства».

Почему приведенная выше позиция не может быть поводом для разговора либералов с теми в националистическом лагере, кто эту точку зрения поддерживает? Конечно, есть существенные и неразрешимые противоречия между либералами и другими идеологическими течениями, если речь идет об отношении к рыночным реформам, идее «русского государства», вопросу миграции, к Западу. Но ведь среди нелибераль-

ных течений есть сторонники политических свобод и правового государства, с которыми можно дискутировать.

Мы, либералы, забываем, что нас меньшинство и даже при самых благоприятных обстоятельствах нас могут поддержать от силы 15–20% населения. И то в случае, если произойдет совсем невероятное и все либеральные партии объединятся в одну политическую силу. Что это означает? Да то, что либералы не смогут победить и управлять Россией самостоятельно. Следовательно, у либералов остается два варианта действий. Первый: надеяться на сильного лидера, что либералы и делали до сих пор. Сильный лидер — это авторитарное правление. Каждый раз либералы и поддерживали Лидера с неограниченными полномочиями, мечтая, что он станет реформатором. Каждый раз они были вынуждены наблюдать, как монополия на власть отторгает любые реформы.

Второй вариант: пытаться создавать коалиции (пусть временные) с другими силами на основе взаимного обязательства признать принципы свободы и политической конкуренции, а также строительства правового государства, в качестве стратегического курса для России. Пока, увы, только немногие в либеральном движении и либеральной аудитории готовы к такому варианту действий.

Между тем в мировой практике нового времени нет ни одного случая создания демократического правового государства одной политической силой, которая в обществе была в меньшинстве. Все успешные трансформации в мире являлись результатом деятельности коалиций, которые включали разные идеологические течения, но которых объединяла одна цель — стремление демонтировать режим личной власти. Демократизация всех авторитарных обществ в последние 50 лет, от Чили до Португалии, от Польши до Южной Кореи, — следствие общедемократического порыва сил, признавших необходимость отказаться от монополии на власть. Да, в общедемократических коалициях и движениях сосуществовали и взаимодействовали люди и группировки, которые терпеть не могли друг друга и по-разному видели путь дальнейшего развития. Их сотрудничество было тактическим, после победы они шли разными путями и чаще всего становились противниками.

Тот факт, что российские либералы в своей массе не готовы к созданию общедемократических коалиций, может говорить и о том, что они не чувствуют себя уверенными в отстаивании

своей позиции в диалоге с другими и не имеют убедительной тактики и стратегии, которую они могли бы предложить и обществу, и своим потенциальным союзникам. Поэтому для многих либералов (не только сторонников Путина, но и системных антипутинистов) демократия и либерализм не совместимы. «Россия должна идти тем путем, который прошли развитые западные государства, — сначала либерализм, а потом постепенно демократия, — говорят они. — Чтобы соединить их, нужны десятилетия, если не столетия». И как, спрошу я их, вы, пока внедряете либерализм и права для избранных, будете удерживать под контролем остальное общество? Учтите, это уже не феодальная биомасса, это общество, живущее в XXI веке! Вряд ли вам будет достаточно авторитаризма. Понадобится диктатура. Для того чтобы удержать это общество под контролем, российским пиночетовцам будет недостаточно расстрелять для острастки пару тысяч, как сделал Пиночет. Придется уничтожать десятки тысяч! Так что нынешний путинизм может показаться воплощением мягкости и гуманности по сравнению с новой либеральной диктатурой.

Однако, пожалуй, главное препятствие на пути формирования общедемократической коалиции — это фрагментация самого либерального поля. Если российские либералы не смогут консолидироваться политически, им придется удовольствоваться тем, что они имеют сегодня, — ролью придворных советников в Кремле и все слабеющим голосом недовольства из политического подполья.

Впрочем, все аргументы, перечисленные выше, осознаются в либеральной среде. А так как значительная часть либерального сообщества, и прежде всего его умеренная часть, отбрасывает идею общедемократической коалиции, это говорит об одном: либералы не готовы — пока — жить в плюралистическом обществе без опоры на авторитарного лидера, который служил бы им защитой от плебса.

Наконец, еще один вопрос, который продолжает вызывать споры: участвовать ли в выборах в ситуации, когда власть готова на все, чтобы гарантировать нужный ей результат, или бойкотировать выборы? На протяжении 2013 г. перед новыми выборами в местные органы власти (прежде всего в Москве) мнения опять разделились. Меньшинство заявило, что участвовать в выборах — значит поддерживать власть. Республиканцы в своем заявлении в июне 2013 г. говорили:

«Объявленные властями т. н. выборы мэра Москвы породили у ряда представителей Общероссийского гражданского движения некоторый ажиотаж и сподвигли их на заявления о готовности принять участие в этой очередной спецоперации нынешнего нелегитимного политического режима. На наш взгляд, какое бы то ни было участие в такой спецоперации властей со стороны участников и активистов Общегражданского движения было бы серьезной ошибкой. Участие же российских граждан в циничных спецоперациях нелегитимного режима по захвату и удержанию им своей власти не только затягивает процесс перехода России к свободному обществу, но и делает его невозможным. Участники и активисты Общегражданского движения, живущие в Москве, могут (и должны) организовать и провести свои собственные выборы в народный орган московского городского самоуправления в соответствии с нормами демократического выборного законодательства (например, используя опыт и извлекая уроки из выборов и деятельности Координационного совета российской оппозиции) и сформировать, например, свой московский городской координационный совет» (А. Илларионов, А. Пионтковский, А. Долгих).

Гарри Каспаров вначале занял аналогичную позицию, но вскоре решил поддержать идею участия оппозиции в московских выборах.

На другом крае находились те, кто своей задачей поставил влияние на политику через участие в выборных кампаниях. Вот как свою позицию аргументировал Владимир Милов (июль 2013 г.):

«Не слушайте тех, кто привычно ноет про “нелегитимный бойкот”. Купите им кто-нибудь наконец уже соску, чтобы рот у них был занят. На эти выборы обязательно надо идти и голосовать. Чем больше кандидатов из разных частей политического спектра — тем больше придет на участки. Защищать голоса силами наблюдателей на выборах в Москве мы уже хорошо умеем, просто так сфальсифицировать не получится. Наличие на выборах реальных независимых кандидатов позволит выплеснуть реальную острую дискуссию о проблемах Москвы и России даже в федеральные СМИ. Второй тур — реален. Нужно всеми силами бороться за второй тур. Никакого бойкота, теперь уж точно — все на выборы».

Я всегда была с теми, кто считал, что опыт участия российской оппозиции в выборах (в том числе в 2011–2012 гг.)

подтвердил: выборы только легитимируют власть и дискредитируют оппозицию. Но жизнь может заставить корректировать позицию, не имеющую шансов на успех, и заставлять двигаться в другом направлении. Очевидно, что строить политику бойкота выборов в России очень сложно. В обществе, где уничтожены практически все легальные каналы политической деятельности, предвыборная борьба и выборы — почти единственная возможность для оппозиции заявить о себе, о своей программе и общаться с населением, не рискуя попасть в полицейский «обезьянник». Тем более что оппозиционные партии — РПР-ПАРНАС и «Яблоко» — попали в ловушку: если они откажутся от участия в выборах, то рискуют потерять право на партийную деятельность. Правда, участие оппозиции в игре, правила которой устанавливаются властью, гораздо чаще ведет к тому, что власть использует оппозицию, а не наоборот.

Короче, вот вам западня: не участвуешь — теряешь и участвуешь — теряешь. Приходится выбирать из двух зол. Вариант бойкота, конечно, морально предпочтительнее. Но этот вариант политического поведения требует сплоченности оппозиции и массового проявления недовольства, которое сделало бы бойкот национальной идеей. Этого в России все еще нет. Бойкот как средство борьбы использовался в разных странах — от Пакистана до Польши. Чаще всего он не имел успеха. Владимир Кара-Мурза вовремя и с привлечением опыта других стран объяснил российской политической аудитории, чем обычно завершается бойкот выборов. Он писал:

«Так было в 1995 году в Зимбабве, когда Движение за демократические перемены бойкотировало выборы, отдав правительству Роберта Мугабе полный контроль над парламентом. Так было в 1997-м в Сербии, когда демократическая коалиция во главе с Зораном Джинджичем отказалась от участия в парламентских выборах, облегчив Слободану Милошевичу задачу продления своей власти. Так было в 2005-м в Венесуэле, когда бойкот со стороны основных сил оппозиции позволил Уго Чавесу сформировать марионеточный Конгресс и перекроить Конституцию. Во всех этих случаях сама оппозиция по факту признавала бойкот грубой ошибкой. Американский политолог Мэтью Фрэнкель, детально исследовавший почти две сотни примеров избирательных бойкотов, подсчитал, что лишь в 4% случаев отказ от участия в выборах приносил оппозиции какую-то пользу (в основном тогда, когда на выборах

действовал минимальный порог явки — отмененный в России в 2006 году). Вывод ученого беспощаден: “Бойкоты почти всегда заканчиваются провалом... и приводят к... маргинализации бойкотирующей группы и к дальнейшему укреплению существующей власти”».

Так что российской оппозиции приходится участвовать в игре с гарантированным результатом. До сих пор оппозиция в этой игре проигрывала. Но не только потому, что власть сильнее, убедительнее, имеет больше поддержки в обществе. Оппозиция до сих пор проигрывала и потому, что не могла выдвинуть политиков, способных претендовать на массовую поддержку людей, предложить убедительную программу, которой люди бы поверили, продемонстрировать изобретательность в предвыборной борьбе. А также еще и потому, что последние лет пятнадцать в России были периодом политического штиля, когда общество, уставшее от встряски 1990-х гг., предпочло уйти в себя. Очень трудно в такой период летаргии разбудить народ любыми лозунгами и любой изобретательностью. Следовательно, существуют субъективные и объективные причины того, что оппозиция не смогла повернуть кремлевскую игру в свою пользу.

Но не забудем и другое. В ряде стран — Сербии, Грузии, Украине — именно фальсификация властью выборов стала толчком к общественному протесту. То же самое произошло, но в меньшем масштабе, и в России в 2011–2012 гг. Эти события позволяют говорить, что период летаргии в России, возможно, заканчивается. А потому выборы начинают приобретать определенный смысл. Однако не тот, который в них вкладывают те, кто говорит: вот, выберем других людей, даже оппозиционеров, и политический процесс в России приобретет новое качество; власть начнет слушать людей. Нет, конечно, не нужно иллюзий. Избрание во власть оппозиционеров ничего не изменит.

В данном случае важнее не сам процесс избрания, а обнажение в ходе предвыборной борьбы механизмов властвования и реакция общества на эту «обнаженку». Да, приходится констатировать, что в рамках единовластья важнее не просто сохранить процедуру (в данном случае выборы) — она дискредитирована. Важнее доказать факт ее дискредитации властью и одновременно убедить общество, что оно нуждается в выборах, но по другим правилам.

Приходится учитывать и новую тактику Кремля, который ищет баланс между имитацией и применением жестких административно-силовых средств. Отражением чего стали эксперимент власти с допуском Алексея Навального к выборам московского мэра в сентябре 2013 г. и попытка использовать «управляемую конкуренцию» в своих интересах.

ФАКТОР НАВАЛЬНОГО: ЧТО ОН ГОВОРИТ О ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВЕ И ОППОЗИЦИИ

Летом 2013 г. в Москве, когда власть решила пойти на досрочные выборы московского мэра, возникла ситуация, когда споры — участвовать в выборах или бойкотировать их — оказались бессмысленными. Именно эти выборы и именно в тот момент были восприняты критически мыслящей частью общества не как процесс избрания чиновника, пусть и важного в государственной иерархии, а как повод продемонстрировать свое отношение к власти и лично Владимиру Путину. Словом, мэрские выборы в Москве перестали быть выборами. Они стали референдумом москвичей по вопросу поддержки власти и президента Владимира Путина.

Политизации этих выборов во многом способствовало появление на сцене «фактора Навального». Поддержка Алексея Навального на выборах мэра в Москве в 2013 г. была понятна и морально оправданна для оппозиции и для гражданского общества, когда Навальному грозило тюремное заключение. Голосование за Навального превращало его не только в потенциального политзаключенного, но и в политического лидера. Хотя последнее вряд ли встретило однозначную поддержку на либеральном фланге — Навальный среди части либералов вызывал противоречивые чувства.

Существовали другие, еще более веские причины, по которым оппозиции следовало участвовать в тогдашних мэрских выборах. Эти выборы давали возможность консолидироваться протестному электорату в условиях усиливающейся реакции. Нужно было использовать все шансы для политизации протеста, пока существовали легальные возможности его выразить, в первую очередь через выборы. В оппонирующей среде завоевало популярность и мнение, согласно которому чем более широкой и массовой будет поддержка Навального (т. е. отторжение власти в лице кремлевского кандидата Сергея Собянина), тем меньше будет угроза дальнейших репрессий власти по отношению к обществу. Хотя была вероятна

и другая логика: сплочение протестного электората могло стать для власти дополнительным импульсом, чтобы вообще перекрыть обществу кислород. Но здесь я не хочу заглядывать вперед и лишь констатирую настроения, которые существовали в тот момент.

Именно Алексей Навальный стал «консолидатором» протеста. К этому моменту он своей энергичной борьбой против коррупции создал себе образ непримиримого борца с режимом. Но мог бы так и остаться одним из многих блогеров-оппозиционеров. Возникли дополнительные обстоятельства, которые начали работать на него как на политика общероссийского уровня. Во-первых, возникновение запроса со стороны нового поколения, вошедшего в активную жизнь и столкнувшегося с отсутствием жизненных перспектив. Новое поколение «рассерженных» образовало ядро навальновского электората. Во-вторых, вполне понятное желание широких кругов общества видеть новые лица на политической сцене. В-третьих, начало поисков проснувшимся городским населением, прежде всего в Москве, новых форм выражения своего недовольства, которые и предложил Навальный.

Старые политические лидеры из 1990-х гг., формы и методы политической борьбы недавнего прошлого, не приносившие особого результата, видимо, приелись. Наступила, причем неожиданно, новая эпоха, потребовавшая иной персонификации недовольства. Словом, произошло сочетание сразу нескольких составляющих, создавших «фактор Навального», который одновременно отражал и новые настроения, и новые тенденции. Но и у самого Алексея Навального были качества, которые дали ему возможность ответить на этот запрос, — энергетика, драйв, мужество, владение новыми формами политической активности.

Конечно, как всегда у нас бывает, сама власть помогла Навальному взлететь на волну. Не будь судебного процесса над Навальным и его осуждения по явно надуманному поводу, возможно, Навальный так и остался бы блогером, да, популярным, но всего лишь блогером. Власть, конечно, преследуя свои цели, фактически помогла ему (естественно, того не желая!) стать политиком и претендовать на роль лидера оппозиции. Так в России нередко работает «закон непреднамеренных последствий», когда власть постоянно наступает на собственные грабли. Наконец, имела значение и смена тактики власти,

которая разрешила Навальному сыграть в своей игре, надеясь, что сможет его переиграть. Речь идет о попытке Кремля использовать Навального в московских мэрских выборах в сентябре 2013 г. в целях их легитимации. Допуск Навального к этим выборам позволил ему создать свой политический капитал.

Вот так время, совпадение тенденций, случай, наконец, тактическая игра Кремля — все вместе дали возможность Алексею Навальному оседлать волну. Какую модель лидерства и какую стратегию предложил Навальный? К сожалению, все ту же модель Лидера-Спасителя, в рамках которой работали и Ельцин, и Путин. Более того, основные идеи Навального — децентрализация власти, борьба с коррупцией, борьба с нелегальной миграцией, честные суды — были вполне системными. Напомню, что многие авторитарные лидеры и даже диктаторы начинали борьбу за власть с антикоррупционных лозунгов. Лукашенко в Беларуси — только один пример из множества. Так на российской политической сцене появился яркий, молодой и харизматический политик — антирежимный, т. е. выступающий против власти Путина и его команды. Но политик системный, ибо в своей повестке он не выходил (на том этапе!) за пределы самодержавия. Он пытался стать Чистильщиком российского самодержавия. Но не его Терминатором.

Возможно, сам Навальный в тот период (повторяю: я говорю о 2013 г.) еще не продумал до конца своей концепции и своей роли. Скорее всего, он еще находился в процессе эволюции. Но все дело в том, что существует давление необратимости: как только политик начинает эксплуатировать одну модель, он становится ее заложником. Выскочить из модели авторитарно-харизматического лидерства очень сложно. Тем более если в обществе существует запрос именно на эту модель. Растущая популярность Навального говорила ему: ты нашел верную формулу; давай действуй в том же духе!

Замечу, что немало либералов поддержали Навального как нового политического лидера из тактических соображений. Многих смущала выбранная им модель лидерства, его национал-популизм. Оправдывая свою поддержку Навального, они открыто говорили: «Ничего страшного! Мы используем его как таран! Пусть пробьет кремлевские стены!» В свое время так же говорили российские демократы, пытавшиеся сделать своим тараном Ельцина. И чем это кончилось для демократов?

Впрочем, сделать Навального своим «тараном» мечтали и националисты. Это было понятно. Ведь Навальный хотел играть на всем политическом поле — он апеллировал ко всем политическим и социальным группам. Подобная тактика расширяла массу его сторонников. Но она не давала понять, кто же такой этот новый политик? Чего он хочет, какое государство — его цель?

Тем не менее возникла политическая ситуация, которая создавала для общества возможность через поддержку Навального высказать свое отношение к власти и Путину. Многие из тех, кто относился к Навальному осторожно либо откровенно критически, решили, однако, поддержать именно его, так как голосование за него позволяло сказать, сколько нас — противников путинизма. Многие думали так же, как Сергей Алексашенко, который писал в своем блоге на сайте «Эха Москвы»:

«Не могу назвать себя полным единомышленником Алексея Навального. Российская политика явно вступила в переходный период. Да, партия власти считает, что всё у нее под контролем. Да, Владимир Путин ни на секунду не сомневается в своей победе на выборах 2018-го, а если нужно будет, то и 2024-го. Но на самом деле для нынешнего режима включился обратный отсчет; отныне все дискуссии будут идти только о том, что будет после и по какому сценарию нынешняя власть уйдет со сцены. А это значит, что отныне политическая динамика будет определяться теми, кто из последних сил гребет против течения, а не послушно движется вслед за потоками грязи; теми, кто власть берет, а не теми, кому ее дают; теми, кто готов биться за изменение правил игры, а не теми, кто будет им послушно следовать. Алексей Навальный, несомненно, один из тех, кто будет определять контуры российского политического будущего... Поэтому 8 сентября я буду голосовать за него и призываю всех, кому небезразлично будущее России, отдать ему свой голос. Потому что изо всего списка кандидатов на должность московского мэра только с ним можно связывать надежды на выход страны из того тупика, в который ее загнал нынешний режим».

Не хочу делать сейчас окончательного вывода о том, в каком направлении будет происходить эволюция Навального и его базы. В период избирательной кампании по выборам московского мэра в августе 2013 г. в передаче на «Эхе Москвы» я в разговоре с Виталием Дымарским так определила вызовы,

которые стояли перед Навальным, и условия, при которых он в то время мог бы стать не только оппонентом Путина, но и антисистемным лидером:

«Итак, что может сделать Навальный для того, чтобы из системного политика, который хочет сделать систему честной (честные суды, честные выборы, не красть, не воровать и так далее), превратиться в несистемного политика? Три вещи.

Во-первых, он должен перейти от лозунга “Долой Путина!” к лозунгу “Долой самодержавие!”. Этот лозунг нашел бы поддержку среди самых разных слоев населения. Они для этого созрели...

Во-вторых, коль скоро Навальный, наверное, думает о том, как стать полноценным политиком общенационального масштаба, у него должна быть готовность говорить с другими. И способность договариваться...

В-третьих, существует, возможно, самое мощное средство превращения Навального в политика с моральным капиталом, который связал бы московскую городскую повестку с политической стратегией. Первым предложил эту идею Алексей Кандауров — он предложил Навальному поддержать узников Болотной, превратить Мосгорсуд в место встречи со своими избирателями. Вот, если Алексей Навальный сделает проблему освобождения узников Болотной своей миссией... он заработает крупнейшую фору...»

В том интервью с Виталием Дымарским я говорила также, что нужно перестать поддерживать оппозиционных лидеров, веря им на слово. Я говорила о необходимости брать у политиков обязательство следовать своим обещаниям и заявленным принципам. Короче, о новом контракте между обществом и лидером — «мы тебя поддерживаем, но при определенных условиях».

В сентябре 2013 г. на выборах мэра Сергей Собянин формально победил. Но это была плачевная победа. Власти не удалось собрать для его поддержки даже традиционный московский электорат власти. Навальный проиграл. Но одержал моральную победу, завоевав право стать оппозиционным лидером всероссийского масштаба.

Размышляя о «факторе Навального», я в тот момент полагала, что наступает время нового политического поколения, новых лидеров и новых организаций; эпоха 1990-х гг., все еще доминирующая на политическом поле вместе со своими символами,

заканчивается. Благодаря Навальному в общественный дискурс вошла тема русского национализма, которую либералы до сих пор стеснялись обсуждать, но которую обсуждать необходимо. Оказалось, что обсуждать тему национализма стране, которая все еще является «недораспавшейся империей», очень трудно. Но по крайней мере пришлось задуматься об этой проблеме, которую мы так долго пытались игнорировать. Многие впервые задумались над тем, над чем не хотели думать, именно в период той избирательной кампании. Именно тогда стало очевидно и то, что все знали: либералы не готовы к этому разговору, и даже сама идея обсуждать тему национализма становится причиной размежевания в либеральном лагере.

Не ясно, что произойдет дальше и с самим Алексеем Навальным — сможет ли он удержаться на волне? Сможет ли сама волна удержаться... Но Навальный уже стал политической фигурой и помог выйти на поверхность новым политическим тенденциям. Другое дело, на какой результат они могут работать, способно показать только время...

Огорчительно то, что новое время начиналось с чистого листа, как будто и не было политического опыта двадцати лет. Люди, входившие в политику, возвращали нас в 1991 г., когда многие видели избавление и спасение в Ельцине. С одной стороны, о новом лидере мечтала элита, а вместе с нею и либералы. С другой, о таком лидере вновь начало мечтать и общество, в том числе его недовольная часть. Говорить о переходе к демократии и правовому государству стало немодным. Все вокруг вдруг принялись искать лидера, которому можно поручить себя.

Прав был Кирилл Рогов, когда, анализируя в тот момент (2013) «фактор Навального», писал: «...Подозрения в вождизме (речь идет о Навальном. — Л. Ш.) будут нарастать... Чтобы играть в долгую, Навальный должен испытывать конкуренцию изнутри оппозиционного движения, давление альтернативных центров влияния... связанность коалиционными договоренностями. В противном случае демократический прогрессизм неизбежно начнет эволюционировать в популизм».

Придется ли нам еще раз переболеть вождизмом и попыткой возложить на лидера ответственность за нашу судьбу, во многом зависело от ситуации на оппозиционном поле, которое в тот момент почти провалилось... Осенью 2013 г. было еще рано говорить, избежим ли мы старой болезни.

Если многие вопросы были, наконец, поставлены на повестку дня, но оставались пока — в тот момент — без ответа, то один вопрос получил совершенно определенный ответ. Я говорю о кремлевском эксперименте с допуском на выборы ограниченной конкуренции. Этот эксперимент завершился для власти полнейшим фиаско. Как и следовало ожидать. Власть, которая оберегает свою монополию, не может не отторгать любую состязательность. Тем более когда в обществе и даже среди части политического класса начинаются рост недовольства и отторжение правящей команды. Разрешение на конкуренцию в этой ситуации неизбежно ведет к двум последствиям. Во-первых, оно ведет к консолидации недовольных и рассерженных вокруг яркого оппонента власти. Во-вторых, любая состязательность демонстрирует полную неспособность политической машины, которую создал Кремль, к политической борьбе, что стало очевидно на тех московских выборах 2013 г. В-третьих, аппарат власти, и в первую очередь аппарат насилия, оказались дезориентированными сменой правил игры. Они привыкли давить и преследовать; они не могли допустить политическую состязательность и критику власти оппонентами. Репрессивный ресурс для того, чтобы быть эффективным, требовал ясности. Ограниченная конкуренция, любая имитация политической «оттепели» размывала объект насилия. Власть, занесшая кулак, но не ударившая наотмашь, начинала выглядеть слабой. Слабая власть обречена.

Короче, президентская вертикаль с силовым, репрессивным уклоном, которая оформилась в последние годы в России, несовместима с любыми, даже ограниченными, проявлениями состязательности. Любой опыт с конкуренцией мог только подрывать монополию, раскачивать «вертикаль», демонстрировать полную несостоятельность симулякров, которые эта вертикаль создала вокруг себя и на которые она опиралась.

Путин попал в ту же ловушку, в которую до него попадали многие авторитарные лидеры, когда их власть теряла силу: станешь зажимать общество, оно может начать сопротивляться; начнешь зажимать сильнее — и вдруг окажется, что силовые структуры к массовому насилию не готовы. А если будешь отпускать вожжи, перестанешь давить, потеряешь власть немедленно. И не обязательно ее отберет у тебя общество. Сперва попытаются отобрать гиены, которые сидят рядом и ждут, когда Акела промахнется!

Не было сомнений в том, что Кремль сделает выводы из своего эксперимента с новой технологией легитимации себя. Вряд ли правящая группировка могла позволить себе допустить дезориентацию своего аппарата в будущем. Но само будущее продолжает создавать для Кремля дилеммы. И вот одна из них: в 2014 г. нужно проводить Олимпийские игры, любимый проект Путина; кроме того, Путин собирался стать хозяином саммита «Восьмерки». Конечно, национальный лидер хочет, чтобы эти события состоялись и были успешными. Однако понятно, что для этого надо придержать репрессивный каток. А как его придержать, чтобы не выглядеть слабым?!!!

ЧЕМУ НАС УЧИТ МИРОВОЙ ОПЫТ

Продолжу тему выхода. Не исключено, что наш долгий и пока несчастливый поиск пути к свободе доказывает: Россия действительно уникальная страна. Возможно, идти к свободе Россия будет не так, как это делали в остальном мире. Возможно, мы пойдем своей дорогой потому, что мы во многом другие, не такие, как все. А может, и потому, что не любим извлекать уроки из опыта других. До сих пор мировой опыт нас ничему не научил. Да и не обращали мы на него внимания.

Но в любом случае, думаю, было бы полезно напомнить себе об аксиомах успешных демократических транзитов. Ведь в других странах начиная с 1960-х гг. говорили и спорили о тех же проблемах, о которых сегодня дискутирует наше политическое сообщество. Другие общества искали выход из своего единовластия и находили его.

Самым успешным вариантом перехода от авторитаризма к правовому государству в послевоенной истории на протяжении последних 50 лет принято считать модель «пакта», т. е. сотрудничество реформаторов во власти и несистемной оппозиции. Этот вариант оказался наименее болезненным выходом из единовластия — и наиболее популярным. Самый успешный вариант «пакта» был осуществлен в Испании; оттуда и пошла мода на «пакты». В дальнейшем в той или иной форме эта модель сработала в самых разных странах — от ЮАР до Бразилии и Португалии. Для успеха «пакта» требовались как минимум три условия: существование внутри власти влиятельной группы (с лидером) прагматиков-реформаторов, которые понимали гибельность авторитаризма, а тем более диктатуры, и были готовы принять новые правила игры; наличие мощной оппозиции, которая не давала системным реформаторам остановиться на полпути и была готова и к сотрудничеству с прагматиками, и к давлению на них; способность тех и других справиться с «твердолобыми» во власти и экстремистами в оппозиции. Что заставляло

их сесть за стол и начать говорить и договариваться? Во многом память о кровавых конфронтациях прошлого и желание их избежать.

А теперь давайте спросим себя: способны ли вообще представители российской власти либо близкие к этой власти люди стать носителями реальной альтернативы отжившему режиму, частью которого они в какой-то момент были? Короче, могут ли прагматики-реформаторы, о которых я упоминала выше, встать во главе обновленческого процесса? История говорит, что многие из окол властных фигур и даже представителей власти в других странах работали на перемены, создавали для них условия и даже становились мотором этих перемен. Упомяну лишь несколько имен — Имре Пожгаи, один из руководителей венгерской компартии; премьер Адольфо Суарес, преемник Франко в Испании; генерал Эрнесту Гейзель в Бразилии; президент Фредерик де Клерк в ЮАР. Этот ряд имен можно было бы продолжить. Способность представителей старого режима либо его окружения стать реальными носителями перемен, а не носителями имитации определяется их ролью в старой системе. Так, люди старого режима могут работать на либерализацию, если они уже в своем прежнем амплуа начали реформаторскую деятельность и не ответственны за грехи старой власти либо если они выброшены старой властью, как диссиденты и предатели. Но даже в том случае, если «перебежчики» играют позитивную и признанную обществом роль в момент «открытия» системы, они после завершения этого момента обычно вынуждены покидать политическое поле. Легитимация новой системы требует новых лиц, и новая система выталкивает старых прагматиков на обочину, пусть и несправедливо.

И еще один вывод, коль мы заговорили о прагматиках-реформаторах. Их реформаторская деятельность внутри старой системы может иметь противоречивые последствия. С одной стороны, реформируя старую систему, они могут продлевать ей жизнь. С другой — раскачивать ее изнутри, но только при условии, если они ослабляют монополию на власть собственной правящей группировки. Так, тот же венгерский коммунистический реформатор Имре Пожгаи на определенном этапе помог придать венгерскому социализму более цивилизованную форму. Но в дальнейшем его реформаторская деятельность начала подрывать этот социализм. Не все реформаторы-праг-

матики могут стать лидерами-трансформаторами, т. е. лидерами, способными преобразовывать систему. Так, тот же Ельцин сумел осуществить очень ограниченные реформаторские действия, довольно скоро вернув Россию к самодержавию.

Давайте, однако, завершим тему «пакта». Истины ради, замечу, что «пакт» оказался возможен не везде. В Восточной Европе «пакт» был осуществлен только в Польше и Венгрии, пусть и в разных формах. В Польше в результате «круглого стола» произошел раздел власти между компартией и оппозицией. Он был временным, и уже вскоре прагматиков вытеснили с политической сцены. Венгерский опыт любопытен другим. Здесь состоялся «круглый стол» иного типа — за этим столом собрались представители оппозиции. Они сумели договориться об общей стратегии и списке требований в адрес власти. Эта договоренность общего фронта оппозиции стала важнейшим фактором демонтажа в Венгрии властной монополии.

Но внимание! Практически всегда, перед тем как перейти к переговорам с оппозицией либо начать либерализацию сверху, власть пыталась до конца использовать механизм подавления протеста. В Южной Корее, Польше, Уругвае и других странах старая власть действовала по одному шаблону — давим! Прессинг принимал порой ожесточенные формы вплоть до массового кровопролития, как в Южной Корее, и введения военного положения, как в Польше. Поэтому отечественным сторонникам «пактов» и переговоров с властью нужно понимать, что им обычно предшествует.

А вот в Чехословакии никаких договоренностей и даже переговоров оппозиции с властью не было. Не с кем оказалось во власти говорить: власть так себя дискредитировала, что там не появилось людей, которых общество приняло бы в качестве переговорщиков. В Чехословакии произошел обвал режима и системы. Собственно, государство перестало функционировать. Власть в полном смысле слова валялась на улице. Смена в верхах в последний момент на реформаторски настроенных коммунистов Карела Урбанека и Ладислава Адамека уже не могла остановить развал. Оппозиции пришлось на ходу себя сплачивать и овладевать государственным управлением.

В Румынии произошла революция. Дело закончилось плохо — расстрелом Чаушеску и его супруги. В результате власть сумели заполучить бывшие соратники диктатора. Ситуацию осложнило и то, что оппозиция в Национальном фронте

спасения никак не могла выработать общую стратегию. В результате румынский путь в Европу стал мучительным.

В Болгарии режим Тодора Живкова также выжег политическое поле. В стране не оказалось политической оппозиции, готовой взять власть после падения коммунистического режима. Вакуум новых сил попыталась заполнить все та же компартия, которая начала себя адаптировать к новым условиям. Но при этом пытаясь предотвратить появление других политических сил — в известной степени и здесь произошел обвал власти в результате массового протеста.

В Восточной Германии старый режим, выдвинув в премьер-министры мягкого и интеллигентного Ханса Модрова, цеплялся за власть до последнего. И только непрекращающиеся массовые протесты заставили его сдаться.

Уже в более близкие времена в Сербии, Украине, Грузии, Кыргызстане смену власти (но не везде системы) обеспечили «электоральные революции». Короче, оппозиция победила в ходе выборов, которые сбросили старую власть. Но эта победа стала возможной только благодаря массовому выходу общества на улицы в знак протеста против фальсификаций на выборах, совершенных старой властью. Не будь массовых выступлений — не было бы и смены власти. В свое время аналогичным способом произошли смена власти и демократизация в Мексике. Мексиканский опыт говорит о двух обязательных условиях победы демократической оппозиции на выборах, которые проводятся авторитарной властью. Условие первое — консолидация всех оппозиционных сил, которые работают на решение одной задачи. Второе — массовый протест общества против манипуляций с результатами выборов. В Мексике объединились правые и левые; вместе сотрудничали те, кто до этого друг друга ненавидел. Эта логика нашла подтверждение в ходе более поздних «электоральных революций».

Не могу не упомянуть еще одну деталь. Нельзя не удивляться наивности авторитарных лидеров недавнего прошлого. Так, в 1970–1980-е гг. в самых разных странах — Бразилии, Аргентине, Индии — авторитарные лидеры настолько не сомневались в победе, что позволяли оппозиции участвовать в выборах без помех. И проигрывали. Например, Индира Ганди, которая пыталась править железной рукой, была так уверена, что победит, что даже не пыталась контролировать избирательный процесс. В итоге проиграла, не веря в свое поражение.

ние. А как сглупил Пиночет, попробовавший демократическим путем (через референдум и вопрос «да — нет») продлить свое пребывание во власти. Ведь как он был убежден в успехе! Тоже провалился. Технологии, по которым сегодня побеждает российская власть, во многих странах тогда еще не применялись.

Правда, кое-где правящая элита все-таки пыталась исключить угрозу «электоральной революции». В ЮАР и Греции в 1970–1980-е гг. оппозиция в выборах не участвовала в знак протеста против избирательных манипуляций. Но там она была настолько сильна, что могла организовывать массовые акции протеста и ей не требовалось искать шанс для легальной активности, используя с этой целью выборы.

Последний на данный момент сценарий выхода из единовластия — либерализация сверху. Тому пример — горбачевская перестройка, которая сняла обруч и с системы, и с общества. Но такая либерализация может заканчиваться по-разному. Так, попытка частичной и очень несмелой либерализации сверху в Южной Африке в период президентства Питера Боты завершилась его возвращением к еще более репрессивному режиму (за что впоследствии Боту прозвали «Великим Крокодилом»). Южноафриканская элита испугалась отказа от апартеида. В Южной Корее под давлением студенческих протестов и после кровопролития правящий режим был вынужден смягчить диктатуру и позволить победить на выборах более мягкому политику Ро Дэ У. Но смягчения авторитаризма здесь уже оказалось для общества недостаточно — оно требовало снести все авторитарные ограничители.

Порой власть идет на осознанную либерализацию, чтобы избежать худшего — для себя. Но это худшее ожидается не со стороны общества. А со стороны другой силы, которая стремится к власти. Драматической и полной невероятных поворотов была либерализация в Бразилии. Здесь «открывать» систему начал бравый генерал Эрнесту Гейзель, вместе со своим ближайшим советником, тоже генералом, Голбери ду Коуту-э-Силва искавший союзников среди гражданского общества и оппозиции, чтобы создать единый фронт сопротивления... догадываетесь кому! Набиравшей силу и практически независимой от власти службе безопасности. Вот как бывает. Гейзель сумел начать либерализацию, но не сумел привести Бразилию к демократии — армии не хотелось окончательно терять контроль над властью. Бразильцам потребовалось около 16 лет,

чтобы заставить военный режим отдать власть гражданским и пойти на частично свободные выборы. Удалось это только после того, как общество начало непрекращающуюся кампанию на улицах «Прямые выборы сейчас!».

Без массового протеста снизу невозможна ни одна, пусть и частичная, либерализация. Власть не отдает контроль над обществом добровольно — это происходит под массовым давлением при осознании, что грядет непоправимое.

Судьба лидеров, которые открывают систему и пытаются расширить свободы общества, не доводя, однако, дела до трансформации, обычно печальна. Они не могут удержаться в фазе либерализации: ими недовольны как консерваторы, которые сожалеют о потере контроля, так и либералы, которые хотят большего. Как правило, такие режимы либо возвращаются к исходному, либо падают, и на их место приходит новая власть, но уже без прежних либерализаторов.

Здесь пора сказать и о «ловушке конца». Ее суть заключается в следующем. Когда политический режим себя исчерпывает, его конец ускоряется как переходом власти к насилию, которое вызывает обратное противодействие, так и ее переходом к либерализации, которая только усиливает массовое недовольство и требования ухода этой власти. Россия либо приближается к «ловушке конца», либо в ней уже оказалась.

Я уже упоминала, что мечта о либерализации, а затем и демократизации через диалог с властью популярна в среде российских реформаторских, прежде всего умеренных, кругов. Но не только! Едва началось общественное оживление в конце 2011 г., ряд радикальных, антисистемных российских оппозиционеров и представителей гражданского общества создали «Круглый стол 12 декабря», намереваясь сделать его площадкой для переговоров с властью (я тоже участвовала в этом проекте). Алексей Кудрин даже посещал Путина, пытаясь прозондировать почву на предмет возможного диалога между протестным движением и Кремлем. Ну, понятно, чем все это закончилось. Не было ни единой предпосылки для начала такого диалога — ни влиятельных реформаторов внутри власти, которые осуществляли бы давление на Путина, ни мощного и организованного протестного движения, которое заставило бы правящий класс расколоться, ни консолидированной политической оппозиции, которая могла бы выступить от имени общества. В следующий раз (он может наступить в любой

момент) российской оппозиции, прежде чем думать о диалоге с властью, нужно сначала оглянуться и посмотреть, есть ли для этого необходимые предпосылки.

А вот еще одна надежда — на неизбежный раскол правящей элиты — остается в рядах нашего критически настроенного меньшинства лейтмотивом всех разговоров о будущем. Это будущее даже ставится в прямую зависимость от такого раскола. «Вот произойдет раскол... и все начнется», — твердят наши оппозиционеры и оппонировавшие власти наблюдатели. Оптимисты еще в 2012 г. нас извещали, что раскол элиты уже произошел. Как же они опередили события! Понятно тяготение к этому сценарию. Ведь раскол элит позволяет надеяться не только на мирный переход к новой власти и новым принципам, но и на то, что там, наверху, победят хорошие и начнут позитивный процесс. А ожидающим хороших перемен внизу не нужно будет суетиться.

Хорошо бы, конечно, чтобы они там, наверху, раскололись, и так, как нужно. Но где у нас в верхах кандидат на роль российского Адольфо Суареса? Ведь даже если он в Кремле где-то притаился в тени Путина и выжидает своего часа, то чем дольше он там сидит, тем сомнительнее, что он сможет претендовать на роль реформатора. Наша власть так далеко зашла в своей деградации, ее лидер так крепко повязал правящую команду ответственностью за происходящее, что очень трудно будет убедить общество в чистоте помыслов нового выходца оттуда же.

Модель раскола элиты и выделения из нее реформаторского крыла может стать предметом для разговора только при двух условиях — формировании мощной антисистемной оппозиции и нового общественного подъема. Только они могут вызвать бегство с кремлевского «Титаника»; в противном случае наш «Титаник» может еще долго искать свой айсберг. Поэтому лучше пока отложить мечтания о расколе и начать думать о факторах, которые его могут произвести. Но если раскол (либо фрагментация) произойдут без упомянутых условий, то результатом будет смена режима. Возьмут верх те, кто ближе к силовым и финансовым ресурсам. Смена режима и лидера за счет внутренних телодвижений в верхах продолжится оставаться в России самым вероятным сценарием дальнейшего развития. Но можем ли мы надеяться, что Кремль займет прагматик с реформаторскими помыслами? У меня большие сомнения — не вижу там кандидата на эту роль.

Даже если модель раскола элиты и последующего «пакта» пока не применима к нашей реальности, существует обширный опыт других обществ по формированию механизма выхода из единовластия. Имеет смысл взглянуть, что делали другие, которым удалось пройти этот путь к правовому государству. Хотя бы из любознательности.

Давайте перечислим элементы успешной модели демократического прорыва, которая прошла испытания в разных обществах. Этот процесс обычно начинался с массового признания нелегитимности власти — вопрос легитимности является самым уязвимым местом любого авторитарного режима, особенно на стадии кризиса либо стагнации. Затем демократические силы должны выбрать очередность: вначале свободные выборы, а потом принятие новой Конституции или наоборот. Все зависит от конкретных обстоятельств в обществе, которое начинает выходить из авторитарной раковины. Скажем, в Испании Суарес добился одобрения старым парламентом закона о политической реформе. Затем было избрано новое законодательное собрание, подготовившее новую конституцию, которую испанцы вынесли на референдум. А уже через год они провели новые выборы по новой конституции. В ряде стран Латинской Америки вначале принимали новую конституцию, которая утверждала политическую конкуренцию, а потом проходили и первые свободные выборы.

А каковы основные компоненты борьбы с единовластием? Страны с разной культурой и традициями показали, что есть определенный набор действий оппозиции, который в конечном итоге давал кумулятивный эффект. Так, важнейшим условием успеха являлись принцип ненасильственности политической борьбы и нейтрализация экстремистского крыла оппозиции, которое склонно к насилию. Если речь идет о технологии, то мирный и менее болезненный транзит требовал от оппозиции следующих действий: диалога с представителями деловых кругов и военных; единства оппозиционных течений; активных контактов оппозиции с внешним миром; использования всех легальных каналов для того, чтобы заявить о своей платформе. Причем процесс либерализации чаще всего облегчало сохранение преемственности (как это ни странно!) с прошлым. Там, где было возможно, оппозиция пыталась использовать процедуры и институты, созданные недемократическим режимом, для его же демонтажа. Так, например,

польская «Солидарность» использовала коммунистический сейм, чтобы организовать выборы и принять первые поправки к конституции. Но замечу: возможность демонтажа старой системы при помощи отдельных ее институтов или механизмов существует в одном случае — при наличии мощной альтернативы и общественного протеста, которые не дают старой системе регенерировать себя путем сбрасывания отживших частей «тела».

Еще раз повторю: одной из гарантий меньшей болезненности демократических преобразований всегда было включение в процесс представителей старой элиты. Что заставляло системных политиков и аппаратчиков переходить в противоположный лагерь? Мотивации существовали разные. Патриотизм; стремление избежать худшего, прежде всего кровопролития; страх лишиться благ либо потерять жизнь; надежда найти для себя роль в новых условиях. Важно при этом одно: время выбора. Представители старой элиты могли сыграть конструктивную роль в начале демократического перехода. Когда они еще обладали монополией на властный ресурс и могли внести значительный вклад в нейтрализацию консерваторов, обеспечение мирных преобразований и проведение новых выборов. Но это длилось недолго, и, когда инициатива переходила к оппозиции, роль прагматиков была исчерпана.

Пожалуй, стоит отметить и еще один фактор, который во многих странах облегчил выход из авторитарных режимов. Я имею в виду роль католической церкви. Вплоть до конца 1960-х гг. она служила опорой самых реакционных режимов. Но начатая Вторым Ватиканским собором трансформация этой некогда одной из самых консервативных церквей привела к тому, что в большинстве католических стран церковь превратилась не только в моральный фактор влияния, но и в силу, открыто выступающую против персоналистской власти. И рядовое католическое духовенство, и подавляющая часть высших католических иерархов открыто переходили на сторону общества, становясь защитниками прав человека. В одних странах иерархи отказывались служить мессу в день рождения правителей. В других принимали резолюции в защиту прав человека. В третьих — требовали свободных выборов. Начиная с конца 1960-х гг. национальные католические церкви в авторитарных государствах стали фактором поддержки демократических оппозиционных движений. В отдельных странах (Бразилия,

Филиппины, Южная Корея) в движениях протеста участвовали сотни тысяч священников, монахов и мирян. Католическая церковь, встав на сторону общества, тем самым делегитимировала авторитарные режимы и диктатуру. Одновременно сделанный церковью выбор в пользу демократии позволил ей сохранить свое влияние в обществе на новом этапе.

Российская православная церковь выбрала для себя другую роль — роль фактора поддержки персоналистской власти. Более того, при последних патриархах, Алексии Втором и Кирилле, церковь фактически превратилась в государственный институт, т. е. институт, самозабвенно защищающий власть и пропагандирующий «представление о государстве как о божественном установлении, священном институте, защищающем высшую правду и справедливость», которое «глубоко укоренено в создании нашего народа» (патриарх Кирилл). Несомненно, слияние церкви и государства не может не влиять на дальнейшую судьбу этой церкви и отношение к ней со стороны общества.

Таков краткий перечень тех действий оппозиции, которые помогли ей в других странах обеспечить относительно мирный выход из режимов личной власти. Правда, за этапом выхода следовал этап демократической консолидации, означавший распад старых коалиций, рождение нового баланса сил и новую политическую борьбу. На сей раз зачастую между недавними союзниками. Но это уже иная глава в политическом развитии. Нам бы до нее дожить.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА – ЗАЧЕМ ОНА НАМ?

Вначале я не была уверена, что в эту книгу нужно включать разговор о внешней политике. Не интересен этот разговор российской аудитории, совершенно не интересен. Все равно, как рассуждать о жизни на Марсе. Дискуссия о внешней политике и международных отношениях так и не стала в российском обществе предметом внимания и осмысления. Впрочем, такая дискуссия не пользуется особой популярностью и в других обществах, включая самые продвинутые демократии. Людей везде волнует то, что они рассматривают как имеющее непосредственное отношение к их жизни. Международные отношения в обычное, мирное время выглядят для многих как мало вдохновляющая абстракция.

Я уже обсуждала внешнюю политику и ее внутривнутриполитические истоки в своей книге «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом» (М.: РОССПЭН, 2010). Сейчас я возвращаюсь к данной теме в новом временном контексте. Этот контекст стал более прозрачен. Власть все откровеннее обращается к внешнеполитическим инструментам для решения своих задач внутри страны. Но российская политическая и интеллектуальная аудитория по-прежнему отмахивается от разговора о внешней политике.

Международные отношения у нас продолжают восприниматься как предмет словесных упражнений «пикейных жилетов». Мировая политика для россиян интересна разве с одной точки зрения — насколько она доказывает важность и величие России в глобальном масштабе. Либо в случае пикантных или сенсационных событий. Вот чернокожий Обама стал американским президентом — любопытно. А вот история со Сноуденом, застрявшим в транзитной зоне Шереметьево, — тоже любопытно. Но не более.

Между тем внешняя политика и участие в международных отношениях всегда были важным фактором деятельности любого политического режима. Сегодня по мере постепенного

исчерпания внутренних ресурсов российской власти, скукоживания ее легитимации в обществе, внешняя сфера приобретает для Кремля все большее значение. Международные отношения превращаются в серьезный инструмент обеспечения жизнеспособности режима. Происходит это по нескольким причинам. Во-первых, потому что в обществе все еще существует широкий консенсус относительно поддержки роли России как великой державы, которая является важнейшим компонентом самодержавия. Во-вторых, потому что внешняя политика — не только средство международной легитимации путинского государства и путинской власти, но и повод для удовлетворения честолюбия «национального лидера». В-третьих, международные отношения еще со времен СССР служили средством отвлечения внимания населения от внутренних проблем и неурядиц.

Впрочем, внешняя политика является средством решения внутренних проблем не только в России. Взгляните на усиление агрессивности обычно сдержанного на мировой сцене Китая и милитаризацию его внешней политики. Это доказательство появившихся сложностей в его внутривластном развитии. А ядерное хулиганство Северной Кореи, которая постоянно угрожает развитым странам запустить в них ракетой! Это и пример шантажа Пхеньяном других государств с целью получить помощь, и предупреждение о том, что не нужно вмешиваться во внутренние дела северокорейского режима, и проверенный механизм мобилизации общества перед «угрозой извне». Так что использование внешней политики в целях укрепления авторитаризма и диктатур — обычная мировая практика.

Когда же власть начинает активно обращаться к международным средствам мобилизации, легитимации, отвлечения внимания, это может быть свидетельством того, что политический режим либо не знает ответа на внутренние вызовы, либо теряет свою устойчивость.

Сегодня в России международная сфера полностью в распоряжении власти и лояльных к власти экспертов. В обществе нет понимания, насколько внешняя политика связана с его конкретными потребностями. Поэтому у рядовых граждан и даже политизированной публики нет желания разбираться в международных процессах. Да и внутри оппозиции, за редким, очень редким исключением, отсутствует интерес к меж-

дународной сфере (среди оппозиционеров о внешней политике говорят и пытаются представлять либеральный взгляд на российские национальные интересы всего несколько человек — Михаил Касьянов, Гарри Каспаров, Борис Немцов, Владимир Рыжков и Григорий Явлинский). В данной ситуации среди экспертов-международников и тех, кто наблюдает за мировой сценой, вы найдете мало людей, которые желали бы выделиться из общего хора государственников и помочь обществу разобраться с внешней политикой, показать, на кого и на чьи интересы эта политика работает. Те немногие аналитики, которые ищут свою, независимую интерпретацию внешней политики, рискуют оказаться в вакууме и быть отторгнутыми экспертным сообществом, проповедующим общую линию.

В итоге оказывается, что внешняя политика в России осталась заповедной зоной, которую монополизировали аналитики, чье мышление за последние лет двадцать мало изменилось. Порой они могут выглядеть даже современно, но повторяют все те же аксиомы, что были популярны во времена «Господина Нет» — советского министра иностранных дел Андрея Громыко. Сама сфера международных отношений является наименее подвижной и склонной к обновлению. Впрочем, внешняя политика всех государств оказывается наиболее консервативной сферой политики, отторгающей новые идеи и не готовой к реформированию. Российская внешняя политика и ее теоретическое обоснование — пример самой откровенной архаики, этакий чулан, где сохраняются и воспроизводятся давно отжившие, исчерпавшие себя советские стереотипы и клише. Обращение власти, сделавшей ставку на цивилизационный традиционализм, к внешней политике, которая всегда служила оплотом консерватизма, вполне естественно и ожидаемо.

Возникла странная ситуация. В интеллектуальном сообществе почти достигнуто согласие в понимании, что делает власть внутри страны, и даже относительно того, что России нужны реформы. Но одновременно в нем же существует весьма широкая поддержка деятельности власти, которая не нравится и которую едва терпят, на мировой арене. Ибо нет осознания того, что действия Кремля на международной сцене суть продолжение его внутренней политики. Получается так, что в представлении многих экспертов и политиков, не говоря уже о населении, власть действует вопреки интересам общества внутри страны, но ее деятельность, направленная вовне, вполне приемлема.

Во всяком случае, во внешней политике нелюбимая власть получает индульгенцию от тех, кто критикует ее за внутреннюю политику. Такое разделение внутренней и внешней политики власти предполагает наличие качественно противоположных ее интересов. Между тем это не так: международная деятельность Кремля — лишь средство осуществления его внутривнутриполитических интересов, которые первичны. А их международное обеспечение (хотя оно имеет и свою логику, и свой инструментарий) — все же вторично и производно.

Почему мы, российские аналитики, опасаемся критически анализировать международную деятельность государства и обсуждать, работают те или иные инициативы Кремля на обновление либо облегчают сохранение давно отжившего? Почему многие из нас утверждают, что международные отношения не влияют на внутривнутриполитическую жизнь? Трудно избежать впечатления, что, отделяя внешнюю политику и международные отношения от их внутренних источников, эксперты-международники осознанно создают для себя тихую заводь, где они могут не рисковать и не поднимать проблемы, которые будут раздражать официальные структуры. Коль скоро закрываешь для себя тему внутреннего развития страны, нет нужды ломать голову не только над тем, откуда и зачем появляются международные инициативы руководства, но и над тем, как они влияют на развитие твоей страны. Ведь если задуматься, можешь прийти к крамольным мыслям... А не хочется.

Даже люди, либерально настроенные в отношении внутренних проблем России, оказываются традиционалистами, когда речь заходит о НАТО, Сирии, ядерном разоружении, Балтийских государствах, Украине, Грузии и, конечно, Америке — главном аллергене для российского политического класса. Сам тот факт, что поддержка кремлевского взгляда на мир рассматривается властью как критерий патриотичности, оказывается действенным фактором, определяющим в российском обществе внешнеполитическую позицию. Ну кому хочется быть заподозренным в продажности, «шакальстве» и принадлежности к «пятой колонне»? Особенно после того, как государство энергично взялось за поиск «иностранных агентов». В итоге получается, что немалая часть либерально-демократического спектра, поддерживая официальный внешнеполитический курс, становится элементом поддержки традиционного государства.

В момент, когда я писала эти строки, разразилась «торговая война» между Россией и Украиной (август 2013 г.). Впрочем, это неправильный термин, хотя и получивший распространение. На самом деле 14 августа 2013 г. Москва ввела блокаду для импорта украинских товаров на территорию России. Эта блокада ударила не только по украинскому производителю, усилив кризисное состояние украинской экономики. Она ударила — и больно — по российскому потребителю. Так, на грани срыва оказались московские стройки, которые потребляют украинский щебень. На грани остановки производства — заводы, которые используют в качестве комплектующих украинские двигатели и трубы. Как объяснить логику этой блокады при помощи обычного международного словаря? Да никак! Не было для торговой войны Кремля с Украиной ни экономических, ни внешнеполитических причин. Но она хорошо укладывалась в логику развития российской системы, которая требовала восстановления вокруг России «галактики» из стран-сателлитов. Украине, в понимании Кремля, следовало быть важнейшим элементом этой «галактики». А потому Кремль показал, что Украину ожидает, если она подпишет соглашение «об ассоциации» с Европой (подписание соглашения предполагалось в ноябре 2013 г. в Вильнюсе).

Короче, отбрасывание принципа взаимосвязи и взаимобусловленности международных и внутривнутриполитических процессов не позволяет понять мотивы и предвидеть дальнейший ход событий ни в той, ни в другой сферах. Давайте навскидку, как говорят, посмотрим на несколько важных областей международной активности России и зададим вопрос: каковы внутривнутриполитические «истoki» российских действий на международной сцене и как эти действия влияют на внутреннюю политику?

Начнем с сотрудничества России и Европы в сфере энергетики. Многие в России гордятся, что Европа зависит от российской «трубы». Действительно, зависит. Между тем Европа предприняла шаги для того, чтобы эту зависимость сократить в ближайшие годы, что станет, конечно, для Кремля неприятным сюрпризом, о котором Москва думать не хотела. Есть ли, однако, основания для гордости в том, что Россия не может заинтересовать Европу (и остальной мир) другими статьями экспорта (кроме вооружения для неразвитых стран)? Что дает России энергетическое партнерство с Европой? Наполнение

российского бюджета, то есть финансовые средства для забавления общества. Но основным результатом экспорта энергетического ресурса является формирование российского класса рантье, который паразитирует на «трубе», приватизируя основную часть сырьевых дивидендов.

Способствует ли энергетический «насос» российским реформам? Совсем наоборот — газовая «труба» и относительно высокая цена на нефть блокируют любые попытки системы к обновлению. Зачем проводить реформы, если и так капает!

Короче, энергетическое сотрудничество с Европой в конечном итоге работает на замораживание путинской системы и сохранение нынешней России, которая, в сущности, представляет собой типичное «Петростейт» — «бензиновое государство». Такого рода государства по своей природе могут быть только коррупционными и лишенными любых стимулов к прогрессу.

Что дает России диалог с Западом в области безопасности, в частности диалог по вопросам ядерного разоружения и контроля над ядерным оружием? Угрозы войны между Россией и Западом давно нет. Этот факт, кстати, признают и российские лидеры. Но в таком случае зачем все эти дорогостоящие конструкции переговоров, которые длятся десятилетиями? Затем, что диалог по вопросам безопасности (в первую очередь ядерной) для Кремля является важнейшим средством поддержания статуса России как великой державы, а тот, в свою очередь, ключевым элементом самодержавия.

Западные лидеры понимают, что участвуют в сеансе массажа для кремлевских лидеров. Но это цена, которую они платят за нейтрализацию кремлевских комплексов. Что дает России милитаризация российской внешней политики? В чем суть кремлевского сдерживания НАТО? Милитаризация и сдерживание НАТО — важнейший элемент кампании по «поиску врага», которую постоянно ведет Кремль. Более того, милитаризация является традиционным механизмом выживания постоянно отстающей от развитых государств России, который помогает самодержавию за счет демонстрации военной мощи сохранять мировую роль и возможность устрашения других государств. Конечно, и в западных странах есть круги, заинтересованные в милитаризации отношений, и не только в коммерческих целях, — но там милитаризация не служит ключевым элементом системы.

Любимая путинская тема в последнее время — Евразийский союз. В данном случае мы имеем дело с возрождением чисто советского стремления к «сферам влияния». Дело даже не в психологии и советской ментальности самого Владимира Путина, который, возможно, хотел бы стать реставратором подобия советского политического пространства. Важнее сама логика персоналистского правления: она требует существования вассального окружения, которое является основанием для создания видимости мощи и могущества этого правления. Но не только. Евразийский союз — это сообщество однотипных режимов, которые могут помогать друг другу в самосохранении. Одновременно Евразийский союз — еще и рынок для устаревших товаров, помогающий поддерживать столь же устаревшую промышленность. Словом, Евразийский союз и все остальные евразийские интеграционные инициативы — это прямое продолжение внутреннего курса авторитарных государств (и прежде всего Кремля), возникших на постсоветском пространстве.

Политика России в Сирии. Мои коллеги-международники только пожмут плечами и скажут: ну где Россия, а где Сирия, и как российская позиция по Сирии может иметь какую-либо связь с внутренними процессами в России? Не соглашусь! Вся история поведения Кремля в период идущей в Сирии гражданской войны говорит о его стремлении убедить Запад одобрить принцип тотального суверенитета, который стал бы препятствием для любого вмешательства извне во внутренние дела любой страны с целью изменения там политического режима. Понятно, что стремление ликвидировать возможность международного вмешательства и международных санкций в отношении других стран в случае нарушения там прав человека и массового насилия объясняется беспокойством Кремля о своем будущем. А также неуверенностью Кремля в своем будущем. Кремлю нужны западные гарантии невмешательства в случае возможных политических потрясений внутри России и в государствах вокруг России. Разве кремлевская позиция по Сирии не является примером взаимосвязи между внешней политикой и внутренними процессами?

Конечно, позицию Кремля в сирийском вопросе определили и другие мотивы. Это стремление Кремля продолжать играть роль спойлера для западных, и в первую очередь американских, инициатив. Если не можешь предложить

«конструктив», то остается мешать, препятствовать, возражать, таким образом заставляя с собой считаться. Это стремление Кремля постоянно говорить Америке «Нет!», тем самым осложняя ей жизнь и сохраняя для себя державническую роль на политической сцене, хотя эта роль уже давно не отвечает возможностям России. Но без державничества самодержавие лишилось бы фундамента.

Правда, признаем, что и Запад был заинтересован в том, чтобы Кремль (и стоящий за ним Пекин) препятствовал коллективной акции против режима Башара Асада, по одной простой причине — Западу, и в первую очередь Америке, не хотелось ввязываться в еще один международный конфликт на Ближнем Востоке. В данном случае политика Запада работала против нормативных принципов, которые Запад провозглашал. В то время как кремлевская политика отражала принципы российской элиты.

Давайте взглянем теперь на обновленную Концепцию внешней политики Российской Федерации и то, как ее интерпретирует министр иностранных дел Сергей Лавров. Конечно, реальным идеологом и архитектором внешней политики является президент, но министр довольно часто и весьма успешно интерпретирует мысли лидера.

Концепция с первых слов обещает нам «переосмыслить приоритеты внешней политики России» на новом этапе. Посмотрим, в каком направлении происходит это переосмысление и насколько оно важно для внутреннего развития России. С трудом прорываясь через нагромождение терминов и понятий, которые как будто специально должны затруднить понимание того, что же для внешней политики РФ является главным, «высшим приоритетом», приходишь к выводу: российская власть отождествляет внешнюю политику с «национальной безопасностью». Сам этот факт говорит о ментальности российского руководства: акцент на безопасность означает, что Кремль в окружающем мире видит прежде всего угрозы и опасности; он хочет если не отгородиться от этого мира, который подозревает в плохих намерениях, то нейтрализовать его влияние. Первой целью «внешнеполитических усилий» Кремль также считает «обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности». А уже второй целью власть провозглашает «создание благоприятных внешних условий для... роста

экономики России, ее технологической модернизации... повышения уровня и качества жизни населения». То, что в основном внешнеполитическом документе РФ сохраняется акцент на обеспечении территориальной целостности и суверенитета (а кто, собственно, им угрожает?), а не на создании внешнеполитических условий для защиты прав человека, прогресса общества и его интеграции в европейское пространство, демонстрирует характер и вектор системы, сформировавшейся в России, нацеленный на дистанцирование от либерального мира и сохранение традиционной модели существования. Собственно, интерпретация Лавровым российской внешнеполитической концепции подтверждает этот вывод.

Смотрите сами, как российская власть строит свою аргументацию в пользу «защитной функции» внешней политики. Вот эта аргументация в сжатом виде: Запад вступил в эпоху кризиса, и ничего хорошего от него ждать не приходится; сила и центры мирового развития перемещаются на Восток; поэтому и России нужно туда стремиться; одновременно нужно противодействовать любым попыткам западного вмешательства.

Читаем в концепции: «Продолжают сокращаться возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток... Глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития...»

Потерпите еще немного. Я хочу процитировать и Сергея Лаврова, который уточняет положения российской внешнеполитической концепции. Итак, Сергей Лавров: «Независимость внешней политики России обусловлена ее географическими размерами, уникальным геополитическим положением, многовековой исторической традицией, культурой и самосознанием нашего народа... Освободившись от идеологических шор, мы это (новые риски. — *Л. Ш.*) понимаем лучше других, тех, кто... продолжает следовать в русле идеологии, уже не отвечающей реалиям XXI века».

Остановлюсь здесь, чтобы прокомментировать. Что касается кризиса Запада, то здесь архитекторы российской внешней политики заблуждаются. Происходит кризис модели западной демократии и западной интеграционной модели (ЕС).

Но, как свидетельствует история того же Запада (Сергей Викторович, хорошо бы почитать не только Оскара Шпенглера, а кого-нибудь из современных авторов; ведь Шпенглер писал совсем о другом этапе развития западной цивилизации!), кризис всегда был для демократий стимулом оживления и рывка в новое будущее. Так что кризис либеральных демократий — вещь преходящая.

Идем дальше. Перемещение «силы и потенциала» на Восток происходит, но не кардинальное и, возможно, временное. Если кто уверовал в превращение Китая в центр глобальной силы, советую почитать экспертов, которые доказывают, что в Китае начинается стагнация. Но если «сила» действительно перемещается на Восток, то России нужно срочно бежать и договариваться с Западом. Китайцы с Россией не будут нянчиться, как это делает евроатлантическое сообщество.

Не пойму, какие основания есть у Лаврова для утверждений насчет «независимости» российской внешней политики. Разве кто-то или что-то ей угрожает? И откуда идет либо шла угроза? Тезис о российской «уникальности» понятен: этот тезис теперь будет главенствующим в российской официальной риторике. Ведь вслед за национальным лидером, заявившим об уникальности России, наши политики и эксперты постоянно ищут обоснования «уникальной» цивилизационной модели России. Сам Лавров любит говорить о «сокращении возможностей Запада» и появлении «множества моделей развития». Он уже несколько лет назад нам возвестил, что «с окончанием “холодной войны” завершился... этап мирового развития — 400–500 лет, в течение которых в мире доминировала европейская цивилизация». Правда, потом Лавров все же, видно, начал колебаться — закончился Запад или не закончился?! То он говорил, что Россия «мыслит себя как часть европейской цивилизации, имеющей общие христианские корни». То утверждал, что Россия и Запад начали конкурировать в «цивилизационном измерении». Этаким путаник! Представляю, каково приходилось нашим дипломатам — нужно же было решить, как себя вести в отношении Запада. Эти идеологические колебания министра вполне понятны и простительны — ведь приходилось колебаться вместе с линией партии. И причиной колебаний являлось медведевское президентство с его неясной внешнеполитической линией. Но вот в Кремль возвратился Владимир Путин, и все определилось.

Сегодня Кремль больше не колеблется и претендует на иную модель развития. Какую? Да ту, которая основывается «на традиционных ценностях». Мы знаем, что в России является такой ценностью — это диктат государства по отношению к индивиду. Чтобы не было никаких сомнений в необходимости возврата к традиционным ценностям и в том, что они собой представляют, Лавров подчеркивает опасность «абсолютизации индивидуальных прав и свобод».

Обратим внимание: Лавров и все, кто пишет на тему международных отношений, категорически против идеологии. Ибо идеология в их понимании ассоциируется с либеральной идеологией. Какой же еще? Значит, нужно очистить внешнюю политику от любого воздействия идеологии. Но ведь именно идеология позволяет формулировать принципы и стратегический курс! Значит, наши архитекторы искренне признаются в том, какую политику они проводят — без принципов и без ориентации в будущее! Пожалуй, исключением на этом поле является лишь Евгений Примаков, который признает важность идеологии, правда, при этом критикуя либерализм. Я так и не поняла, какую идеологию в международных отношениях исповедует Евгений Максимович.

Итак, вот основа внешнеполитической стратегии Кремля — не допустить перехода России к системе, которая основывалась бы на примате прав личности по отношению к государству. Следовательно, все международные инициативы Кремля должны быть нацелены на сохранение старой «цивилизационной идентичности», которая требует сдерживания любого влияния западной цивилизации. Ну, разве не самое очевидное признание связи внешнеполитической доктрины Кремля и задач самодержавия?

Словом, основная цель внешнеполитической доктрины Кремля понятна: создать благоприятные условия для сохранения в России статус-кво. Об этом доктрина говорит прямо и откровенно, не скрывая и не пытаясь завуалировать взаимосвязь внешней и внутренней политики. Почему тогда эксперты-международники продолжают эту связь отрицать?

Есть и еще одна проблема, которая на сей раз касается отношения Запада к России, политики развитых западных демократий в отношении России. После падения СССР либеральные демократии так и не нашли адекватного курса, который бы не только помогал им осуществлять свои интересы

на мировой арене, но и, по крайней мере, не осложнял перемены в России, не препятствовал им.

Сама постановка этой проблемы, конечно же, вызовет несогласие и, возможно, резкое неприятие многих на Западе. Как же так, скажут они, мы ведь десятилетиями пытались помочь вам строить демократию и проводить рыночные реформы. А теперь нами недовольна не только российская власть. Нами, оказывается, недовольны и высказывают претензии в наш адрес российские либералы! Действительно: грустная история. Мы, либералы, действительно недовольны. Чтобы избежать будущих недоразумений и дальнейшего охлаждения российской оппозиции и российских либералов к западным демократиям и их правящим кругам, нам нужно четко сказать, чем мы недовольны.

Я лично полагаю, что именно западная политика в последние десятилетия создала благоприятный международный фон для российского самодержавия. Развитые либеральные демократии, возможно, заслуживают даже более резкой критики, чем политика Кремля. Ведь западные правительства в отношении России вели себя вопреки своим нормативным ценностям. Кремль же себя вел вполне в соответствии со своими верованиями.

Ниже я публикую свою полемику с рядом российских экспертов-международников. Причем я не обращалась к тем, кто откровенно проводит кремлевскую линию. Они для меня не интересны. Важнее подискутировать с теми, кто понимает, что происходит в международных отношениях, но не обязательно их увязывает с внутренними процессами в России. Выражаю признательность Александру Гольцу, который организовал нашу полемику о внешней политике и опубликовал ее в «Ежедневном журнале» (см. www.ej.ru). Я благодарна Евгению Ясину и Игорю Клямкину за организацию аналогичной дискуссии в Фонде «Либеральная миссия», которая была опубликована на www.liberal.ru. Те, кого заинтересуют эти дискуссии в полном формате, могут найти их на соответствующих сайтах.

Начну с обсуждения российской внешней политики. Вы здесь увидите несколько моих статей, в которых я разбираю основные аргументы сторон (приводятся в сокращении). В первой статье я намеренно акцентировала дискуссионные моменты для того, чтобы вызвать спор.

А ТЕПЕРЬ О РОССИЙСКИХ «СТРАТЕГАХ»

Раз пошло такое дело и «ЕЖ» начал дискуссию о внешней политике, не могу преодолеть искушения поучаствовать... Если речь идет об американских «стратегах», которые хотят вести свои дела с Кремлем, не раздражая Кремль, то с ними все ясно. Георгий Сатаров и Дмитрий Вайсбурд закрыли тему. Мне нечего добавить. Кроме одного: попытки американских «стратегов» убедить Россию «действовать таким способом, чтобы продвигать интересы Америки», не вызовут поддержки ни у Кремля, ни у российской оппозиции. Они лишь добавят убедительности попыткам Кремля в его поиске «иностранных агентов». Так что мы имеем очевидный пример политики, заранее обреченной на провал (далеко не первый!)...

А теперь давайте перейдем к более интересной теме — к проблеме российских «стратегов». Я имею в виду тех, кто анализирует внешнюю политику и ее концептуализирует, но с точки зрения интересов власти, а не общества. Мне только что попала статья Владислава Иноземцева в «Москоу таймс» (Inozemtsev V. More Respect for Russia Would Go a Long Way // The Moscow Times. 2013. March 29). Скажу сразу: считаю Владислава Леонидовича одним из самых ярких аналитиков, который работает в жанре, не доступном для многих, — пытается проектировать и создавать концепции. Поэтому все, что он пишет, интересно. На сей раз Владислав Леонидович решил посоветовать Обаме, как поступать в отношении России.

В 2009 году и мы — Лев Гудков, Игорь Клямкин, Георгий Сатаров и Лилия Шевцова — обращались к Обаме через газету «Вашингтон пост». Мы пытались убедить американскую администрацию (вот наивные!) не забывать о ценностях в ее отношениях с путинским Кремлем и не легитимировать российскую власть. Иноземцев сегодня обращается к Вашингтону с противоположным призывом — отказаться от ценностного подхода и не раздражать Кремль. Не знаю, что побудило его взять на себя эту роль, но он отразил то, чего российское экспертное сообщество, которое занимается внешней политикой (за редкими исключениями), ожидает от Америки и Запада. Короче, Иноземцев выступил как рупор российских «стратегов». Именно поэтому его размышления заслуживают внимания.

Вот что, по мнению аналитика, США должны сделать для того, чтобы возобновить диалог с Москвой: предложить России экономические дивиденды «в обмен на политические уступки»; не «акцентировать гражданские права и другие болезненные вопросы» в отношениях с Москвой; вместо разговора о ценностях вовлечь Россию в строительство «нового мирового порядка» и «глобального управления»; искать «новые сферы сотрудничества» с Москвой, в частности в регионе Тихого океана. Наконец, США и Россия могут создать свой альянс — «Организацию Северо-Тихоокеанского договора». Возникает впечатление, будто Владислав Леонидович сочинял свои тезисы, сидя рядом с Грэмом (речь идет о Томасе Грэме, ведущем американском аналитике, о котором буду говорить ниже. — Л. Ш.). Несмотря на различие в частности, они оба ищут одно и то же: как обеспечить сделку между Вашингтоном и Москвой и избежать намеков на раздражающие факторы типа гражданских прав.

Непонятно, насколько Иноземцев верит, что Америка вдруг начнет вместе с путинской Россией созидать новый «мировой порядок». Ведь речь идет о двух государствах, которые строят себя на различных принципах. Более того, власть одного государства смотрит на другое как на своего глобального противника! И как же их заставить согласовывать принципы, если они стоят на разных принципах?

Хорошо, допустим, что у Вашингтона найдется время на «потемкинские деревни». Почему нет? Ведь нашлось же у Обамы время на «перезагрузку» в стиле «давайте сделаем вид». В таком случае давайте зададим вопрос: какое влияние упомянутые предложения будут иметь на развитие России — облегчат ли они нашу трансформацию либо укрепят самодержавие? На чьи интересы будут работать новый «мировой порядок» и предполагаемые уступки Вашингтона Москве — коррупционной элиты либо общества?

Непонятно, как расширение сотрудничества России и Америки на Дальнем Востоке поможет России выйти из стагнации. Американские инвестиции? Но для того, чтобы они пришли, нужны новые правила игры, а не расширение территориального приложения той же самой игры. А как будет действовать альянс России с Америкой — я оставляю для обсуждения тем, у кого развито воображение.

Если отечественные «стратеги» верят, что предложенный диалог России с Америкой (и Западом в целом), очищенный от досадных ценностей, облегчит процветание России, тогда почему этого не произошло? Ведь до сих пор и Америка, и остальной Запад проводили именно эту политику!

Неужели наши «стратеги» не понимают, что они предлагают внешнеполитические подпорки для загнивающей российской власти? В ситуации, когда ее внутренние опоры начинают шататься, внешняя политика превращается в важное средство воспроизводства режима. Сотрудничество Кремля с Америкой и Западом и в создании новой системы «мирового управления», и в играх в Тихоокеанском регионе, и в прочих упражнениях — хороший повод отвлечь внимание от внутренних проблем и фактор международной легитимации власти.

Впрочем, наши «стратеги» все прекрасно понимают. Иноземцев сам рассеял сомнения относительно цели своих рекомендаций. Основная проблема для Запада — не сила России, а «ее нестабильность», говорит он. Россия, по его мнению, походит на СССР в 1988 году. Следовательно, Запад должен помочь обеспечить

в России стабильность. Но коль скоро речь идет о диалоге Запада с властью, то имеется в виду стабильность по-кремлевски, т. е. самосохранение российского самодержавия. Словом, наши «стратеги» не скрывают, что являются охранителями.

Хотя для чистоты дискуссии мы должны предложить Владиславу Леонидовичу и другим «стратегам» развеять наши подозрения. Вдруг они знают, как привычный диалог России с Западом использовать для высвобождения общества и для всего хорошего для общества! В таком случае немедленно сниму все свои критические замечания.

Для того чтобы развеять сомнения, предлагаю «ЕЖу» обратиться к нашим экспертам по внешней политике с просьбой высказаться по одному вопросу: в какой степени внешнеполитические рецепты, которые они предлагают Западу (расширение торговли с Россией, увеличение инвестиций, переговоры по ядерной безопасности, энергетическое сотрудничество, расширение культурных и прочих обменов), и те предложения, которые они делают Кремлю (поворот к Азии, сотрудничество в Арктике и Тихоокеанском регионе и пр.), могут облегчить трансформацию России? И как именно они могут ее облегчить?

Если эксперты нам ответят, мы обсудим их ответы. Если откажутся отвечать, это тоже будет ответом. Итак?

«Ежедневный журнал», 15 апреля 2013

КАК МЫ СМОТРИМ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Коллеги ответили. Дальше следуют мои комментарии относительно некоторых высказанных ими позиций. Итак, вот что мы вместе с коллегами думали о внешней политике России в 2013 г.

И ОПЯТЬ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ...

Дискуссия о внешней политике, начатая «Еженедельным журналом», на самом деле — разговор о Путине, о политике, о государстве. Просто речь идет об осуществлении власти через международные механизмы. А так как внешняя политика стала для Кремля одним из важнейших средств самосохранения, то эта дискуссия давно назрела. Мы только начинаем разговор, и факт осуществления системных задач власти через внешнюю политику еще не всеми признается. Но то, что мы спорим о том, о чем спорить у нас не принято, является признаком возможного, хотя еще не очевидного, сдвига.

А теперь позволю себе поразмышлять о том, что продемонстрировала наша дискуссия. Прошу терпения, ибо есть вещи, в которых нужно разобраться.

При оценке внутривнутриполитических тенденций не только в среде либералов-западников, но и на широком независимом (отчасти и зависимом) российском политическом поле уже достигнуто единодушие относительно самодержавия и необходимости из него выходить. Споры идут о субъекте перемен, о том, какова их очередность и масштаб. Как свидетельствует наша дискуссия, среди экспертов, которые говорят о внешней политике и которых можно отнести к западникам, нет единства по главному вопросу: куда России двигаться, стоит ли вообще куда-то двигаться и нужно ли поднимать проблему вектора, т. е. нормативно-цивилизационного развития.

Одни — их пока единицы — подчеркивают ценностное измерение во внешней политике, рассматривая государственные интересы в контексте этого измерения.

Другие предпочитают уходить от акцентирования стандартов, ограничивая себя анализом поведения государств на мировой арене, игнорируя тип этих государств и принципы, на которых они строятся. Конечно, следить за бурлящим Ближним Востоком, считать боеголовки, спорить о Евразийском союзе и выяснять отношения с Америкой либо с Китаем — увлекательное интеллектуальное упражнение. И безопасное тоже! Но как это упражнение помогает понять траекторию России и цели, которые российская власть осуществляет через участие в международных отношениях? Между тем, если тебя не интересует цивилизационный вектор России, ты вольно или невольно оказываешься защитником цивилизационного болота, в котором она оказалась. Даже если коллеги выступают за модернизацию России, но при этом отрицают либерально-демократические стандарты во внешней политике либо подчиняют эти стандарты интересам власти, они тем самым становятся сторонниками статус-кво, т. е. сохранения нынешней системы. Ведь как можно ее изменить, одобряя ее механизм общения с миром? Тем более когда самодержавие все активнее использует внешние механизмы для поддержания жизни.

Вот основные аргументы, которые работают на российское статус-кво: поддержка тезиса о «деидеологизации» внешней политики, отрицательное отношение к вопросу влияния Запада на Россию, акцент исключительно на сотрудничество России с Западом за счет игнорирования его последствий для внутреннего развития.

Давайте рассмотрим аргументы коллег по тем вопросам, которые являются индикатором их отношения к ценностному измерению, а следовательно, к вопросу, куда двигаться России.

Ценности как реликт «холодной войны»

Начнем с взаимосвязи ценностей и интересов. Согласно с Федором Лукьяновым, который говорит о «неразрывной» связи этих понятий. «Ценностный багаж определяет то, как воспринимаются интересы», а формулирование интересов — это «осмысление происходящего вокруг исходя из культурно-идеологических представлений», пишет он. Но в таком случае непонятен дальнейший ход размышлений Федора Лукьянова, когда он делает вывод: «Современные дискуссии о ценностях и интересах отражают тот факт, что очень многие до сих пор находятся под обаянием “холодной войны”». Значит ли это, что все попытки говорить о ценностях во внешней политике являются возвращением в эпоху «холодной войны»? Но что тогда определяет интересы и их «осмысление», если отказаться от принципов?

Лукьянов верно подметил, что «идеология перестала служить критерием устройства мира». Но хорошо это или плохо? Следующее высказывание можно считать авторской позицией: «Повсеместное распространение демократических процедур продемонстрировало, что в обществах другой культуры или уровня развития их наполнение может быть совершенно иным». Но насколько тезис о «повсеместном распространении демократических процедур» касается путинской России? А может быть, «иное наполнение» демократических процедур как раз и заставляет говорить о стандартах?

Вышеприведенная позиция понятийного жонглирования и ухода в неопределенность не оригинальна. Она отражена в официальной внешнеполитической доктрине РФ. Сергей Лавров также неустанно говорит об «освобождении от идеологических шор прошлого» и отказа от идеологии, «не отвечающей реалиям XXI века». Правда, Лаврову надо отдать должное, он все же понимает, что полностью отказаться от идеологии нельзя. И потому он предлагает вернуться к «наработанным тысячелетиями традиционным ценностям» и отказаться от «абсолютизации индивидуальных прав и свобод» (кстати, непонятно, а что означает их «релятивизация»?). На практике и «деидеологизация», и возврат к «традиционным ценностям» являются обоснованием политики, которая отвергает западные ценности. А какие другие ценности «абсолютизируют» права и свободы?! Более того, «деидеологизация» оказывается новым «идеологизмом», ибо облегчает возврат к «традиционным ценностям». Каким, думаю, объяснять не нужно.

Вмешательство во внутренние дела

Коллеги, которые говорят о наступлении эпохи «деидеологизации», тем самым дают понять, что они не видят оснований для нормативного воздействия на Россию. Попытки либералов использовать Запад в качестве рычага влияния на российский режим «либо бесполезны, либо вредны», утверждают они. «“Нормативный подход” не столько помогает, сколько препятствует демократизации России», — полагает Н. Розов.

Причем, сторонники «деидеологизации» зачастую трактуют понятие «влияние» как синоним «вмешательства». А последнее автоматически либо при помощи намеков ассоциируется с силовым нажимом, целью которого является смена режима. Естественно, что такой смысловой ряд вызывает отторжение любых попыток внешнего влияния.

Но кто у нас сегодня требует от Запада вмешательства и помощи в строительстве демократии в России? Никто и не спорит! Никто у нас и не ждет — и не хочет! — чтобы западные менторы учили нас, как строить демократические институты.

Трудно избежать впечатления, что те, кто постоянно твердит очевидное — «Россия сама должна решать свои проблемы!» — тем самым пытаются совершить подмену смысла: призывы к Западу вести себя в соответствии со своими принципами они трактуют как призыв к интервенционизму. Не исключено, что этот способ аргументации в ситуации недостатка доводов при желании может убедительно выглядеть.

Но разве является вмешательством во внутренние дела России напоминание Кремлю о том, что в России есть Конституция, гарантирующая гражданам права и свободы, и что Россия является членом Совета Европы и ОБСЕ, которые обязались уважать приоритет международного права и согласились, что нарушения прав человека не являются внутренним делом России? Это же прямая обязанность упомянутых международных организаций, созданных Западом именно для такого контроля! А если российские коллегии полагают, что требования следовать международным обязательствам вредны для России, то России в таком случае нужно отказаться от приоритета международного права и выйти из международных организаций, которые обязаны контролировать осуществление стандартов в государствах-членах, а также из сферы действия Европейского суда по правам человека, который теперь имеет право проводить мониторинг российского законодательства в правоприменительной практике.

Неужели коллеги действительно верят, что отказ Запада от нормативного подхода к России обезопасит нас от репрессивного наката власти? Или будет гарантировать дружелюбность в отношениях Кремля с Западом? Напомню коллегам, что усиление репрессий в России началось тогда, когда западные правительства пытались игнорировать ограничения гражданских и политических свобод в России и не портить отношения с Путиным. А ухудшение отношений между Москвой и Вашингтоном произошло тогда, когда Вашингтон делал (и все еще делает!) все, чтобы не раздражать Кремль. Неужели коллеги-прагматики верят, что приятельские отношения Путина с Обамой либо Путина с Меркель, не отягощенные разговором о нарушениях прав в России, заставят Кремль остановить «взбесившийся» принтер репрессивного законодательства и политические процессы?

Отказываясь следовать стандартам в своей внешней политике, соглашаясь с их кремлевской имитацией, Запад подрывает собственные нормативные устои. А это оставляет Россию вообще без всякой альтернативы самодержавию. Так что обращение к ценностям отчаянно нужно как Западу, так и нам. А если Запад не может следовать собственным принципам, то мы вправе ожидать от представителей западной элиты по крайней мере одного — не легитимировать российское самодержавие и не пытаться осуществлять свои личные интересы за счет предоставления Кремлю услуг коммерческого, консультативного и юридического характера.

И еще. Кремль утверждает, что финансирование правозащитной деятельности является иностранным вмешательством. Но как в таком случае оценивать финансовую поддержку из-за рубежа, которую получают государственные и проправительственные организации? А ведь именно по этим каналам идет основная западная помощь России, и о ее существовании власть предпочитает умалчивать. Сама власть таким способом придает понятию «вмешательство» нормативный смысл: все, что не содействует укреплению власти, является «вмешательством». Коллеги, используя это понятие, должны осознавать его реальное наполнение.

Является ли «закон Магнитского» вмешательством в российские дела? Алексей Арбатов отвечает утвердительно. Это, говорит он, попытка США «навязать нам свои правила и вмешиваться в наши внутренние дела». Но ведь речь идет об отказе для ряда российских граждан в американских визах и возможности иметь банковские счета в США — неужели американцы не имеют суверенитета над своей территорией?!

И вообще непонятно, что это за такие «группы людей в России и, наверное, в США, которые считают, что чем хуже сейчас отношения между США и Россией, тем лучше для развития российской демократии, потому что Запад будет оказывать давление на Россию и заставит ее соблюдать демократические нормы и процедуры» (Алексей Арбатов). Я, честно говоря, таких «групп» не знаю. О ком идет речь?

Если говорить о тех, кто призывает Запад требовать от Кремля соблюдения демократических норм, то вряд ли они это делают для того, чтобы намеренно ухудшить отношения с Западом. Да, такие требования, артикулируемые западными кругами, могут раздражать Кремль. Но зададим вопрос: разве для нас отношения Кремля с Белым домом важнее соблюдения российской властью Конституции и важнее того, как в России обеспечиваются

права ее граждан? И для чего нужны хорошие отношения Кремля с Западом, если они не содействуют подъему российского общества и не помогают гарантировать права его граждан? Между тем раздражение Кремля в отношении Запада в случае, если Запад займет принципиальную позицию, может, скорее, улучшить отношение к Западу думающей части российского общества, которая сегодня наблюдает за западным истеблишментом с откровенным разочарованием.

Наконец, насколько либералы могут себя отождествлять с Западом? Если речь идет о ценностях — несомненно. Но если речь идет о конкретных национальных интересах, то интересы любого западного государства могут и не совпадать, и противоречить интересам России. Но в чем конкретно может выражаться это несовпадение? Для того чтобы это выяснить, нужна либеральная, а не царистская концепция внешней политики.

Сотрудничество — во имя чего?

Соглашусь с международниками, которые говорят: есть проблемы, где мы должны сотрудничать с Западом, вне зависимости от того, что происходит внутри страны. Так было и во времена СССР. Но означает ли это, что либералы вообще не должны увязывать это сотрудничество с теми последствиями, которые оно имеет для эволюции России? Ведь если разобраться, то разведение международного сотрудничества и внутривнутриполитического развития выгодно власти, которая ограничивает общественное внимание к международной сфере и претендует на бесконтрольное поведение на мировой арене. Кто помнит хотя бы одну общественную экспертизу международных решений Кремля?

Каждый раз, рассуждая о сотрудничестве с США и Западом в целом, мы должны не только соотносить его с балансом сил и конкретными международными вызовами, а размышлять о том, что это сотрудничество (в области ограничения вооружений, энергетики, торговли либо инвестиций) дает обществу и чьи интересы оно обеспечивает. В противном случае международная аналитика превращается в сочинительство несбыточных утопий (самым популярным «рукоделием» является составление советов лидерам о том, как улучшить отношения) или в откровенное со-здание благоприятных международных условий для выживания самодержавия.

Конечно, нужно признать, что у экспертов-международников ограниченное поле для проектного и системного мышления, ко-

торое учитывало бы то, как внутренние интересы (и чьи конкретно?) проецируются вовне и на чем строится стратегия государства. И потому, что у них узкая общественная база, т. е. аудитория тех, кто интересуется внешней политикой и кто может выдвигать свои запросы в этой сфере. И потому, что внешняя политика воспринимается обществом не как средство осуществления его интересов, а как автономная от общества среда. И потому, что у международных нет не зависящих от государства политических инструментов, которые есть у нас — экспертов по внутренним вопросам (ведь мы можем обращаться к гражданскому обществу и оппозиции). Международники вынуждены ориентироваться на единственного работодателя — государство. А попытки внести в свои рассуждения чуждый власти нормативный аспект грозят выбросить их из экспертной ниши. Так что международники находятся в неблагоприятном интеллектуальном пространстве, ограничивающем свободу и независимость экспертизы.

Проблемы «векторников»

Но и в среде сторонников нормативного поведения свои проблемы. Одна из них — наша неспособность убедительно увязать внутренние процессы с их проекцией на международную сцену и объяснить обществу, на кого работает внешняя политика. Но самое главное — мы пока не выработали четкую концепцию нового государства, которое должно себя по-новому позиционировать на международной арене. Поэтому нерешительность международных и их колебания — производное нашей интеллектуальной слабости.

Александр Шумилин поднял и вопрос участия либералов в обсуждении международных проблем на площадках коллег-международников и на официальных мероприятиях типа «Валдая». Как показывает довольно долгая практика, если либералам не удастся предложить и сделать публичной ценностную оценку обсуждаемых проблем, их участие в подобных обсуждениях только помогает продлевать цивилизационную неопределенность, за счет которой паразитирует власть. Причем, если коллеги участвуют в деятельности «экспертных советов ключевых институтов власти», как говорит Сергей Ознобищев, «не коленопреклоненно, а часто критикуя порожденные во власти инициативы и предлагая их профессиональную корректировку», их роль в сохранении системы персоналистской власти только приобретает большее значение и ценность. Конечно, для самой власти.

Есть и более конкретные проблемы, с которыми мы должны справиться в своей среде. Одна из них — проблема последовательности, которая приобретает особое значение в ситуации, когда существование позиции считается излишним. О важности последовательности говорит наш разговор с Владиславом Иноземцевым. Я ни в коем случае не спору с Иноземцевым-европеистом! Владислав Иноземцев — один из немногих, кто, говоря о внешней политике, позиционирует себя идеологически. Я спору с его предложениями, которые мне представляются отрицанием его собственного европеизма. Мне не понятно, как сочетаются призывы Иноземцева к США «не акцентировать гражданские права и другие болезненные вопросы» и вовлечь Россию в строительство «нового мирового порядка» с его убежденностью в необходимости интегрировать Россию в Европу. Мне кажется, одно исключает другое: либо с Обамой строить новый порядок и забыть о правах, либо вступать в ЕС и рассматривать демократические нормы в качестве основы государственности. Будем считать, что мои вопросы к Иноземцеву — это мой вклад в борьбу за Иноземцева-европеиста.

А вот еще одна проблема — степень реалистичности наших идей. Для примера — призыв Владислава Иноземцева к Западу пригласить Россию в Европу и отменить для россиян визы. Между тем он сам понимает, что идея не имеет шансов: «Сама идея безвизового въезда была бы тут же снята Кремлем с повестки дня». Тогда, говорит он, «всем в России будет ясно, что именно Москва не хочет интеграции с Европой». Но позвольте, кто и в какой европейской столице рискнет сделать этот самоубийственный шаг? Особенно после чеченских взрывов в Бостоне и в ситуации, когда европейское общество насмерть запугано мигрантами и считает их главной напастью! Допустим, Меркель или Олланд рискнут и пригласят Россию в ЕС, какие у них будут шансы переизбраться? Если сам Иноземцев понимает нереалистичность своей идеи, то речь идет о технологическом лозунге, который, как и вся политехнология, является обманкой. Где гарантия, что эта обманка не вызовет обратный эффект и российское общество, вместо того чтобы вознегодовать по поводу нежелания Кремля вести его в Европу, начнет обвинять Европу в цинизме и хитроумных уловках с целью изолировать Россию при помощи Кремля?

Ну вот, длинно получилось. А сколько еще осталось «за кадром». И ведь это еще первые подступы к проблеме. Ведь если признать, что внешняя политика России является *формой*

осуществления интересов правящего класса, который приватизировал государство и право говорить от имени России и ее общества, то возникает вопрос нормативно-цивилизационной оценки каждого действия Кремля на международном поле. Одновременно необходима экспертиза внешнеполитических аргументов, которые используются для оправдания этих действий. Вот целый ряд основных направлений международной активности Кремля: его инициативы по интеграции постсоветского пространства; переговоры по разоружению с США; диалог по Сирии; отношения с Китаем; российско-американские отношения; диалог с ЕС. Давайте подумаем, способствуют ли действия Кремля по этим направлениям выживанию режима либо обновлению России? Почему бы нам не ждать, пока международники решат, что означает для России, скажем, проблема Сирии, а показать, что кремлевская политика в отношении Сирии выражает стремление Кремля заставить мировое сообщество принять принципы абсолютного суверенитета и невмешательства в качестве ключевых регуляторов международных отношений. И именно эти принципы являются защитным поясом самодержавия, которое заблаговременно создает международные гарантии против любого внешнего влияния в случае возникновения кризиса своей власти.

Пришло время осознать, что традиционный анализ внешней политики, с точки зрения баланса сил и интересов, работает на вполне определенную тенденцию — на сохранение российской безвекторности, которая оказывается благодатной почвой для продления жизни системы. Но новый подход к внешней политике заставляет одновременно размышлять и о новой концепции государства, и о его политической системе.

И последнее: дискуссия по внешней политике станет плодотворной, если она выйдет за пределы узкого круга «пикейных жилетов» и даст толчок общественным дебатам. Без этого нечего и мечтать о том, чтобы нам стать политической нацией.

«Ежедневный журнал», 29, 30, 31 мая 2013

А ТЕПЕРЬ О ТОМ, КАК НА РОССИЮ СМОТРИТ ЗАПАД И ЧЕГО ЗАПАД ХОЧЕТ ОТ РОССИИ

Знаю-знаю! Любой международник, прочитав заголовок, воскликнет: «Да нет никакого единого Запада — Запад разный!» Я это понимаю. Я знаю, что политика США отличается от политики Франции или Греции. Я знаю, что разные демократии преследуют в отношении России (а именно об их отношении к России будет идти речь) неодинаковые, по крайней мере, тактические цели. Но есть и общее, что сближает внешнеполитическую позицию развитых демократий по отношению к сегодняшней России. Давайте перечислим это «общее».

Во-первых, не всегда адекватное понимание в западных столицах происходящих в России процессов; акцент западных аналитиков и политиков на ситуативных событиях и неспособность увидеть вектор развития. Во-вторых, стремление западных лидеров реализовывать в отношении России сиюминутные интересы, не размышляя об их долгосрочных последствиях, в том числе и для себя. В-третьих, ориентация западных лидеров на прагматизм и попытки свести нормативные критерии к минимуму либо к формальностям, чтобы не раздражать Кремль. В-четвертых, нескоординированность западной политики в отношении России (даже внутри ЕС), что позволяет Кремлю мастерски проводить свой курс в отношении западных государств, используя отсутствие у них общей линии. Ничего ужасного в том, что Россия тактически маневрирует, я не вижу. Это и есть обычная международная политика. Все дело, в чьих интересах осуществляются кремлевские маневры — в интересах общества либо в интересах узкой правящей команды, которая приватизировала государство?

Короче, если речь идет о западных правительствах, то они осуществляют в отношении России прагматический курс, нацеленный на получение текущей выгоды. Но возникает вопрос, важный для нас в России: способствует ли такая западная политика российским переменам или создает благоприятное международное окружение для власти, которая

пытается продлить себя в бесконечность? Я утверждаю, что политика Запада последних десятилетий работает на российскую власть и ее интересы. Иногда можно допустить, что западные правительства не вполне осознают последствия своего курса по отношению к России, либо вообще не задумываются о них, либо эти последствия их не интересуют. Этому тоже есть объяснение: западные правительства и их лидеры ограничены выборным циклом и не могут смотреть далеко вдаль. Но это не освобождает их от ответственности за результаты их политики.

Чаще всего, однако, проводимая западными лидерами политика является откровенной поддержкой российского самодержавия, причем вполне осознанной. Мотивы политики ведущих либеральных демократий, ориентированной на российское статус-кво, тоже понятны: в России нет политической альтернативы, которую Запад мог бы поддержать; нынешняя российская власть обеспечивает в стране — пока — стабильность; экономические отношения с Россией приносят коммерческую выгоду западному бизнесу.

Каковы бы ни были мотивы политики западных государств в отношении России, мы должны оценивать результаты этой политики по своим критериям. Основным критерием для ее оценки является следующий: облегчает ли политика западных государств российские реформы или помогает нашей власти удерживать страну в прошлом?

Я выбрала лишь отдельные, на мой взгляд, самые важные тезисы, касающиеся политики Запада в отношении России. В последние годы я размышляла в основном о российской политике США и о российском курсе президента Барака Обамы.

Европейская политика (включая и политику Европейского Союза) меня, честно скажу, и прежде интересовала меньше в силу ее слабости и полного отсутствия стратегического ориентира. Впрочем, и американская политика в отношении России до сих пор не могла претендовать на наличие стратегического измерения! Ограничусь констатацией факта: Москва сумела по максимуму использовать Брюссель для осуществления основных задач российской правящей команды. Брюссельская дипломатия заслуживает поощрения со стороны Путина за создание самых благоприятных внешних условий для его президентства. Политика Брюсселя в отношении России являет собой любопытный пример отказа сообщества, которое

притязает на роль единственного в мире нормативного политического субъекта, от ценностного измерения.

Что касается внешней политики отдельных европейских стран, то интерес представляет только политика Берлина. И то по одной причине: именно Берлин является европейским дирижером, хотя и чувствует себя в этой роли некомфортно. Но именно Берлин своим примером заложил основы нынешнего европейского курса в отношении России. Почему и зачем, с какими последствиями — это мы будем обсуждать дальше. Я также затрону дискуссию о немецкой политике в отношении России, которая началась в Германии.

А сейчас о позиции Америки относительно России. В истории случаются ловушки, когда возникает проблема, которую нельзя решить либо которую не могут решить силы, столкнувшиеся с этой проблемой. Такие ловушки обычно связаны с цивилизационным тупиком, с истощенностью даже не политических сил и их отношений, а с истощенностью политической модели, в рамках которой действуют эти силы. Отношения между Россией и Америкой являются примером такой даже не геополитической, а скорее цивилизационной ловушки. Они показывают, что ни Россия, ни Америка не сумели справиться с наследием биполярной системы, рухнувшей с уходом со сцены СССР. Дело осложняется и тем, что Россия не смогла справиться с собой и начала возвращаться к цивилизации, которая уже продемонстрировала свою истощенность.

Короче: отношения России и Америки, с одной стороны, как и во времена СССР, включают взаимное сдерживание за счет баланса ядерной мощи (это сдерживание все еще основывается на принципе «взаимно гарантированного уничтожения»), с другой — стремление сотрудничать, но по тактическим вопросам, которые обе стороны часто — почти всегда — представляют как «общие интересы». На самом деле речь идет о текущих интересах, а не об интересах, связанных с важнейшими условиями и предпосылками существования обеих стран. Такая модель изначально отторгает отношения, основанные на доверии. Скажем прямо: отношения, которые включают в себя взаимное сдерживание, не могут строиться на доверии. Как можно даже надеяться, что, сдерживая друг друга, страны в состоянии доверять друг другу?! Когда же нет доверия, приходится делать вид, изображать, играть. Это неизбежно. Но важно осознавать, что сотрудничество России и США

по тактическим вопросам, пусть временами успешное, не способно переломить взаимную подозрительность, которая воспроизводится вследствие глубинных причин, связанных с тем, как строят себя две чуждые друг другу системы.

После падения СССР отношения всех американских президентов с их российскими партнерами кончались либо кризисом, либо охлаждением на грани кризиса, какое произошло на протяжении 2013 г. Если отношения каждый раз кончаются одним и тем же при разных лидерах, то возникает предположение, что причина провалов не только в личных симпатиях или антипатиях лидеров. Конечно, правы те, кто скажет, что в основе российско-американских «горок» лежит различие принципов и ценностных установок России и Америки. Но ведь Америку и Китай тоже разделяют различные нормативные принципы. И тем не менее их диалог может служить примером сотрудничества.

Отношения между Америкой и Россией определяются *тремя структурными факторами*, которые во внешней политике этих стран играют даже большую роль, чем ценностные различия, и объясняют, почему Америка и Россия (с ее нынешней системой) не могут перейти к относительно устойчивому сотрудничеству, возможному для Америки и Китая. Первое: российская матрица предполагает наличие у России сфер влияния на постсоветском пространстве, что служит опорой персоналистской власти; именно попытка сохранить сферы влияния порождает в Кремле враждебность к Америке, которая демонстрирует стремление к глобальному влиянию. Второе: российская элита перешла к консолидации общества на основе поиска врага, к которому Кремль всегда прибегал в моменты трудностей (напомню: оптимальным врагом для Кремля уже давно является Америка, как лидер западного мира, чуждого и даже враждебного Кремлю). Третье: в отношениях между Россией и Америкой нет экономической основы, которая смягчала бы факторы сдерживания и которая присутствует в отношениях между Америкой и Китаем.

Но почему же тогда в отношениях России и Америки были периоды плодотворного сотрудничества и даже партнерства, которое казалось перспективным? Потому что существовали ситуативные обстоятельства, которые смягчали тенденцию к сдерживанию, заложенную в модели их отношений. Но действие ситуативных обстоятельств обычно исчерпывается

быстро, особенно если сужается потребность обеих сторон либо даже одной стороны в тактических сделках. Смягчающее влияние ситуативных обстоятельств вообще перестает работать, когда в дело вступают структурные факторы сдерживания.

Так, в начале президентства Буша Путин использовал войну Америки с международным терроризмом для того, чтобы доказать, что и его чеченская война являлась частью той же борьбы, которую вела Америка. Это был ситуативный фактор, нейтрализовавший — на время — тяготение Москвы к сдерживанию. «Оранжевая революция» на Украине вызвала в Кремле подозрения, что именно американцы занесли туда «оранжевый вирус». Вновь заработали факторы сдерживания, ибо на этот раз в восприятии российской элиты речь шла об угрозе ее выживанию.

Чем же тогда объясняется готовность Москвы участвовать в обамовской перезагрузке? Тактическими интересами, в частности пониманием угрозы со стороны талибов; надеждами получить от США инвестиции и технологии. Но эти интересы не изменили поворота Кремля к сдерживанию, что, видимо, Вашингтон недооценил. Для Москвы перезагрузка в американском понимании была не так уж необходима. Со всем напротив, перезагрузка стала для Кремля способом испытания терпения Обамы постоянным «Нет!» и постоянными претензиями, подчас смехотворными и надуманными.

А ведь Обама, пытаясь заручиться сотрудничеством Москвы, сделал шаг, рискованный для лидера нации, которая является «идеологической нацией», которая гордится своими ценностями и стремится к их экспансии. Он отверг нормативный подход к России. Причем отверг, открыто заявив об этом. Раньше американские лидеры тоже проводили прагматическую политику и шли на разные сделки с Кремлем (равно как и с другими авторитарными режимами), отодвинув в сторону представления о ценностях и своих принципах. Но именно при Обаме Вашингтон заявил официально, что его политика в отношении России будет основываться на принципе «разрыва» (delinkage) между внешней политикой и внутривнутриполитическими процессами. Что это означало? А вот что: «Мы не должны обращать внимания на то, что творится внутри России. Мы должны сотрудничать с Кремлем при любых обстоятельствах».

Даже сдав свои принципы, Вашингтон так и не сумел обеспечить для себя предсказуемые отношения с Москвой.

Но он создал комфортную для путинского Кремля международную ситуацию, дав пример политики попустительства другим западным демократиям. Если Обама не обращает внимания на усиливающийся авторитаризм Кремля, почему другие столицы должны к этому придирааться? Да, Обама оказался наиболее дружески настроенным американским президентом — но не в отношении России, а в отношении путинского режима. Никто из американских лидеров до сих пор открыто не возводил в ранг официального курса намеренное игнорирование собственных принципов в отношениях с другими странами.

Не исключено, вначале в Вашингтоне искренне надеялись, что Россия имеет шанс двигаться к более либеральной системе. Перезагрузка строилась во времена Медведева. Как я уже упоминала, надежды в западных странах на Медведева возлагались огромные. А потом, когда все выяснилось, Вашингтон, скорее всего, начал делать вид, будто верит в дружеские намерения Кремля. Началась игра. Вашингтон был готов играть и продолжать делать вид, что дружба продолжается и на повестке много вопросов, которые он охотно будет решать с Путиным. Действительно, американцы нуждались в договоренности с Москвой по Сирии, соглашениях по ядерному разоружению и по Ирану. Значит, надо играть с Путиным. Демократия и права человека в России никого в политическом Вашингтоне не волновали. Но оказалось, что отказ от всего, что могло рассердить Кремль, не гарантирует безоблачных отношений с Кремлем!

На мой взгляд, основная проблема американской политики (и не только последних лет) в отношении России заключается в ошибочности двух предпосылок. Первая из них — надежда, что сотрудничество может ослабить авторитаризм Москвы. Эта иллюзия — не американского происхождения, ею до сих пор болеет правящая немецкая элита. От нее Вашингтон, видимо, отказался. Зато вторая предпосылка еще жива, и вот ее суть: если мы не будем обращать внимание на внутренние процессы в России и не будем раздражать Путина, он будет с нами сотрудничать там, где нам нужно. На деле политика «не раздражать» привела к обратному: Кремль воспринял ее как свидетельство слабости Обамы и приглашение постоянно требовать от Вашингтона «deliverables», т. е. дивидендов, и массажа кремлевских комплексов.

Казалось бы, хорошие отношения с Америкой нужны российскому лидеру. Хотя бы для того, чтобы благодаря диалогу с ней чувствовать себя властителем державы, которая разговаривает с Америкой на равных. На деле стало очевидно, что Путину для удовлетворения его амбиций и для его управления державой вовсе не обязательно вести приятный и дружеский диалог с Америкой. Не исключено, что он испытывал еще более острое чувство удовлетворения, когда блокировал американские интересы, ставил американского президента в унижительное положение и давал понять, что Россия может испортить Америке немало крови. Кремль с блеском продемонстрировал, что может создавать имидж державничества не только через сотрудничество с Америкой, но и через сдерживание Америки. Вашингтон оказался не готов к такому повороту.

Между тем этот путинский поворот вполне ожидаем и понятен. У Москвы не было особой потребности в сотрудничестве с Америкой. Не было, и нет. Путин, видимо, даже не понимал, о чем ему с Вашингтоном договариваться. Скорее он понимал, чего не хочет в отношениях с американцами. Замечу, что почти все пожелания Кремля американцы уже давно удовлетворили: Америка не вмешивалась во внутренние дела России; Америка не вмешивалась в дела постсоветского пространства; Америка убрала ПРО из Европы; Америка помогла России вступить в ВТО; Обама, как мог, сопротивлялся одобрению Конгрессом Акта Магнитского и дал понять, что этот акт не затронет интересов высшего эшелона российской элиты (да и интересы низшего эшелона Акт Магнитского пока не затронул!). Что еще могла дать Америка Путину?! Словом, он мог и дальше вести диалог с Вашингтоном, жестко его прессингуя. Правда, кремлевский список претензий к американцам настолько сократился, что стало непонятно: что еще выдвинуть и чего еще потребовать от американцев?!

Впрочем, остался вопрос противоракетной обороны — ПРО. Путин не хотел американской ПРО у себя под боком. Эта ПРО не является угрозой для России. Но Путина, очевидно, было легко убедить либо он сам себя убедил, что это угроза. Впрочем, все вполне логично. Российский президент, глядя на окружающий мир, возвратился к чисто советскому образу мышления: все вокруг представляет угрозу, и никому нельзя верить! Он сделал своей постоянной игрой с Вашингтоном пинг-понг под названием «Нет, и еще раз нет!». Американцы

бросают ему мячик, а он его отбрасывает и говорит: «Нет!» По ядерному разоружению, любимой идее Обамы: «Нет!» По Сирии: «Нет!» По Ирану тоже: «Нет!» Если бы американцы пошли на попятную по ПРО, Кремль, думаю, был бы очень недоволен. Ибо исчез бы такой повод для раздражения! Впрочем, вскоре Кремль придумал бы новый повод для демонстрации неудовольствия. Такая игра может продолжаться долго. Все зависит от терпения американцев.

Летом 2013 г. терпение Вашингтона лопнуло. Обама заявил, что берет «паузу». Это решение со стороны воспринималось тогда как признание провала «перезагрузки». «Ни в коем случае! — скажут мне американские коллеги. — Мы добились для себя ряда позитивных решений (по вопросу афганского транзита, по СНВ, Ливии, Ирану). А потому мы довольны! Перезагрузка сработала». Хорошо, что вы довольны, отвечаю я. Можно, конечно, довольствоваться и тактическими успехами. Но в ответ спрошу: а что вы потеряли, играя с Кремлем? Вы потеряли Россию и ее новый политический класс, который выходит на сцену и обвиняет Америку в поддержке путинского режима. А если речь идет о тактических сделках, то насколько они устойчивы?

Обамовская «пауза» не дала ответа и на вопрос: как Вашингтон предполагает строить свои отношения с Москвой дальше? Я не видела никаких доказательств того, что у Америки вдруг возникла готовность размышлять о стратегии в отношении России. Нет, не той стратегии, к которой призывают Вашингтон американские «стратеги». Суть ее очень проста: втянуть Россию в нескончаемый политический «обсуждизм», который будет льстить самолюбию кремлевской команды и одновременно поможет продвинуть американские интересы.

Я говорю о стратегии другого рода — увязывающей прагматизм с нормативным измерением. К такой стратегии Вашингтон в период, о котором я пишу, готов не был. Предполагаю, что причиной тому служат три обстоятельства. Во-первых, это решение может вызвать дополнительную агрессивность Кремля, и непонятно, как с ней справиться. Во-вторых, Запад находится в кризисе, и ему, в том числе и Америке, не до стратегических решений. В-третьих, Россия перестала быть важной для американской геополитики.

Ну, что же: может, это и к лучшему — лучше никакой политики, чем политика, которая вредит.

Возможно, когда Запад, а вместе с ним и Америка выйдут из стагнирования и обретут свой новый вектор, они попытаются найти в отношении России курс, выходящий за пределы циничных сделок и имитации дружбы. Но это будут уже и новая эпоха, и новые лидеры, и новые эксперты, которые будут им советовать.

Зачем я рассказываю эту историю? Вот зачем. Любые имитации в политике рано или поздно кончаются тем, что приводят к разочарованиям, а разочарования означают провал политики. В данном случае имитация, в которую превратилась американская «перезагрузка», оказалась лучшим сценарием для Кремля, знающего, как участвовать в такого рода играх. Строительство «потемкинских деревень» — это не только наше российское хобби. Это наша национальная профессия! Никто не упрекает Америку в том, что американцы пытались найти пути реализации своих государственных интересов. Но они нашли такой способ это делать, который не имел гарантии на будущее. Избранный Вашингтоном курс имел другие последствия — он помогал выживанию российского самодержавия, создавая для него международную легитимацию и облегчая решение его задач.

Российские либералы давно начали говорить о том, куда ведет американский курс на «перезагрузку» за счет игнорирования того, что Кремль делает внутри России. Приведу несколько цитат.

Гарри Каспаров: «Я не верю, что Обама вообще имеет политику в отношении России... Для того чтобы быть адекватным, Обаме нужно взглянуть на российскую реальность и признать, что Путин не представляет российское общество».

Владимир Рыжков: «Обама решил проводить в отношении России политику прагматизма. И чего он добился, кроме нескольких тактических компромиссов?»

Андрей Илларионов: «Поведение американской администрации можно назвать сдачей позиции. Это даже не политика попустительства. Это капитуляция перед Кремлем».

Лев Гудков: «Я думаю, что и оппозиция, и общество в России воспринимают политику “перезагрузки” как чисто циничную политику сделки между Путиным и американской администрацией».

Георгий Сатаров: «За последние годы мы видели падение роли ценностей в мировой политике. Америка, как мировой лидер, несет за этот процесс основную ответственность».

Андрей Пионтковский: «Перезагрузка» сводится к простой сделке: американский грузовой транзит в Афганистан за право российской элиты держать нелегально добытые богатства на Западе».

Возникла парадоксальная ситуация, когда не только российские государственники, левые и националисты, но и российские либералы начали смотреть и на Запад, и на Америку прежде всего, с подозрением и разочарованием. Конечно, разочарование в Америке этих столь разных сил вызвано разными причинами. Любопытен сам факт: после стольких лет диалога, сотрудничества и в определенные периоды даже партнерства с США число симпатизирующих Америке в российском обществе не увеличилось, а, скорее, сократилось, в первую очередь среди слоев, которые всегда были западниками.

И что же, скажете вы, прочитав все претензии к США, вы хотите, чтобы американцы продвигали в России демократию? Вы хотите, чтобы они свергли Путина! Это обычные аргументы кремлевских экспертов в спорах с либеральными оппонентами. Еще раз повторю то, что мы, либералы, говорим всегда: никто из нас никогда не утверждал, что демократию в Россию привнесут другие страны. Никто из нас не просил Америку помогать решать за нас наши задачи. Мы призываем к другому: не помогайте самодержавию! Не девальвируйте те ценности, которые вы должны символизировать, — их дискредитация вами же затрудняет наш путь к свободе!

Но, пожалуй, этим призывам суждено повиснуть в воздухе. Судя по тому, что писали и говорили американские аналитики и наблюдатели (слава Богу, не все, иначе было бы совсем непроглядно грустно!), американская сторона не готова к осмыслению причин провала «перезагрузки», а следовательно — к поискам нового понимания того, что происходит в России. В Америке возникло мощное лобби, в том числе и в экспертных кругах, которое убеждает администрацию проводить в отношении России «прагматическую политику», не обращая внимания на происходящее внутри нее. Это означает: будем дружить с Путиным!

Перехожу к конкретным вопросам своего спора с американскими оппонентами, сторонниками укрепления сотрудничества с Путиным, «невзирая ни на что». Приведу аргументы американских «стратегов», как они сами себя назвали, которые представил Томас Грэм, и свою критику этих аргументов (все

в сокращенном виде). Так, «стратеги» в момент, когда уже стало ясно, что обамовская «перезагрузка» закончилась, продолжали призывать к новому этапу «стратегического сотрудничества» Америки с Россией, при этом сохраняя ключевой принцип: не будем раздражать Кремль! Что означало такое сотрудничество? Оно означало бы новый этап создания имитаций. С неизбежным повторением того результата, которым завершилась обамовская «перезагрузка». Возможно, новая имитация была бы выгодна Вашингтону. Несомненно, она была бы выгодна Кремлю, ибо позволила бы российской власти продолжать использовать Америку в своих интересах. Но очередная игра вряд ли нужна российскому обществу.

Ниже я разбираю аргументы Грэма и пытаюсь выяснить возможные мотивы, которые стоят за этими аргументами. Вы увидите логику американского прокремлевского лобби и сами поймете, насколько она убедительна и последовательна.

ОТВЕТ РЕАЛИСТА ИДЕАЛИСТУ

Я рада, что наши с Дэвидом Кремером (David Kramer) попытки привлечь внимание к России и политике США в отношении России услышаны нашими оппонентами. Приятно получить ответ от Томаса Грэма (Thomas Graham), которого я считаю одним из самых тонких западных аналитиков, наблюдающих за российскими процессами. Как это ни покажется парадоксальным, статья Грэма с ответом нам, а также другие его размышления о России представляют дополнительные аргументы в пользу нашей точки зрения.

Фактически Грэм написал своего рода манифест «американских стратегов». Идеи «стратегов» определяли политику Вашингтона в отношении России в период первого президентства Обамы и имеют все шансы определять ее продолжение. Более того, инвентаризация их взглядов важна еще и потому, что они отражают представления о внешней политике немалой части американского истеблишмента.

Начну с главного тезиса Грэма и представляемых им «стратегов»: политика США в отношении России должна в первую очередь работать на «осуществление американских интересов». С этим нельзя не согласиться — политика России в отношении Америки должна ровно так же работать на последовательное «осуществление российских интересов». Я не собираюсь спорить с тем, как Грэм понимает американские интересы. Это не дело гражданки России.

Но все дело в том, что он почему-то забыл сформулировать американские интересы в отношении окружающего мира, очевидно, полагая, что они и так ясны... Он сразу начинает объяснять нам механизм отношений между Америкой и Россией: «Конечная цель стратегов... создание баланса между сотрудничеством, соревнованием и равнодушием, который в наибольшей мере облегчал бы осуществление американских интересов». Но это способ осуществления американских интересов. А что собой представляют эти интересы, так и остается неясным. А вдруг они настолько противоречат российским, что вообще исключают успешное сотрудничество двух стран?

Автор говорит о «взаимосвязи», которая является «неотъемлемым элементом американо-российских отношений». Смотрите, как он объясняет, что такое эта «взаимосвязь». Это не *quid pro quo*, говорит он, которое могло бы означать, что «Америка жертвует Грузией в ответ на поддержку Россией своей позиции в иранском вопросе». Но что же тогда? Оказывается, речь идет о «формировании ожиданий» (подчеркнуто мной. — Л. Ш.), которые могли бы убедить Россию действовать таким способом, чтобы продвигать интересы Америки». Короче, Америке вовсе не обязательно, скажем, отдавать Грузию России в обмен на что-то — Вашингтону нужно делать вид, что Америка отдает Грузию, и пусть Москва поверит и в ответ поддержит Америку в Иране!

Что ж, политика есть политика, и в ней, к сожалению, макиавеллизм неизбежен. Но нужно отдавать себе отчет в том, что и Москва будет искать свой вариант «формирования ожиданий». И, как показывают «перезагрузка» и президентство Медведева, которые породили немало надежд в Вашингтоне, Кремль намного больше искушен в фабрикации ожиданий и в дезориентации своих партнеров, чем Белый дом. Но если Америка собиралась строить свою политику на обмане, то она не могла претендовать более на роль ментора в области морали!

Читатель наверняка скажет: стратегическая повестка дня не может основываться на воздухе и игре в «обманки» (кто кого надует) — нужно что-то более существенное. Правильно: нужно хотя бы частичное совпадение интересов обоих государств. И что думает Томас Грэм по этому поводу? В своем докладе «Поднимающаяся Россия и задачи Соединенных Штатов» (2009) он убеждал нас, что американо-российское сотрудничество «должно строиться на общих интересах и общих угрозах». Сегодня Грэм кардинально меняет свою позицию, теперь он считает, что «стратег... должен относиться к разговорам об общих интересах как основе

сотрудничества со скептицизмом. Ибо анализ так называемых общих интересов показывает существование серьезных различий в понимании проблем и национальных интересов (Америки и России), что создает препятствия для успешного сотрудничества».

Дальше Грэм на конкретных примерах показывает, насколько расходятся интересы Вашингтона и Москвы в тех сферах, которые принято называть сферами «общих интересов». Ну, хорошо, поменял свою точку зрения на противоположную... С кем не бывает...

В связи с этим признанием Грэма возникает вопрос: на чем тогда он предлагает строить стратегический диалог? Может быть, он предлагает продолжить политику взаимных сделок, которую проводил Обама и к которой сам Грэм призывал в уже упомянутом докладе?

Не исключено, что еще недавно Томас Грэм действительно верил в возможность политики сделок. Ибо в начале 2012 г. в своих интервью (ИТАР-ТАСС, business-gazeta.ru и «Голосу Америки») он говорил об «очень позитивной эволюции» российской политической системы, о «диалоге между российским правительством и оппозицией». Он утверждал, что «это будет эволюция системы в сторону большей открытости, большего плюрализма, большей эффективности». Да, тонкое понимание российских процессов — и это один из лучших, если не лучший американский аналитик! Основываясь на таком понимании «эволюции», Грэм полагал, что «нет непреодолимых препятствий» для «общего стратегического понимания, общей цели» (Вашингтона и Москвы). Но в марте — апреле 2012 г. на страницах «Америкэн интрест» он был вынужден признать, что «возвращение Путина положит конец политике сделок в американо-российских отношениях... Проблема в том, что все возможные сделки между нами уже заключены... Компромиссы становятся все более призрачными, особенно в ситуации отсутствия доверия, и возвращение Путина подорвет остатки того доверия, которое в последние годы удалось восстановить». Вновь изменил позицию наш «стратег». Видно, очень трудна российская материя для понимания извне.

Прочитирую еще один вывод Грэма: «Возвращение Путина только усложнит ситуацию, ибо он символизирует откровенные различия в ценностях, интересах и взгляде на мир, которые разделяют Россию и Соединенные Штаты».

Как же американские «стратеги», признавая, что нет ни «общих интересов», ни шансов на сделки, могут надеяться на успешное стратегическое сотрудничество с Кремлем?

Я понимаю опасения Томаса Грэма и других его американских единомышленников, связанные с другим подходом — включением во внешнюю политику нормативного измерения. «Стратеги» исходят из того, что Россию трудно понять и нельзя пытаться помочь реформировать то, что трудно понять. «Стратеги» вспоминают о неудачном опыте продвижения Западом демократии в России в 1990-е гг. Но напомним: в 1990-е гг. Америка и Запад не «продвигали» в России демократию — они поддерживали Ельцина и его правление, которое ничего общего с демократией не имело. Получается, что для оправдания своего пренебрежения ценностным измерением «стратеги» пытаются переписать историю.

Грэм любит вспоминать Джорджа Кеннана с его предупреждением, что «интимнейшие процессы национальной жизни» часто непонятны иностранцам «и иностранное в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда». Скажу честно: сам факт, что спустя 60 лет после того, как Кеннан изрек эти слова, американские эксперты не могут понять Россию, но при этом пытаются вести с ней «стратегический диалог», не может не вызвать замешательства. И недоверия к американским «стратегам»...

Если речь идет о предупреждении Кеннана «не вмешиваться», то здесь я с ним — с Кеннаном — согласна. Я считаю, что старая формула «продвижения демократии» Западом себя давно изжила и стала контрпродуктивной. Когда я говорю о ценностном измерении, я имею в виду необходимость для Запада соответствовать нормам, которые сам же Запад и проповедует. Конечно, для российского общества было бы желательным, если бы Запад подумал о создании внешнеполитического контекста, благоприятного для движения России к свободе. Ну, а если Запад не готов к последнему, то мы — российские либералы — ожидаем от Запада и Америки одного: *не мешайте нам и не легитимируйте коррупционный российский режим!*

«Стратеги» призывают Запад возвратиться к старому механизму влияния через программы обмена и контакты между бизнесом. Кто же против? Конечно, нужно развивать этот обмен. Хотя сама модель «обмена» очень напоминает советские времена. Позволю себе процитировать того же Джорджа Кеннана, которого обожает наш оппонент. Размышляя о «культурном сотрудничестве» между Америкой и СССР, Кеннан предупреждал: «Советская политика в этой сфере будет ограничена жестко контролируруемыми официальными визитами с преобладанием водки и ничего не значащих речей». Пытаясь постепенно изолировать российское общество

от внешнего мира, и прежде всего от Америки, Кремль возвращается к формуле «обмена», которую описывал Кеннан.

Давайте задумаемся еще о двух вещах: почему «обмен», к которому призывает Томас Грэм, не предотвратил усиление антиамериканизма в российском обществе и почему политика Обамы, которая включала все рекомендации «стратегов», не помешала резкому охлаждению отношений между нашими странами? А ведь американская администрация добросовестно следовала всем советам Грэма вместе с Кеннаном!

Еще несколько рассуждений, которые заслуживают внимания, ибо встречаются у других западных аналитиков. Вот совет Грэма «стратегам» избегать поддержки российской оппозиции, которая является «маргинальной». В ответ скажу: уверена, что и российской оппозиции не нужна поддержка американских «стратегов», которые заняты своими играми с Кремлем.

Что касается обеспокоенности Томаса Грэма тем, что в России растет число людей, которые «не хотят, чтобы их считали американскими агентами либо чтобы их связывали с маргинальными силами и потерпевшими поражение лидерами», то здесь дело обстоит сложнее. С одной стороны, он прав — число таких людей в России значительно. Но обеспокоенность Грэма как ведущего американского эксперта должно вызывать и другое явление — рост той части населения, которая недовольна российской властью и которая критически относится к Западу, и прежде всего к Америке, полагая, что Запад стал частью коррупционной машины, созданной Кремлем. Грэм должен был бы обеспокоиться и тем, что российские западники стали критически относиться к Америке.

Если говорить об «Акте Магнитского», то аргументы, которые Грэм выдвигает против этого акта, совпадают с аргументами кремлевских пропагандистов. Акт вовсе не «является для русских ложным сигналом о верховенстве закона», как полагает Грэм. Совсем наоборот, те россияне, которые знают об этом акте, считают, что Америка, наконец, показала: принцип верховенства закона для нее не совсем безразличен. Что касается аргумента, будто «русские попытаются использовать этот акт для получения преимуществ перед своими коммерческими конкурентами», то, думаю, не ошибусь, если скажу, что нас в России больше волнует другое — как российские и американские компании используют свою близость к Кремлю для продвижения своих интересов. Нас возмущает то, как сделка «Роснефти» и «Эксон мобил» (не без помощи влиятельных посредников) легитимировала кражу «Роснефтью» активов

у Ходорковского. Но я говорю то, что Томас Грэм наверняка знает лучше меня (намекая на тот факт, что он является директором по России ведущего американского консалтингового агентства «Киссинджер ассошиэйтс»).

А в целом «Акт Магнитского», против которого выступает Грэм, нацелен на санацию американского общества и создание барьеров на пути кремлевского экспорта коррупции. Повторяю: этот акт больше нужен в Америке — а не нам в России!

В завершение Томас Грэм призывает к «стратегическому диалогу на высшем уровне», дабы определить, есть ли у Америки и России надежные основания для «долговременного сотрудничества». Но неужели нужны дополнительные усилия, чтобы стало ясным очевидное: этот диалог завершится так же, как и предыдущие. Может быть, новая «потемкинская деревня» нужна для того, чтобы эксперты и политики в обеих странах, которые, кроме создания имитаций, не умеют делать ничего другого, сохранили свою работу и получили новые гранты?

Нет, мы, российские либералы, не призываем Вашингтон не сотрудничать с Москвой. Мы доказываем, что тактический диалог по вопросам, в которых заинтересованы оба государства, нельзя называть тем, чем он не является.

Мы понимаем, что разговор о ценностях осложнит отношения Вашингтона с Кремлем. Впрочем, эти отношения и так будут некомфортными. Но в случае обращения к нормативному измерению Америка выиграет в одном — она возвратит доверие и уважение к себе прозападной части российского общества. И не нужно считать, будто в Кремле сидят самоубийцы, которые в случае, если Запад откажется от политического массажа и попустительства, непременно возвратятся к «холодной войне». В Кремле пока еще есть прагматики, которые не готовы превращать Россию в Северную Корею — что же тогда станет с их собственностью в Майами?

«Стратегический диалог» может завершиться поражением, признает в конце Грэм. Но при этом успокаивает американскую аудиторию: «Такой результат не станет трагедией, если неудача поможет продвинуть американские интересы».

Можно поблагодарить Томаса Грэма за искренность, которая лучше, чем обманчивая риторика. Вряд ли, однако, роль проводника в осуществлении американских интересов понравится Кремлю. И уж точно эта роль не понравится российским западникам. Можно ожидать, что и они будут делать все, чтобы не стать инструментом в осуществлении интересов Вашингтона.

И последнее: почему американские эксперты до сих пор не готовы размышлять о внешней политике, которая одновременно учитывала бы американские интересы и строилась на более глубоком понимании российских реалий, на деликатном отношении к российскому обществу, так мучительно ищущему свой путь из исторического тупика? Ведь Кремлевская Россия, с которой они хотят строить свой «стратегический диалог», — это еще не вся Россия.

«Ежедневный журнал», 5 апреля 2013

Несколько замечаний вдогонку. Полемика с Томасом Грэмом состоялась весной 2013 г. А летом того же года, когда исчезли все сомнения в том, что отношения между Америкой и Россией достигли очередного дна, американские эксперты высказали свои рецепты, как дело поправить. Они продолжали говорить то, что говорили уже более двадцати лет. Во всяком случае, с момента падения СССР. Они продолжали доказывать своей администрации необходимость все той же политики, которая постоянно заканчивалась кризисом. Они продолжали призывать своего президента не обращать внимания на то, что происходит в самой России. Можно, конечно, было бы их и проигнорировать. Но ведь непонимание России и нежелание извлекать уроки из своих провалов ведут к ошибочной политике государства, которое является лидером западного мира. А неадекватность Америки в отношении России мешает нам, в России, решать свои задачи.

А теперь приведу несколько цитат из рассуждений американских экспертов, которые дают представление об их понимании России и американских целей относительно России.

«Успешное сотрудничество с Россией требует признания российских национальных интересов, даже если кажется, что они не совпадают с интересами США», — утверждал один эксперт. Внешне вроде бы звучит нормально. Все зависит от того, что он имел в виду под «российскими национальными интересами». Как правило, этот лозунг означал призыв прислушаться к Кремлю и не отвлекаться на демократические глупости и критику российской власти.

«Два правительства должны определить совместное видение их отношений для того, чтобы продвигать свои национальные интересы», — призывает другой аналитик. А как опре-

делить это «совместное видение», если Америка для Кремля является противником и врагом? Да и сама Америка, поддерживая ядерный баланс сил, вряд ли видит в России партнера. Как можно прийти в этом случае к «совместному видению»? Или речь идет о «совместном видении» совместной несовместимости? В каком мире живет коллега?

«Для того чтобы улучшить наши отношения, — предлагает третий, — необходимо отделить наши отношения с Россией от нашей позиции относительно политического порядка, который построил Путин». Ну, здравствуйте! Ведь Обама только тем и занимался, что их отделял — и чем он закончил?! Единственное, что осталось американскому президенту, так это начать открыто оправдывать тот порядок, который в России построил Путин.

Кремлевские пропагандисты постоянно твердят об американском вмешательстве в российские внутренние дела, обвиняют Америку в поддержке оппозиции и всех прочих грехах. Но на деле, пожалуй, в мире нет такого западного общества, которое сильнее хотело бы быть как можно дальше от России и ее внутренних дел. А если речь идет об обамовской администрации и сообществе американских экспертов, занимающихся Россией, то для них ценностные категории, защита прав и свобод, критика авторитаризма столь же чужды, как и для кремлевских пропагандистов.

ГЕРМАНИЯ И ЕЕ OSTPOLITIK

А теперь прошу вас вместе со мной поразмышлять о тех же проблемах, но в отношениях России и Германии. Отношения России и Америки являются полем постоянных зигзагов, падений и взлетов, которые завершаются все теми же падениями. Однако отношения Кремля и Берлина — идеальны!! Ни облачка. А если таковые и появляются, то обе стороны стараются, чтобы они не были заметны, и обе стороны работают, что есть сил, чтобы их развеять.

Поневоле задаешь себе вопрос: как получилось, что великая европейская демократия (я имею в виду Германию) сумела построить такие дружеские отношения с Кремлем? Задаешь себе и все тот же вопрос: работают ли эти безоблачные отношения на российские перемены либо на интересы путинской власти? Правда, на прежде безоблачном фоне германо-российского диалога начиная с 2012 г. стала появляться заметная рябь. Она связана со все более критическим настроем в отношении процессов, которые происходят в России, внутри германского общества. Однако этот настрой не повлиял на сохраняющуюся внешнюю безмятежность официальных отношений.

Но все по порядку. Не просто позитив, но и очевидная теплота (!) в отношениях между Берлином и Москвой, так долго сохраняющаяся (кстати, еще с советских времен), во многом, думаю, является результатом чувства вины, которую немцы продолжают испытывать за Вторую мировую войну и нападение гитлеровской Германии на СССР. Это чувство вины находит выражение в том, что они стараются не критиковать даже то в России, что им не может нравиться. Причем в политике Германии, во всяком случае в поведении ее основных политиков и лидеров, проявляется стремление отождествить российскую власть и Россию. Не желая критиковать Россию, они избегают и критики Кремля.

Есть, однако, и более серьезная основа для германо-российского безоблачного партнерства. Она была заложена давно —

еще во времена германского канцлера Вилли Брандта и его ближайшего советника Эгона Бара. Именно в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Брандт с подачи Бара предложил в отношении ГДР, а затем и мировой социалистической системы так называемую *Ostpolitik* («восточную политику»), стержнем которой стала концепция Бара «Перемены через сближение». Суть этой концепции в ожидании, что сближение и переход к сотрудничеству с коммунистическими государствами приведут не только к ослаблению международной напряженности, но и к постепенной внутренней трансформации означенных государств.

Западная Германия принялась активно проводить свою «восточную политику» и в отношении Советского Союза. Начиная с Брандта этот курс осуществляли все германские канцлеры, включая Шмидта, Коля, Шрёдера и, наконец, Меркель. И, как оказалось, с обоюдной, прежде всего экономической, пользой. Одним из элементов «восточной политики» стала сделка «газ в обмен на трубы», которую заключили еще Западная Германия и СССР и активно поддерживал в свое время Брежнев. Так что тесное сотрудничество между Газпромом и немецким Рургазом имеет давнюю историю. Кроме того, уже тогда ФРГ стала лоббистом СССР на мировой и европейской сцене, часто защищая интересы СССР, в частности в спорах внутри НАТО.

«Восточная политика» Брандта уже в период его правления сняла напряженность, которая долго существовала между двумя блоками и между двумя германскими государствами. Но основная предпосылка Брандта, на которой он строил свою «восточную политику», — геополитические отношения должны привести к позитивным внутриполитическим изменениям — оказалась ошибочной. «Восточная политика» ФРГ не смогла изменить суть коммунизма; коммунистическая система обвалилась, но не в результате «восточной политики» ФРГ, а в результате потери внутренней жизнеспособности.

На новом этапе «восточная политика» нашла продолжение в ориентации Герхардта Шрёдера на дружбу и взаимодействие с Кремлем. Эта дружба, в первую очередь между Шрёдером и Путиным, стала столь тесной, что немецкие средства массовой информации окрестили политику Берлина в отношении России «шрёдеризацией». Шрёдер не только стал личным другом Путина; он пошел на службу к Путину в качестве высокооплачиваемого функционера. Конечно же, функционера Газпрома. В своих мемуарах Шрёдер называл Путина «совершенным

демократом» и доказывал, что Путин проводил в России политику, которая соответствует интересам и желаниям российского общества! Возможно, Шрёдер так действительно считает. Что ж, это говорит о шрёдеровском понимании российской реальности, а возможно, и о его отношении к демократии.

Из шрёдеровского русла не смогла выбраться и Ангела Меркель, которая продолжила политику партнерства с Москвой, хотя уже без прежних объятий с хозяином Кремля и дружбы семьями. «Франкфуртер альгемайне цайтунг» с горькой иронией писала: «Нынешний германский канцлер должна, стиснув зубы, подставить Путину обе щеки, для того чтобы не подорвать энергетическую безопасность Германии».

Политика сближения с Россией, а вернее, с российской властью так и не смогла вызвать позитивные изменения в российской траектории. Сколько германский истеблишмент ни сближался с Москвой, это не привело к либерализации и демократизации российской системы. Германия не сумела заинтересовать Кремль своим опытом строительства демократических институтов.

Германский бизнес, вместо того чтобы учить российского предпринимателя и бюрократа прозрачности и рыночным отношениям, сам оказался податлив на российское растлевающее влияние. Германские компании «Сименс» и «Даймлер-Бенц» попали под следствие в Германии и США за постоянные взятки (причем в огромных размерах) российским чиновникам.

Но немецкая сторона, видно, не теряла надежду, что Россия все же встанет на путь реформ. В 2008 г. немецкие социал-демократы предложили новую модификацию «восточной политики». Ее инициатором выступил лидер социал-демократов Вальтер Штайнмайер, бывший министр иностранных дел Германии, который сформулировал идею «сближения через переплетение». Конечно, сближения России и Германии. Словом, идея все та же — будем сближаться и на этой основе поможем русским совершить, наконец, их модернизацию. Немцы уговорили Брюссель принять их стратегию. Разве ЕС откажется от предложений европейского гегемона?! Новая модель отношений Европы с Россией получила название «Партнерство во имя модернизации». Это были времена медвежьего правления, и Берлин (как и другие столицы) оказался очарован новым российским лидером и всерьез начал

надеяться, что Европа поможет России модернизироваться. Кончилась эта затея тем же, чем и предыдущие германские инициативы.

Новое разочарование, однако, отношений между Берлином и Москвой не подорвало. Эти отношения до сих пор лоббируются влиятельными немецкими дипломатами и представителями бизнеса, заинтересованными в доверительном диалоге с российской правящей командой. Как объяснял один из идеологов дружеских отношений Германии с Кремлем «несмотря ни на что», социал-демократ Гернот Эрлер: «Кто бы ни был немецким канцлером, социал-демократ либо христианский демократ, Германия должна иметь хорошие отношения с российским лидером. Это объясняется нашей географией, нашей историей, войнами между нами, нашим соперничеством, другими деликатными вопросами. Это объясняется тем, что Германия хочет, чтобы Россия была частью Европы». Непонятно, как «хорошие отношения» Германии с Кремлем могут помочь России стать частью Европы? Отношения эти до сих пор прекрасные, но Россия не только не стала европейским государством, но начала двигаться в противоположную сторону! Кстати, вопрос, на который я пока не могу дать вразумительного ответа: почему именно немецкие социал-демократы так рьяно и самозабвенно отстаивают идею очищения германской политики от нормативного измерения, когда говорят о России, и почему они столь энергично выступают за сотрудничество с кремлевским авторитарным режимом?! Только ли экономический интерес тому причиной? А может, и неверие в то, что Россия и россияне могут быть вполне цивилизованной нацией, живущей по тем же правилам, по которым живет Германия?

Но почему же именно германские социал-демократы оказались в Германии основной политической силой, которая так рьяно поддерживает Кремль?

Ведущие «организаторы» германского бизнеса (среди них, конечно, Клаус Мангольд, долголетний председатель могущественного Восточного комитета германской экономики, который занимается продвижением интересов германского бизнеса в России) не устают повторять, что интеграция России в Европу «является нашей целью». И действительно, германские усилия помогли интегрировать «в Европу» коррумпированную российскую элиту и превратить Европу

в отмывочную для грязных российских капиталов. Но это не помогло России стать частью Европы!

Вообще, больше всего пекутся о тесных отношениях с Россией те немецкие политики, которые либо имеют в России свои коммерческие интересы (как тот же Шрёдер), либо так или иначе замешаны в восточногерманские дела и контакты со штази. Так, один из самых активных лоббистов с германской стороны — Лотар де Мезьер, бывший член кабинета Гельмута Коля (вице-премьер) — был вынужден подать в отставку, попав под подозрение в слишком тесных отношениях со штази (по данным журнала «Шпигель», де Мезьер служил ее агентом под кодовой кличкой «Черни»). Но он по-прежнему состоит в разных влиятельных комитетах и комиссиях и продолжает продвигать отношения с Кремлем. Один из этих комитетов занимается выдвижением известных мировых политиков в лауреаты престижной германской премии «Квадрига» (я уже упоминала о ней выше). Среди лауреатов «Квадриги» — Горбачев, Гавел, Коль. При активном участии де Мезьера кандидатом на получение премии в 2011 г. выдвинули — угадываете кого? Правильно — Владимира Путина. Только сопротивление Гавела помешало Путину получить награду за «выдающиеся достижения» во всем хорошем. Однако де Мезьер, как ни в чем не бывало, не перестает крепить дружбу с Россией, вернее, с официальной Россией, в роли руководителя германского координационного комитета «Петербургского диалога», такого коллективного органа официальных представителей России и Германии, в котором они успешно укрепляют свои доверительные отношения. Сколько этот форум уже критиковали в самой Германии, но он по-прежнему действует.

Германский истеблишмент процессы в российском обществе, видимо, до сих пор не волновали. В официальном Берлине старались не замечать, что главный немецкий партнер в Кремле потерял поддержку прогрессивных слоев общества и начал зажимать общество. Германские политики и бизнесмены, очевидно, слушали тех экспертов, которые им говорили: «Путин — это российский де Голль. Путин — это российский Аденауэр». Конечно, немцы понимали, что это далеко не так. Но это служило оправданием их дружбы с «российским Аденауэром».

Думаю, многие в политическом Берлине действительно возлагали на Путина немалые надежды. Я помню (и многие

в Берлине помнят), как Путин, выступая в бундестаге в сентябре 2001 г. на языке Шиллера и Гёте, вызвал нескончаемую овацию присутствующих. Российский лидер, да еще говорящий на немецком, видимо, знающий Германию, — это внушало надежды. Берлин, видно, надеялся на особые отношения с этим человеком.

Надежды оправдались. Этот человек («немец в Кремле», как его назвал немецкий пропагандист объятий с Кремлем Александр Рар) пошел на особые отношения с Германией. Путин знал, что сказать немцам, и сказал то, чего Германия ожидала: «Германия будет ключевым европейским дистрибутором газа. Германия будет основным нашим инвестором». Кремль действительно был заинтересован в отношениях с Германией, и не потому, что Путин говорит на немецком. Для Кремля эти отношения были важны, видимо, в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, потому, что у Путина в Германии имелись определенные контакты, которые он мог задействовать и которые могли облегчить решение коммерческих и прочих задач, стоявших в путинской повестке дня. Упомяну лишь один и самый известный кремлевский контакт в Германии — Маттиас Варниг, ныне исполнительный директор компании-оператора Газпрома. Г-н Варниг — бывший сотрудник штази, соратник Путина по прежней работе и один из тех, кто облегчал контакты Кремля в германской среде.

Во-вторых, потому, что с советских времен у Германии и России налажен диалог и основа этого диалога — потребность немцев в российском газе. Газпром удовлетворял эту потребность. Давнее сотрудничество Москвы и Берлина в энергетической сфере сделало Германию ключевой страной для достижения энергетического господства России в Европе. Немцы это понимали и были готовы играть роль «ключа».

В-третьих, Путин не мог не ощущать, а скорее всего, знал, что немецкий бизнес и определенная часть немецкой элиты готовы сотрудничать с Кремлем на путинских условиях.

Немало для дружеского сотрудничества — не так ли? Коротче, Германия стала для Кремля плацдармом для завоевания Европы. Только российско-германское сотрудничество не пошло на пользу российскому развитию и российской модернизации.

Слава Богу, что Германия не ограничивается официальным Берлином. Германия — страна с удивительно развитым

гражданским обществом, влиятельным общественным мнением и свободной прессой. Немецкое общество и немецкая пресса всегда исключительно критически воспринимали и путинскую Россию, и российскую политику Берлина. Резкую критику событий в России, да и германской политики в отношении России всегда высказывали немецкие «зеленые». Так, Мари-Луиза Бек, один из самых активных «зеленых» критиков российского авторитаризма, наверное, попортила немало крови германским дипломатам, заикленным на объяснениях с Кремлем. Хотя признаю, что немецкое общественное мнение так и не смогло заставить власть изменить политику «шрёдеризации-меркелизации».

Ситуация, однако, начала меняться после очередного возвращения Путина в Кремль. В ноябре 2012 г. немецкий бундестаг одобрил резолюцию, в которой критически оценивал политику Путина в отношении российского общества и наступление Кремля на гражданские и политические права. Обсуждение резолюции бундестага чуть не вызвало раскол в германских официальных кругах. Социал-демократы подготовили свою версию резолюции с мягкими и округлыми фразами. Она была отвергнута, хотя социал-демократам все же удалось смягчить христианско-демократический вариант. Против резолюции открыто выступило германское Министерство иностранных дел. Оно даже решилось на невиданный для демократической страны шаг: переписало некоторые тезисы парламентской резолюции, которые могли вызвать недовольство Кремля. Так, вместо фразы о беспокойстве бундестага по поводу положения с верховенством закона и правами в российском обществе министерство вписало фразу с совершенно другим значением: «Россия является ключевым партнером Германии... крупнейшим государством в мире, которое располагает на двух континентах... и ведущим поставщиком энергоресурсов в Германию». Можно подумать, что эта фраза написана российскими дипломатами!

Было видно, что любая критика в адрес Москвы затрагивает слишком мощные германские интересы, завязанные на сотрудничестве с российской правящей командой. Это и бизнес, и политики, продолжающие придерживаться концепции Брандта – Бара «Перемены через сближение», и эксперты, которые десятилетиями обслуживали этот курс и не могли думать по-другому.

Но, если сами христианские демократы приготовили резолюцию с критикой Кремля, это не могло произойти без одобрительного кивка со стороны Ангелы Меркель. Лед, кажется, тронулся...

На протяжении 2013 г. на страницах немецкой прессы началась дискуссия, в которой известные журналисты и эксперты подвергли жесткой критике политику попустительства, проводившуюся до сих пор Берлином в отношении Москвы. Такого раньше не бывало. Такое в Германии случилось впервые. Значит, немцы пришли к выводу, что дальше закрывать глаза на то, что происходит в России, нельзя.

В Германии явно повеяли новые ветры. Возможно, определенную роль сыграла и позиция нового германского президента Иоахима Гаука, борца за гражданские права еще в ГДР и бывшего «охотника за штази», занимавшегося расследованием преступлений гэдээровской спецслужбы. Понятно, какие чувства он мог испытывать к Путину и его друзьям из той же штази, которые нашли удобные должности в совместном германо-российском бизнесе.

Гаук не выражал стремления встречаться с Путиным, напротив, явно не хотел с ним встречаться. Он встретился с Путиным, когда избежать этого было совсем невозможно, — встреча, как говорили наблюдатели, прошла очень холодно.

Конечно, германская политика, которая всегда имела огромное влияние на политику ЕС и остальных европейских стран, создает для российской власти благодатное поле в Европе. Политика Берлина всегда облегчала не только легитимацию путинской власти, но и взаимную кооптацию немецкой и российской элит — через совместный бизнес и другие контакты. В случае перехода Берлина к более сдержанной политике в отношении Кремля столь усердно и долго создаваемая обеими странами структура поддержки путинской команды в Европе может дать трещины. Конечно, не будем спешить с выводами. Пока Берлин не готов дистанцироваться от Кремля. Любой канцлер вынужден рассматривать интересы немецкого бизнеса как приоритетные в своих отношениях с Москвой. Кроме того, Германия все еще ощущает зависимость от российских энергоресурсов. Да и не менее важный вопрос: в России нет альтернативного субъекта, который мог бы стать партнером Берлина по обсуждению прагматических вопросов. Эти вопросы Берлин должен обсуждать с хозяином Кремля — а как же иначе?

И все же, думаю, общественное мнение вряд ли позволит официально Берлину вернуться к прежней форме шрёдеризации. Пока не понятно, найдет ли Берлин форму, в которой он мог бы высказывать свою озабоченность российскому партнеру в Кремле, но таким образом, чтобы хозяин Кремля воспринял эту озабоченность серьезно? Ведь Ангела Меркель уже говорила Путину о проблемах гражданских прав. И чем это закончилось? Да ничем.

А пока в Германии идет дискуссия. Вольфганг Айхведе, Генрих Фогель, Ульрих Спек, Ханнес Адомейт — известные и уважаемые имена в немецком интеллектуальном и экспертном сообществе — высказали свое мнение: германская политика в отношении России должна учитывать то, что делает власть в отношении российского общества. Посмотрим, прислушается ли к их голосу политическая элита, и прежде всего та команда, которая сегодня управляет Германией.

КАК ЗАСТАВИТЬ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ РАБОТАТЬ НА РОССИЮ?

Пожалуй, одна из давно назревших задач сегодня — обсуждение внятной либерально-демократической позиции по внешнеполитическому «пакету». Речь идет в первую очередь о понимании национально-государственных интересов России, ее роли на мировой сцене, отношений России с Западом и своими соседями. Впрочем, российские либералы до сих пор не имеют четкого представления о роли Запада в российской трансформации, и даже об интересах Запада в отношении России. Между тем без ценностной концептуализации внешнеполитического «пакета» невозможно осмысление либерально-демократического вектора развития России, а в нем нуждаются не только либералы, но и прагматики внутри правящего класса, уже заговорившие о цене, которую России приходится платить за ее внешнюю политику.

Пока Россия представляет собой политическое «болото», в котором очень трудно вычленить реальные национальные интересы и структурировать их. Российская элита этого делать не собирается и продолжает предлагать собственные интересы в качестве общенациональных. Общество же не всегда осознает свои общенациональные интересы. Но даже если оно их интуитивно осознает, у него нет представителей, которые публично артикулировали бы эти интересы. Самому обществу сложно увязать свои конкретные интересы с внешней политикой, которая соответствовала бы этим интересам и была инструментом их осуществления на мировой сцене.

Осмысление ценностного измерения российской внешней политики будет нелегким процессом. Но его когда-то нужно начать. Разумеется, одной из первых задач становится определение нормативного подхода к отношениям России и Запада и роли этих отношений в трансформации российского общества. На данном этапе вряд ли есть основания для выдвижения либеральной внешнеполитической альтернативы, которая была бы структурирована как альтернатива официальной внешнеполитической стратегии российской власти.

Во-первых, пока никому ее предлагать, а во-вторых, инструментальная, технологическая альтернатива невозможна, пока не произошло интеллектуальное осмысление внешней политики как фактора решения внутривнутриполитических проблем. Нам еще предстоит отказаться от слепого следования государственно-бюрократическому патриотизму и преодолеть представление о единстве власти, государства и народа. Это представление является мощным барьером, блокирующим все попытки самостоятельного и критического взгляда на внешнюю политику.

Для формирования либерального взгляда на роль России в мире, я полагаю, необходимо в первую очередь разделить интересы элиты и интересы России и рассматривать внешнюю политику и ее конкретные решения с точки зрения того, насколько они обеспечивают условия для модернизации и трансформации России, а не для сохранения статус-кво, т. е. продления жизни традиционной системы. Российские реалисты полагают, что если говорить об интересах, то можно игнорировать ценности, стандарты и идеологию. Приходится повторять, что «интересов вообще», абстрактных интересов не существует. Все интересы, которые проецируются на внешнюю политику, в конечном итоге отражают способ осуществления власти. Попытка вычленировать интересы без ценностей либо доказывать их «внеидеологический» характер является лукавым способом легитимизировать и продвигать интересы правящего слоя, не имеющие ничего общего с интересами общенациональными.

России рано или поздно придется размышлять над тем, почему даже в момент своего недавнего, казалось бы, возвышения, о котором в упоении твердили российские пропагандисты, она вдруг очутилась в неприкаянном одиночестве. Видимо, неожиданно для самой власти, но в результате именно ее усилий Россия потеряла возможность претендовать на роль полюса притяжения даже для своих союзников, которые давно уже начали поглядывать на сторону. Углубление в России кризисных тенденций только активизирует попытки соседних государств-клиентов найти новые, более притягательные либо более удобные полюса притяжения, не отказываясь при этом «доить» Россию. А если у полюса убегает «орбита», то он перестает быть полюсом...

Миссия либералов, думаю, заключается в том, чтобы доказывать: нельзя модернизировать Россию без адаптации к западным стандартам, что оказывается невозможным без вклю-

чения России в евро-атлантическое пространство. Установка на превращение России в спойлера либо в «самостоятельный центр силы», о котором все твердит Кремль, выгодна элите, уже интегрировавшейся в Запад в личном качестве. Теперь она прилагает неимоверные усилия, чтобы доказать и российскому обществу, и Западу, что интеграция России в западное сообщество по разным причинам невозможна. Миссией либералов должна стать выработка аргументов в пользу вхождения России в западную цивилизацию.

Конечно, можно тешить свое самолюбие и искать пути альянса России и Запада, в который Россия внесла бы свой «цивилизационный вклад». Но в таком случае нужно четко определить, что Россия может предложить Западу, кроме сырья, комплексов своей элиты и своих многочисленных проблем?

Пример России лишь подтверждает, что без включения в том или ином качестве в западную цивилизацию и принятия ее правил игры постиндустриальная модернизация посттоталитарной страны невозможна. Короче, инновации в российском обществе невозможны без его вестернизации.

А создание европейских институтов — это и принятие европейских ценностей. В свою очередь, вестернизация немыслима ни в условиях отчуждения, а тем более противостояния с западной цивилизацией, ни в ситуации, когда правящая элита пытается сохранить традиционалистское государство за счет внешнеполитического торга с Западом.

Придется доказывать и Западу, что современная и успешная, а потому не представляющая для него угрозы Россия невозможна в роли «кошки, которая ходит сама по себе». Западному сообществу пора задуматься о более эффективных путях интеграции России, и, возможно, эта задача станет его миссией в XXI в. Либералам придется разговаривать с российским обществом и объяснять ему, что вступить в западный клуб, не купив билета и не приняв его правил игры, нельзя. Не готовы покупать билет? Не нравится принимать чужие правила? Гордыня не позволяет? В таком случае россияне должны понять, что станет для России альтернативой, и решить, насколько они готовы сделать ее своей судьбой.

Запад не готов к интеграции России? Да, не готов. Кто же захочет получить такую головную боль! Значит, нужно говорить и Западу о том, чем станет Россия, оставшись в «серой зоне», и что это будет означать для Запада.

Наконец, российские либералы не должны испытывать неловкость, критикуя (причем если нужно, то жестко критикуя) Запад, особенно в тех случаях, когда он во имя своих текущих и эгоистических интересов готов проводить политику попустительства в отношении российского класса рантье, тем самым способствуя деградации России. Либералы должны видеть опасность упрощенческого отношения Запада к России. Я имею в виду как попытки западных лидеров «продвигать демократию» таким способом, который может осложнить жизнь демократам в России, так и их политику «реализма», означающую отказ от цивилизационных критериев в отношениях с российской элитой и стремление осуществить свои корпоративные интересы за счет сделок с российскими традиционалистами.

Что российские либералы могут сказать Западу? Они могут прежде всего сказать: «Следуйте, господа, своим принципам, и это будет самая весомая поддержка демократических процессов в России. Если вы не можете повлиять на поведение российской элиты, которая стала частью западного сообщества, то хотя бы избегайте активной поддержки российской системы и постоянного отступления перед ней из страха перед ее возмездием».

Россия сама должна начать новую попытку реформировать себя. Но эта попытка будет успешной только в том случае, если западное сообщество перестанет, по крайней мере, поддерживать российское самодержавие. Если Запад окажется к этому не готов — что ж, это будет доказательством того, что западная цивилизация не только потеряла чувство миссии, которое ей когда-то было присуще, но и не способна адекватно оценивать глобальные вызовы. А именно таким вызовом является недореформированная Россия, повернувшая в прошлое.

Пока Запад думает, мы, либеральные интеллектуалы, должны делать свое дело. В том времени, в котором мы оказались, самое важное — проектирование будущего, строительство Альтернативы, которая может быть востребована быстрее, чем сейчас кажется.

ТРИУМФ КРЕМЛЯ: НАДОЛГО ЛИ?

2013 год, пожалуй, войдет в историю. Это был год, который подтвердил неспособность глобальных институтов-регуляторов справиться с мировыми вызовами. Я имею в виду прежде всего Совет Безопасности. Это был год, который обнажил паралич западного сообщества — он, в частности, проявился в растерянности и потере ориентира движения у Европейского Союза, в дезориентации Америки и ее стремлении уйти в себя. Это был год, который привел Владимира Путина к мировому триумфу. Возвышение Путина на международной сцене, конечно же, придало новое дыхание российской власти внутри страны.

Всю эту неожиданную цепочку событий вызвала Сирия, вернее, кровавая гражданская война в Сирии. Кто бы еще за полгода до этих событий сказал, что Сирия придаст энергию дряхлеющему российскому самодержавию?!

Между тем война в Сирии к тому моменту продолжалась уже два года, унеся жизни около 100 000 человек, сделав несколько миллионов сирийцев беженцами и вызвав один из самых драматических гуманитарных кризисов в новой мировой истории. Совбез оказался неспособным принять ни одну резолюцию, которая заставила бы сирийского «мясника» Башара Асада прекратить насилие в своей стране. Столкновение в Совбезе позиций по Сирии, с одной стороны, западных держав, с другой стороны, России и Китая продемонстрировало полную неспособность Совета Безопасности выполнять свою роль в разрешении конфликтных ситуаций такого масштаба. Запад, и в первую очередь Америка, на этот раз не был готов вмешиваться в сирийскую драму без санкции Совбеза. Мир молча взирал на сирийское кровопролитие. И только когда в Сирии применили химическое оружие, что повлекло за собой массовую гибель гражданского населения, Запад зашевелился. Дальше делать вид, будто ничего не происходит, стало невозможно — равнодушие и бездеятельность западного общества грозили не только породить новые очаги насилия,

но и ослабить влияние западной цивилизации, что осложнило бы ее существование. В самой трудной ситуации оказался Барак Обама, перед этим опрометчиво сказавший, что применение оружия массового поражения в Сирии станет для него «красной чертой», после перехода за которую Америка будет готова вмешаться. Теперь Обама был вынужден заявить, что произведет «короткий» военный удар по Асаду, который, судя по информации, имевшейся у западных правительств, нес ответственность за применение химического оружия против собственного народа.

Но вмешиваться Обама как раз и не хотел. Он не горел желанием начинать новую войну на Ближнем Востоке. Ведь он обещал Америке, что покончит с вооруженным вмешательством США в дела других стран. Да и по своему характеру Обама не военачальник. Он просто нерешительный и опасливый человек, который привык много и красиво говорить, но не готов к рискованным действиям. Было ясно, что и американский конгресс не поддержит военную интервенцию США в Сирии.

Более того, все понимали, что «короткий удар», который обещал нанести Обама, ничего не решит. Он вряд ли мог покончить с химическим оружием Асада. Он не мог закончить гражданскую войну в Сирии. Он не мог остановить углублявшийся кризис с беженцами. Но отказаться от военного удара означало бы предстать перед миром и своей страной в роли президента-балаболки. Обама оказался загнанным в угол: любое решение, какое бы он ни принял, было бы для него провальным.

Именно в этот момент Обама на помощь пришел Владимир Путин, предложив план передачи сирийского химического оружия под международный контроль. Обама был спасен! Путинский план означал, что Обама не нужно унижаться и обращаться в конгресс, который отказал бы ему в поддержке. У него вообще отпала нужда ввязываться в вооруженный конфликт, чего он так не хотел. Теперь Обама мог отбиться от обвинений в бездействии. Да и другие западные лидеры были избавлены от мучительных размышлений: соваться в Сирию или нет?

Путин предложил план, спасавший репутацию не только президента Обамы. Российский президент спас репутацию Запада и одновременно позволил сохранить лицо Совету Безопасности. Путину так долго не везло с международными инициативами. Он всегда был заднескамеечником в компании мировых лидеров. Он чувствовал себя непризнанным, на него

не очень обращали внимание, его явно и неприкрыто не любили. И вот — этот момент неожиданного триумфа!

Впрочем, американские журналисты вскоре раскопали, что идея передачи сирийского химического оружия под международный контроль обсуждалась давно и, скорее всего, принадлежала самому Обаме. Питер Бейкер и Майкл Гордон из «Нью-Йорк таймс» рассказали, что эта идея поднималась Обамой на встрече с Путиным еще в июне 2012 г. во время встречи «Двадцатки», но не была поддержана российским лидером. Затем госсекретарь Керри вновь вернулся к ней в мае 2013 г., когда приезжал в Москву, но тоже не встретил в Кремле отклика. И только в сентябре 2013 г. Путин решил ее поддержать. Почему же американцы не пытались продвигать эту идею? Они понимали, что без поддержки России ее не одобрит Совет Безопасности. А предпринимать какие-либо действия без резолюции Совбеза Вашингтон уже не хотел.

Путинский план международного контроля над химическим оружием в Сирии был одобрен Совбезом, и начался поиск механизма его реализации. Между тем аналитики высказывали сомнения в возможности полного уничтожения химического оружия в стране, где идет гражданская война. Не вводя в Сирию международный военный контингент, это было трудно сделать. Совбез, однако, решил, что уничтожить свое оружие будет сам Асад. И Асад начал его уничтожать. Но кто мог поверить, что диктатор, так долго водивший мир за нос и так откровенно лгавший мировому сообществу, вдруг честно выполнит свои обязательства?! Кроме того, план по уничтожению химического оружия не мог закончить гражданскую войну в Сирии. Этот план означал всего лишь откладывание поиска реального выхода из сирийской западни. Причем этот выход становился все более сложным. Асад из изгоя превращался в легитимного лидера, с которым международное сообщество вынуждено вести переговоры. Получив своеобразную международную легитимацию, Асад не собирался сдавать позиции, что означало одно: кровопролитие в Сирии продолжится...

Способ решения сирийской проблемы создавал опасный мировой прецедент: отныне любой диктатор мог использовать оружие массового поражения против своего народа либо других государств, мог шантажировать этим оружием мировое сообщество и остаться безнаказанным! Башар Асад при поддержке Москвы и молчаливом попустительстве западных

столиц предложил рецепт спасения кровавых диктатур! Мировое сообщество его фактически одобрило.

Впрочем, эта горькая истина была ясна с самого начала. Но Запад и в первую очередь Америка ухватились за сомнительный выход, не имея ни желания, ни готовности думать о более сложных сценариях. Западные лидеры не намеревались больше ввязываться в конфликты на Ближнем Востоке. Для них теперь важнее было сохранить лицо и загнать сирийскую ситуацию в подобие контролируемого русла. Путин помог Западу решить обе задачи. Запад согласился с тем, чтобы Путин стал его спасителем. Пусть и на короткое время. Западные лидеры не хотели думать о стратегии и о будущем — они думали о тактических задачах и о текущем. Они пошли на сделку, отодвинув и нормативные ценности, и гуманизм, и стратегические интересы. Они согласились и с тем, что Путин одновременно спас Башара Асада от необходимости отвечать за преступления против человечности. Они согласились стать должниками Кремля.

Что же неожиданный триумф Путина на мировой сцене означал для России? Международный успех Кремля очевидно расширял поле маневра российской власти как внутри страны, так и на мировой сцене. На практике это означало для Кремля возможность действовать внутри страны без оглядки на то, что скажут о российской власти за рубежом. Кремль и прежде не обращал на это особого внимания. Но теперь правящая команда могла быть уверена, что в западных столицах будут повежливее и поосторожнее, когда зайдет речь о российском правителе. Отныне можно было не ждать гадостей от Белого дома — ведь Обама должен помнить, чем он обязан Путину. Можно было теперь не волноваться, что Вашингтон начнет действия против лиц, упомянутых в «списке Магнитского» либо попытается преподнести Кремлю иные неприятные «сюрпризы». Короче, для Кремля раздвигалось пространство международного благоприятствования.

Именно в момент своего триумфа Путин выступил с новой стратегией для России, которая включала и обновленную внешнеполитическую повестку дня. Сделал он это на заседании международного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. Новая стратегия появилась не вдруг — Кремль к ней шел давно. Толчком к ее созданию стала «оранжевая революция» на Украине, которая, видно, оказалась шоком для российской власти.

Кремль задумался о том, как ему обезопасить Россию от подобного и как предотвратить влияние Запада, конечно же, ответственного за «оранжевую чуму».

Любопытно, что новая стратегия появилась в момент сотрудничества России и Америки по самому важному в то время для мирового сообщества вопросу — по Сирии. Сам факт ее обнародования говорил о том, что Кремль попытался использовать свой международный успех для закрепления его в виде новых правил игры, которые Москва предлагала Западу, причем почти в ультимативной форме.

Ниже я предлагаю краткий анализ «Валдайской доктрины» Путина. Она может создать впечатление, будто Кремль приготовился к «холодной войне» с Западом. Нет, конечно! Но «холодный мир» России с Западом был вполне возможен. Путин заговорил с Западом с позиции превосходства и с позиции силы. Глядя на западных лидеров, в тот момент можно было согласиться, что реальных оппонентов у Кремля на Западе действительно нет.

Правда, Кремль не учитывал одно: Запад не сводился к Обаме, Меркель, Олланду либо Камерону. Запад представлял собой сложную систему с мощным общественным мнением, могущественной оппозицией, влиятельной представительной властью и независимой прессой. Вот в глазах этой части западного сообщества Кремль выглядел очень плохо. И эта часть западного сообщества не собиралась молчать о том, что она думает о триумфе Путина и о делах российской власти внутри России.

«ВАЛДАЙСКАЯ ДОКТРИНА» ПУТИНА

В истории, случается, заурядное событие вдруг обнажает нечто большее. Так, юбилейное заседание международного клуба «Валдай», который был создан для лоббирования кремлевских интересов за рубежом и улучшения имиджа путинской России через кооптацию зарубежных политиков, журналистов и экспертов, продемонстрировало нам состояние российской власти, нашей оппозиции и западного политико-экспертного сообщества. Стоит поблагодарить организаторов «Валдая» за возможность увидеть все сразу и столь наглядно. Давайте взглянем на валдайскую «картинку» и вычленим основное.

Начнем с персонификатора власти — Владимира Путина. Да, действительно, «Валдай» предоставил Путину возможность

ощутить свой звездный час. Российский президент получил сцену для того, чтобы насладиться неожиданно выпавшей ему ролью спасителя Запада из сирийской западни. Но все дело в том, что путинский план, за который отчаянно ухватился Вашингтон, является фейком — этот план не только не гарантирует международного контроля над сирийским химическим оружием, но и не может остановить гуманитарный кризис в Сирии, который расползается на близлежащие страны. Вопрос лишь в том, кто будет нести ответственность за неизбежный провал имитации сирийского урегулирования — Путин или уже ставший «хромой уткой» Обама?

Впрочем, неприятное для многих прозрение еще впереди. А пока можно походить в триумфаторах. Паралич Запада, ставший очевидным благодаря сирийской истории, только усилил мессидж, с которым Путин собрался обратиться к России и миру. Он его явно долго готовил, вбрасывая в общество то одну, то другую идею. И вот наступил момент, когда Кремль решил, что пора предъявить миру доктрину, которая должна обосновать новый политический режим, оформившийся в России в последние годы, и кремлевские международные претензии. Правда, Путин изложил свою доктрину перед весьма странной аудиторией. Сошедшие со сцены западные политики, прикормленные зарубежные и отечественные эксперты, несколько российских оппозиционеров, которым была отведена роль декорации, а также приглашенные, видимо, для массовости, самые разные люди (как выразилась одна из них — «представляющие только себя») — не в таком формате обычно произносят переломные речи. Что ж, пришлось говорить перед публикой, которая оказалась под рукой.

«Валдайская доктрина» Путина обескураживает не меньше, чем аудитория, перед которой он ее озвучил. Она производит впечатление сборной солянки, куда повар побросал, не глядя, несочетаемые ингредиенты: советизм, национализм, империализм, православный фундаментализм. Эту смесь трудно назвать «идеологией»; но ее основная идея, проговоренная Путиным, не вызывает сомнений. Суть «Валдайской доктрины» Путина — не только отторжение, но и сдерживание Запада внутри России, как совокупности либерально-демократических норм, и вне России, как западных внешнеполитических интересов. Автора доктрины можно обвинять в противоречивости того, что он предлагает в качестве основы государственного устройства России и ее отношений с миром. Зато он последователен и понятен в том, что отвергает. Так вот: Путин отвергает Запад как систему, как образ мышления, как

образ жизни. Идею об «уникальности» российской цивилизации Путин высказывал еще в ходе своей президентской кампании. Теперь же он уточняет, что является его целью. Эта цель — «государство-цивилизация», которое строится на традиционных ценностях, «скрепленное» в первую очередь православной церковью. В чем стержень этого «государства-цивилизации», очевидно — в самодержавии. Характер «скрепы», призванной его цементировать, заставляет взглянуть на Иран: он может дать нам некоторое представление о том, что нас ожидает. Словом, речь идет о возвращении к архаичному, воинствующему, фундаменталистскому самодержавию, которое претендует на обладание правдой и истиной и открыто себя противопоставляет либеральным демократиям.

Пожалуй, еще никогда российский лидер не говорил столь откровенно и эмоционально о своем неприятии Запада и об угрозе, которую несет миру западная цивилизация. Он говорил об «отказе» евро-атлантических стран «от своих корней, в том числе и от христианских ценностей», об их «отрицании нравственных начал». Он говорил об идущей с Запада угрозе как на государственном, так и на социальном уровне. Первая находит отражение в попытках Запада «реанимировать однополярную унифицированную модель мира» (неужели речь идет об Обаме, который пытается спрятаться от окружающего мира?). Вторая заключается в подрыве «евро-атлантическими странами» основ существования «человеческого социума»!

Забавно, что наш Савонарола развертывал апокалиптическую картину деградации Запада перед западными экспертами и политиками. Но еще забавнее, что те ему благоговейно внимали и даже устраивали овации! То ли они не поняли Путина, то ли пытались быть вежливыми — но их восторженная реакция на путинские обвинения в адрес Запада не может не интриговать... Интересно, что в этот момент, глядя на них, думал Владимир Путин? Возможно, сидящие перед ним только усиливали у российского лидера ощущение собственного превосходства и чувство миссии по спасению мира!

Путин не ограничился лишь размазыванием Запада. Он бросил ему вызов, заявив, что ведомая им российская цивилизация берет на себя возрождение утраченных Западом христианских ценностей. Причем речь идет не только о том, что Россия становится оплотом морально-нравственных норм. Путин собирается сделать постсоветское пространство «самостоятельным центром глобального развития». Короче, он проинформировал мир, что

ведомая им Россия становится *Анти-Западом*, т. е. противовесом и оппонентом либеральных демократий.

«Валдайская доктрина» Путина заставила вспомнить Фултонскую речь Черчилля в 1946 г., которая ознаменовала начало «холодной войны» между Западом и СССР. «Бросьте, — скажут мне. — Это риторика. В Кремле сидят рационально мыслящие люди, а не самоубийцы». Все так. Но дело в том, что многое из валдайской риторики за последние два года уже приняло осязаемую политическую и законодательную форму, найдя отражение в российской внутренней и внешней политике...

А теперь об оппозиции. Приглашение на Валдай представителей российской оппозиции вполне вписывается в новую доктрину самодержавия. Там, где власть может добиться своих целей не через забивание гвоздей, а более гибкими средствами, она начинает работать в перчатках. Кремлевская тактика в отношении оппозиции обнаруживает понятную логику. Системная оппозиция («Справедливая Россия», ЛДПР и компартия) свою роль в обслуживании Кремля отыграла, и ее пора сдавать в утиль. Кремль теперь пытается «одомашнить» хотя бы часть несистемной оппозиции либо тех, кто может работать под оппозиционеров-радикалов, таковыми не являясь. Приглашение оппозиционеров на площадку власти, на тот же «Валдай», и есть способ приручения. Прирученная оппозиция может получить право участвовать в выборах; может спорить с властью; может критиковать власть — но не подрывая ее монополию. Участие представителей, казалось бы, несистемной оппозиции в разнообразных загончиках при власти говорит о результативности тактики приручения.

«Нужно использовать любую площадку для того, чтобы попытаться повлиять на власть», — возразят мне сторонники участия. Но в чем польза такого участия, если на деле оно на власть не влияет?! Ведь диалог оппозиции с властью на площадке власти ни к чему власть не обязывает. Более того, он происходит по правилам власти. Во всяком случае, пока участие оппозиции в пир-мероприятиях, подобных «Валдаю», работает на Кремль — оно создает видимость сохранения в российской политике плюрализма и даже политической борьбы.

«Что вы постоянно скулите, — сказал мне западный коллега, который участвовал в последнем «Валдае». — Путин позволяет у вас такую же свободу мнений, какая существует у нас на Западе». Вот видите: эксперимент с одомашниванием оппозиции удался. Оппозиционеры-валдайцы могли бы опровергнуть этот вывод

только в одном случае: если бы они во время выступления Путина, информировавшего собравшихся о переходе к новому самодержавию, встали и вышли из зала. Таким способом продемонстрировав свое отношение к «государству-цивилизации». Они предпочли остаться в шоу. Тот факт, что Навальный проигнорировал «Валдай», только дает ему добавочную фору и свидетельствует об отсутствии у него комплексов в отношении власти и надежд на эту власть.

Наконец, что сказал «Валдай» о западном сообществе?

На этот раз компанию Путину составили лидеры-отставники, причем те из них, кто давно стал членом кремлевского пула. Сидевшие вместе с Путиным на сцене бывший французский премьер Фийон, бывший итальянский премьер и бывший председатель Еврокомиссии Проди, бывший министр обороны Германии Рюэ — все они принадлежат к кругу политиков, которые всегда пытались дружить с Кремлем и для которых Россия ограничивается именно Кремлем. Они, видимо, всегда считали, что российское общество не доросло до таких европейских тонкостей, как права человека, демократия и верховенство закона. Недаром Путин так славно ладит с ними! Действующие западные лидеры «Валдай» проигнорировали — хотя многих зазывали. Видно, не хотели быть свидетелями путинского звездного часа.

А если речь идет о рядовых зарубежных и в первую очередь западных завсегдатаях «Валдая», то тот факт, что они каждый год с нетерпением ждут очередной встречи с Путиным, говорит об успехе кремлевского проекта. Организаторы сумели, не тратя огромных средств, которые выплачиваются пиар-компаниям (таким, как небезызвестный «Кетчум») на улучшение имиджа России, создать из западных экспертов кремлевское лобби. Даже понимая российскую реальность, большинство участников «Валдая» воздерживается от ее критической оценки. Ведь в другой раз не позовут! Между тем встреча с российским президентом — это немалый для них дивиденд. Они возвращаются в свои столицы и еще несколько месяцев пересказывают «Валдай» на встречах и семинарах: «Когда я видел (видела) Путина, он мне сказал...» Не будем даже задавать вопрос: в какой степени подобные мероприятия помогают зарубежным наблюдателям осознать реальные процессы в России? И так все ясно.

Вот такая я увидела картинку «Валдай-2013». Как все же удобно, что есть мероприятия, которые позволяют все понять с первого взгляда.

«Ежедневный журнал», сентябрь 2013

На этом завершаю свои заметки. Трудно писать о недавнем прошлом. Оно должно отлежаться. Только через какое-то время понимаешь, что в этом прошлом было основное, а что преходящее; что дожило до настоящего и стало определять будущее, а что осталось всего лишь запятой. Через несколько лет окажется, что иные герои наших сегодняшних дней либо властители наших дум всего лишь бабочки-однодневки. А то, что казалось главным и определяющим, — временный зигзаг либо его имитация.

Я, однако, уверена, что и через несколько лет для либерального сообщества будут важны те вызовы, о которых я здесь говорила. Мы будем размышлять о своем отношении к власти и своих отношениях с властью, а также о том, где та «красная черта», которую в этих отношениях нельзя переходить без угрозы потери достоинства.

Мы будем продолжать спорить о том, что понимать под переменами и как их добиваться — сразу или постепенно? Еще ожесточеннее мы будем спорить о том, с кем дружить. Это вечные вопросы для любого общества, которое все еще ищет свой путь. Надеюсь, наше либеральное сообщество все же приобретет вкус к обсуждению внешней политики и ее взаимосвязи с внутренней жизнью. Вот это был бы действительно прорыв в либеральном восприятии России и механизмов воспроизводства ее системы.

Что же касается власти, то уверена, что все основные тенденции ее существования лежат на поверхности. Они говорят об очевидном: о деградации и механизмах властвования, и тех, кто их обслуживает. Мельтешение власти: постоянная смена лозунгов, шараханья в разные стороны, попытки утратить народ и его же задобрить — все это свидетельствует о потере уверенности и устойчивости. И чем больше подобной суеты, тем очевиднее, что система истощается (а может, уже истощала) свой жизненный век. К сожалению, деградация власти происходит быстрее, чем созревает наша готовность к переменам.

Сегодня задача либерального сообщества не в том, чтобы терпеливо дожидаться падения системы и всю свою энергию тратить на попытки угадать момент этого падения. Наша задача — создавать реальную альтернативу этой системе. Пока, увы, мы так же далеки от проектной деятельности, как и двадцать лет назад.

Да, трудно найти себя и свою миссию в момент исторической паузы. Но нужно готовиться к моменту, когда она завершится. И коль скоро многие из нас не могут создавать «дорожные карты» для будущего, то мы можем по крайней мере не препятствовать его приходу, не работать на систему, которая держит нас в прошлом. Отказ российского интеллектуала и российского либерала служить самодержавию может оказаться революционным переломом в российском развитии.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я благодарна всем друзьям и коллегам, размышления которых помогли мне в написании этих заметок.

Я признательна моей коллеге Наталии Бубновой, первому читателю рукописи, за ее конструктивные замечания.

Благодарю Веронику Лаврикову, которая руководила процессом подготовки рукописи к изданию.

Выражаю признательность издательству «Политическая энциклопедия» за сотрудничество.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Московский Центр Карнеги, основанный в 1994 г. Фондом Карнеги за Международный Мир, — исследовательская организация, в рамках которой ведущие российские эксперты совместно с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги имеют возможность изучать коренные проблемы российской внутренней политики, экономики, международных отношений. Московский Центр Карнеги является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественно-политической жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основная задача которой — содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд Карнеги за Международный Мир на протяжении более чем ста лет своей деятельности занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Фонд Карнеги за Международный Мир является первой глобальной научно-исследовательской организацией с отделениями в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе, Соединенных Штатах Америки. Фонд Карнеги первым в мире воплотил в жизнь идею о том, что в современных условиях экспертно-аналитической организации, задачей которой является содействие глобальной безопасности, стабильности, процветанию, необходимо иметь постоянные отделения в других странах и использовать межнациональный подход в качестве основополагающего принципа своей деятельности. В современном мире, где постоянно усиливаются взаимозависимость и взаимосвязанность глобальных проблем, роль такой организации особенно актуальна.

Фонд Карнеги за Международный Мир

1779 Массачусетс Авеню, NW

г. Вашингтон, 20036, США

Тел.: + 1 202 483 7600

Факс: + 1 202 483 1840

Email: info@CarnegieEndowment.org

www.CarnegieEndowment.org

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935 8904

Факс: + 7 495 935 8906

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

Шевцова Лилия

МЫ: ЖИЗНЬ В ЭПОХУ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Редактор Л. Ю. Пантина

Дизайнер Я. А. Красновский

Технический редактор М. М. Ветрова

Выпускающий редактор Н. Н. Доломанова

Компьютерная верстка Ю. В. Мосягин

Корректор Е. Л. Бородина

ЛР № 066009 от 22.07.1998.

Подписано в печать 20.12.2013

Формат 60х90/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,75. Гарнитура PT Sans

Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел./Факс 8 (499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935 8904

Факс: + 7 495 935 8906

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе

ООО «УП ПРИНТ».

129626 г. Москва, 3-я Мытищинская ул., 16

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ